

Андрей Зализняк

ИЗ ЗАМЕТОК О ЛЮБИТЕЛЬСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Русский Общественный Фонд

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

2007 года

решением Жюри
от 5 февраля 2007

присуждена

АНДРЕЮ АНАТОЛЬЕВИЧУ ЗАЛИЗНЯКУ

**за фундаментальные достижения
в изучении русского языка,
дешифровку древнерусских текстов;
за фнлигранное лингвистическое исследоваиие
первоисточника русской поэзии
«Слова о полку Игореве»,
убедительио доказывающее его подлинность**

ИЗ ЗАМЕТОК О ЛЮБИТЕЛЬСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Издательство «Русскій Міръ»
ОАО «Московские учебники»

Москва 2010

УДК 81'1(091) (092) Зализняк А. А.
ББК 80+81г (2) 6д. Зализняк А. А.
З-23

Серия «Литературная премия Александра Солженицына» основана в 2004 году

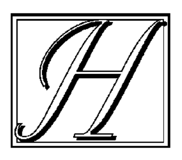
Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Художественное оформление
В. В. Покатов

Книга издается в авторской редакции

ISBN 978-5-89577-132-7

Предисловие

астоящая книга посвящена явлению, широко представленному в современной популярной и полупопулярной литературе и публицистике, — любительской лингвистике, т. е. непрофессиональному разбору слов и других языковых единиц.

В первой главе («Что такое любительская лингвистика») рассказывается об общих особенностях данного рода занятий и его отличиях от науки лингвистики.

Остальные три главы посвящены разбору одного частного случая использования любительской лингвистики, получившего в России конца XX — начала XXI века довольно значительную известность. Речь идет о сочинениях А. Т. Фоменко, посвященных пересмотру традиционных представлений о мировой истории.

Вторая и третья главы представляют собой опубликованные ранее статьи, в которые внесены небольшие дополнения и редакционные изменения. Это «Лингвистика по А. Т. Фоменко» (впервые опубликовано в сборнике История и антиистория–1 [2000]) и «Принципы полемики по А. Т. Фоменко» (реплика на ответ А. Т. Фоменко на предыдущую статью; впервые опубликовано в сборнике История и антиистория–2 [2001]).

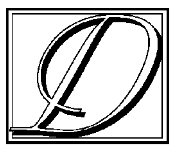
Четвертая глава «Любительская лингвистика в борьбе с наукой» — это оценка более позднего этапа учения А. Т. Фоменко, представленного книгой «Старые карты Великой Русской Империи» [2005].

Самой большой и самой важной является центральная глава — вторая. Поскольку первоначально она была единственной, в ней так или иначе затронуты все основные проблемы, связанные с любительской лингвистикой. В трех остальных главах те же проблемы рассматриваются более полно или в более общем плане. Поэтому в них имеются некоторые тематические пересечения с основной главой; специально устранять такие пересечения мы сочли излишним.

Глава первая

ЧТО ТАКОЕ ЛЮБИТЕЛЬСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Язык как предмет для размышлений

ля большинства людей язык, на котором они говорят, представляет собой не только необходимый для практической жизни инструмент, но по крайней мере в какие-то моменты также и объект живого бескорыстного интереса.

Люди самых разных жизненных занятий и уровней образования время от времени задаются вопросами, связанными с языком. Чаще всего это вопросы о том, что́ правильнее из тех или иных встречающихся в речи вариантов, например: как правильно — *про́дал* или *прода́л*? *волнующий* или *волнительный*? *везде, где бы он ни был* или *везде, где бы он не был*? В этих случаях ответы на такие вопросы могут иметь и некоторую значимость для практической жизни.

Но часто возникают и вопросы, так сказать, бескорыстные, порожденные чистой любознательностью.

Что в точности значит, например, слово *аляповатый*? Откуда оно произошло? Когда оно появилось?

Есть ли какая-то связь между некоторыми похожими словами, например, *мятый* и *мята*? или *суд* и *судно*? или *калий* и *кальций*? или *укусить* и *покуситься*?

Каким было первоначальное значение имени *Юрий*? или названия *Москва*? или названия *Украина*? (Заме-

тим, что в этих случаях обычно спрашивают просто: «Что значит *Юрий* (*Москва*, *Украина*)?», что́, конечно, неточно, потому что никакого собственного «значения» такие наименования в современном языке уже не имеют; см. об этом ниже, в разделе «Фантазии о значениях слов».)

Школьная традиция, к сожалению, такова, что все такие вопросы остаются за рамками обучения. В школе обучают грамматике и орфографии родного языка и элементам иностранного, но не дают даже самых первоначальных представлений о том, как языки изменяются во времени. И в значительной части случаев этих представлений нет и у людей с высшим образованием, в частности, у школьных учителей. Между тем именно к этой сфере относится множество вопросов, которые вызывают интерес у самых разных людей.

В результате для удовлетворения живого интереса к вопросам, связанным с языком, большинству людей приходится довольствоваться случайными сведениями, которые им довелось прочесть или услышать по радио или телевидению.

Многие же пытаются получить ответы на эти вопросы путем собственного размышления и догадок. При этом значительная часть таких людей даже и не знает, что есть специальная наука, занимающаяся этими вопросами, или во всяком случае над этим не задумывается. Свободное владение родным языком порождает у них ощущение, что все необходимое знание о предмете им тем самым уже дано и остается только немного подумать, чтобы получить правильный ответ.

Так рождается то, что можно назвать любительской лингвистикой.

Нельзя не признать, что часть вины за такое положение вещей лежит на самих лингвистах, которые мало заботятся о популяризации своей науки. В частности, этимологические словари, которые призваны служить основным собранием сведений о происхождении слов, существуют только в научном варианте, где терминология и аппарат часто оказываются труднодоступными для непрофессионального читателя[1]. Напротив, лингвисты-любители подкупают своих читателей внешней простотой своих рассуждений — читателю импонирует то, что, судя по простодушному характеру этих рассуждений, никакой особой хитрости в таком занятии нет и он может и сам в нем успешно участвовать.

Всегда ли есть связь между словами, сходными внешне

Основное содержание любительской лингвистики — это размышления о происхождении слов.

Это занятие чрезвычайно популярное. Многие занимаются им от случая к случаю, одни как бы шутя, другие с большой серьезностью. Журналисты — и не только они — очень любят вставить беглое попутное замечание о происхождении какого-нибудь важного для их рассказа слова[2]. Есть, наконец, и столь увлеченные любители,

---

[1] К сожалению, русские толковые словари, знакомые широким кругам читателей гораздо лучше, чем этимологические, в отличие от популярных толковых словарей западноевропейских языков, сведений о происхождении слов (кроме некоторых заимствованных) не дают.

[2] Лингвиста постоянно поражает то, сколь часто подобные «замечания в скобках» о происхождении того или иного слова

что они заполняют своими догадками о происхождении слов целые книги.

Тут следует, конечно, учитывать, что сближение двух слов между собой может производиться с совершенно различными целями. Сближения поэтического или игрового характера претендуют только на эстетическую ценность или на эффект остроумия. От них отличаются сближения, претендующие на разгадку истинного происхождения слова. К сфере любительской лингвистики относятся только последние.

Типовой шаг любительских размышлений — предположение о связи (по смыслу и по происхождению) двух слов, частично сходных внешне, и попытка угадать конкретные детали этой связи, например, какое из этих слов возникло на основе другого, как значение одного слова перешло в значение другого и т. п. Сопоставляемые слова могут при этом принадлежать одному и тому же языку или разным, причем как родственным, так и неродственным, как близким, так и отдаленным.

Любитель, натолкнувшись на иностранное слово, которое внешне похоже на некоторое слово его родного языка, обычно реагирует на это как на интересный обнаруженный им факт, за которым непременно должно стоять что-то существенное. Например, заметив, что английское слово *rod* 'жезл' (в русской транскрипции — *род*) сходно с русским словом *род*, любитель задумывается: в чем тут дело? не попробовать ли разгадать, какая тут связь?

бывают совершенно неверными (хотя ответ обычно можно найти в этимологическом словаре). При этом не всегда автор выдумывает объяснение сам; часто он берет его из сочинения какого-нибудь лингвиста-любителя.

Он не осознает того, что случаи близкого сходства (или даже совпадения) внешних оболочек каких-то слов из разных языков не составляют ничего исключительного, особенно если слово короткое; напротив, было бы крайне удивительно, если бы их не было.

В самом деле, число фонем[3] в любом языке сравнительно невелико — несколько десятков. При этом любитель обычно не вникает в тонкости фонетики иностранного языка, а берет иноязычное слово просто в русской транскрипции; то есть для него все разнообразие звучаний иностранных слов сводится к разным комбинациям из 33 русских букв.

Рассмотрим, например, русские буквенные цепочки, имеющие структуру «согласная + *а*, *о*, *у*, *е* или *и* (т. е. одна из основных гласных) + согласная». Разных буквенных цепочек такой структуры может быть $21 \times 5 \times 21 = 2205$. Как показывает подсчет, около четверти этих цепочек в русском языке служат внешним выражением какой-нибудь словоформы[4], например, *кит*, *рук*, *дал*, *вот* (а в случаях омонимии — даже нескольких словоформ, как, скажем, *рой* — существительное и глагол).

Возьмем какой-нибудь иностранный язык, где много слов имеет структуру «согласная + гласная + согласная» (большинство языков именно таково). В русской транскрипции эти слова будут иметь вид описанной выше

---

[3] Для нашего изложения достаточно считать, что лингвистический термин «фонема» есть просто некоторое уточнение понятия «звук языка».

[4] Словоформа — слово, взятое в некоторой грамматической форме. Например, у слова *слон* имеются словоформы *слон*, *слона*, *слоны*, *слонами* и т. д.; у слова *брать* — *брать*, *беру*, *берёшь*, *брал*, *брала* и т. д.

цепочки. Но в условиях, когда четверть таких цепочек уже «занята» русскими словоформами, практически невероятно, чтобы не произошло никаких совпадений записанных таким образом иностранных слов с русскими словоформами.

Пусть имеется какая-нибудь пара языков, например, такие два родственных языка, как английский и русский. Созвучие английского и русского слов может иметь два принципиально различных источника:

1) наличие исторической связи между этими двумя словами;

2) случайность.

Первая из этих возможностей имеет два варианта:

1а) историческое родство, т. е. происхождение из одного и того же слова древнего языка, являющегося общим предком взятых языков (для английского и русского таким предком является праиндоевропейский язык);

1б) отношение заимствования (т. е. в нашем случае тот факт, что либо русское слово есть результат заимствования в русский язык именно данного английского слова, либо наоборот).

Например, в паре «англ. *three* — русск. *три*» имеет место отношение 1а; в парах «англ. *dog* — русск. *дог*» и «англ. *tsar* — русск. *царь*» — отношение 1б (а именно, в первом случае русское слово заимствовано из английского, во втором — наоборот); в паре «англ. *beach* — русск. *бич*» — отношение 2.

Понятно, что чем ближе родство двух языков, тем чаще будут встречаться пары типа 1а. Например, созвучные слова русского и украинского языков в подавляющем большинстве случаев принадлежат именно к этой

категории. Напротив, при относительно дальнем родстве (как, например, между английским и русским) доля таких пар оказывается небольшой. Наконец, в случае неродственных языков вариант 1а вообще отсутствует.

Для нашего разбора существенно то, что практически всегда имеются пары типа 2 — даже в случае неродственных языков.

Приведем еще некоторые примеры, где между созвучными словами нет никакой исторической связи. Вот несколько английских слов, русская транскрипция которых совпадает с некоторым русским словом: *bob*, *bog*, *beg*, *buck*, *book*, *bitch*, *beach*, *beech*, *bleak*, *bread*; ср. русские *боб*, *бог*, *бег*, *бак*, *бук*, *бич*, *блик*, *бред*. Их значения, разумеется, совсем другие, чем у созвучных русских слов, но совпадения значений в данном случае и не требуется. Ясно, что это лишь маленькая часть английских слов, обладающих данным свойством, — читатель сам может продолжить этот ряд, полистав английский словарь, и без особого труда увеличить его, скажем, в десять раз.

Конечно, внешние совпадения чаще всего отмечаются в тех случаях, когда сравниваемые отрезки короткие. Но могут совпадать и более длинные единицы. Например, не имеют никакой исторической связи с созвучными русскими словоформами итальянские *stradali* 'дорожные', *costi* 'цены', *cervi* (*ce* = *че*) 'олени', *certi* 'некоторые', *gusto* 'вкус', *piano* 'тихо', *porca* 'свинья', *tasca* 'сумка', *perina* 'маленькая груша', *palata* 'полная лопата (чего-либо)', французские *cabane* 'хижина', *morose* 'угрюмый', *corolle* 'венчик', испанское *primer-o* 'первый', новогреческое *skotiná* 'потемки, мрак', шведское *skotska* 'шотландка', арабские *nawāl* 'дар, даяние', *ẓawāl* 'закат,

гибель', *naḥḥāl* 'пчеловод', хинди *nagar* 'город', персидское *baran* 'дождь', турецкие *kulak* 'ухо', *durak* 'остановка' (последнее слово привлекло внимание Иосифа Бродского, который обыграл его в своем эссе о Стамбуле).

Приведенные примеры демонстрируют возможность совпадения целых слов (точнее, целых словоформ). Но представляют интерес также и те случаи, когда созвучны не целые словоформы, а только их корни. Корни же, в отличие от слов, не бывают особенно длинными. Практически в любых языках корень слова обычно состоит из трех-пяти фонем; как более короткие, так и более длинные корни малочисленны. Число корней может быть в разных языках различным, но чаще всего это величина порядка двух-трех тысяч.

В этой ситуации даже в рамках одного и того же языка практически всегда бывают случаи внешнего совпадения разных корней. Например, в русских словоформах *пол* 'настил', *пол-овина*, *пол-ый*, *про-пол-ка* представлено четыре разных (различающихся по значению) корня, хотя и совпадающих внешне.

А при сравнении разных языков случайные созвучия корней разных языков — это уже массовое явление, особенно если корень состоит из широко распространенных в языках мира фонем. Возьмем, например, корень русских слов *мен-а*, *мен-ять* и посмотрим, нет ли в других языках созвучных корней, т. е. таких, которые в русской транскрипции выглядели бы как *мен-* или *мэн-*. Оказывается, таких корней не просто много, а трудно найти язык, где такого корня не было бы! Вот некоторые примеры (приводим из каждого языка лишь по одному такому корню, хотя часто их бывает несколько):

англ. *man* 'человек', *men* 'люди', франц. *il mène* 'он ведет', нем. *Mähn-e* 'грива', итал. *men-o* 'меньше', швед. *men-a* 'думать, полагать', литовск. *mėn-uo* 'месяц', древнегреч. μέν-ω 'остаюсь', санскритск. *man-ā* 'самка', перс. *män* 'я', араб. *män* 'кто', турецк. *men* 'запрет', фин. *mennä* 'идти', венг. *mén* 'жеребец', суахили *men-a* 'презирай'; и т. д. И при этом по данным лингвистики никакая пара из этих корней не имеет между собой исторической связи[5].

Приведенные примеры достаточно ясно показывают, что, вопреки неистребимой вере лингвистов-любителей, внешнее сходство двух слов (или двух корней) само по себе еще никоим образом не является свидетельством какой бы то ни было исторической связи между ними. Ответить на вопрос о том, есть ли такая связь или нет, можно только с помощью квалифицированного лингвистического анализа, который требует привлечения несравненно более широких сведений, чем просто внешний вид двух сравниваемых слов, а именно, обширных специальных знаний об истории обоих рассматриваемых языков.

Внешняя форма слова изменяется во времени

Главное, чего катастрофически не хватает лингвистам-любителям, — это понимание, хотя бы в самых общих чертах, того, как язык изменяется во времени.

[5] Это не значит, разумеется, что такой связи в подобных случаях не бывает вообще. Например, шведское *män* 'люди' родственно английскому *men*, венгерское *menni* 'идти' родственно финскому *mennä*. Просто в данный список мы такие примеры не включали — нам было важно показать, что имеется сколько угодно случаев чисто случайных внешних совпадений.

Например, любитель обычно представляет себе наших предков тысячелетней или двухтысячелетней давности говорящими просто по-русски, т. е. в общем так же, как нынешние русские.

Между тем историческая лингвистика давно установила, что в ходе истории любого языка происходят постепенные изменения на всех его уровнях — в фонетике, грамматике, значениях слов. Скорость этих изменений в разных языках и в разные эпохи различна, но неизменным не остается ни один язык.

Желая связать по смыслу два внешне сходных слова, лингвист-любитель практически всегда берет их просто в том виде, в котором они существуют в современном языке.

В действительности же в ходе истории слова могут менять свой внешний облик чрезвычайно сильно — вплоть до полной неузнаваемости. Вот для наглядности несколько примеров[6].

Латинское *calidus* 'горячий' превратилось во французском языке в *chaud* [šo].

Латинское *capillus* 'волос' превратилось во французском языке в *cheveu* [šəvø].

Древнеанглийское *hlāfweard* (букв. 'хранитель хлеба') превратилось в современном английском в *lord* [lɔ:d] 'лорд'.

---

[6] Поясним, что для рассматриваемых слов (или их частей) мы приводим, как это принято в лингвистике, их письменную форму курсивом, их фонетическую транскрипцию (т. е. запись звучания) — в квадратных скобках, их значение — в одинарных кавычках (' '). Приблизительное значение некоторых знаков фонетической транскрипции: [š] — *ш*; [č] — *ч*; [ɔ] — открытое *о*; [ø] — немецкое *ö*; [ə] — нейтральная гласная; двоеточие после гласной или черточка над гласной — знаки долготы.

Древнеиндийское *bhavati* 'он есть' превратилось в хинди в *hai*.

Древнеперсидское *ariyānām* 'арийцев' (родит. падеж множ. числа от *ariya* 'ариец'; подразумевается: земля, страна) превратилось в современном персидском в *iran* 'Иран'.

Как можно видеть, древняя и новая формы одного и того же слова иногда могут даже не иметь ни единого общего звука.

При этом, однако, важнейшее обстоятельство состоит в том, что во всех приведенных примерах имели место не какие-то случайные индивидуальные смены звуков, а совершенно закономерные (для соответствующих языков и соответствующих эпох) и последовательно реализованные в языке в целом фонетические изменения. Таков общий принцип фонетических изменений, имеющий основополагающее значение для всей исторической лингвистики.

Например, эволюция, превратившая латинское *calidus* во французское *chaud* [šo], — это следующая цепочка сменяющих друг друга во времени форм данного слова (приводим их в фонетической транскрипции):

[kálidus] → [káldus] → [kald] → [čald] → [čaud] → [šaud] → [šod] → [šo].

Превращение древнеперсидского *ariyānām* в персидское *iran* — это [ariyānām] → [airānām] → [ērānām] → [ērān] → [īrān] → [iran].

Существенно здесь прежде всего то, что каждый из шагов такой эволюции — это фонетическое изменение, совершившееся не в одном лишь данном слове, а <u>во всех словах</u> данного языка, где подвергавшийся изменению звук находился в такой же позиции. (Что зна-

чит «такая же позиция», в каждом случае определяется вполне строго, но здесь эти технические детали нет необходимости приводить.) Например, [kálidus] превратилось в [káldus] в силу того, что в данном языке всякое безударное *i* в положении между двумя одиночными согласными в определенный исторический момент выпадало. Далее, [káldus] превратилось в [kald] в силу того, что в некоторый более поздний момент всякое конечное *-us* отпадало; и т. д.

Это требование всеобщности любого фонетического изменения (в данном языке в данный период его истории) составляет главное отличие профессионального изучения истории языка от любительского.

Для любителя примеры вроде приведенных выше — это просто свидетельство того, что фонетический состав слова может со временем очень сильно изменяться и что чуть ли не любой звук в принципе может перейти в любой другой. Это вдохновляет его на то, чтобы при размышлении над любым заинтересовавшим его словом смело предполагать, что это слово произошло от какого-то другого, пусть даже сильно отличающегося по фонетическому составу. Почему бы не предположить, например, что *флот* — это видоизмененное слово *плот*? или что *Тверь* — это видоизмененное слово *табор*? Ведь бывают же самые разные фонетические переходы, так почему бы и не эти?

Если лингвист-любитель кое-что на эти темы читал или слыхал, то он иногда может даже сослаться на какие-нибудь известные ему конкретные примеры, которые, как ему кажется, говорят в пользу его версии. Например, он может вспомнить, что по-латыни 'отец' — *патер*, а по-немецки — *фатер*: вот и пример перехода

п в *ф*! Или он заметит, что по-английски *alphabet*, а по-русски *алфавит*: вот и пример перехода *б* в *в*!

В отличие от любителя, профессиональный лингвист, проверяя эти предположения, немедленно задастся вопросом: имел ли место в истории русского языка общий переход *п* в *ф* (или *пл* в *фл*)? общий переход *б* в *в* (или общий переход сочетания *таб* в *тв*)? И сразу же получит ответ, что ни одного из этих общих переходов в русском языке не было: например, никаких изменений не испытали слова *плавать*, *плоский*, *табак*, *табун* и т. д. (не говоря уже о том, что сохранились без изменений и сами слова *плот*, *табор*). Тем самым обе эти вольные гипотезы будут отвергнуты.

Что же касается любительских аргументов с *патер* — *фатер* и *alphabet* — *алфавит*, то лингвист немедленно их отведет, указав, что первый вообще не имеет отношения к русскому языку, а второй недействителен потому, что в русский язык слово *алфавит* пришло не из английского языка, а из греческого, в котором в соответствующем слове уже было *в*.

Из сказанного выше понятно, что профессиональный лингвист, если он хочет найти, например, для французского слова *chaud* родственное ему слово в некотором другом языке *L* (тоже развившемся из латыни), не подыскивает с этой целью в языке *L* слова, звучащие сходно с [šo] (или даже [šod] или [šaud]). Он ищет слово, которое должно было получиться по правилам фонетических изменений языка *L* из первоначального [kálidus]. Вообще, исследуя происхождение некоторого слова, лингвист всегда рассматривает самую раннюю из зафиксированных в письменной традиции форм этого слова.

Напротив, лингвист-любитель этого принципа совершенно не соблюдает (да обычно просто и не может его соблюсти, поскольку не имеет необходимых знаний). Как мы уже отмечали, он берет для своих сравнений слова непосредственно в той форме, в которой они существуют сейчас, и уже по одной этой причине в значительной части случаев приписывает одинаковое происхождение двум словам ошибочно.

Вот яркий пример, который приводит знаменитый французский лингвист Антуан Мейе: на первый взгляд кажется очевидным родство французского *feu* 'огонь' и немецкого *Feuer* 'огонь'. Однако в действительности они происходят из слов, не имеющих между собой ничего общего: французское слово — из латинского *focus* 'очаг' (с начальным *f* из более раннего *bh*), немецкое — из древневерхненемецкого *fûir* 'огонь' (с начальным *f* из более раннего *p*).

Примеров подобного рода, когда случайное совпадение внешних оболочек двух слов соединяется со случайным совпадением их значений, мало, но все же они существуют[7]. И в этом нет ничего неожиданного, поскольку, как известно, вероятность того, что маловероятное событие не произойдет никогда, тоже весьма мала. Вот некоторые примеры сходства, за которым не стоит ни отношения родства, ни отношения заимствования, то есть ничего, кроме чистой случайности.

Итальянское *stran-o* 'странный' и русское *стран-ный* одинаковы по значению и имеют одинаковый корень

[7] Заметим, что столь же случайной может быть ситуация, когда при сходном звучании представлены в точности противоположные значения; например, итальянскому *caldo* 'горячий' противостоят английское *cold* и немецкое *kalt* 'холодный'.

(но итальянское слово произошло из латинского *extraneus* 'внешний, посторонний, иностранный', от *extra* 'вне', а в русском тот же корень, что в *страна*, *сторона*).

Таджикское *назорат* 'надзор' очень похоже на русское *надзор* (но в действительности оно заимствовано из арабского).

Персидское *bäd* 'плохой' как по звучанию, так и по значению практически совпадает с английским *bad* 'плохой'.

Основа арабского *rädd-ä* 'он отдал' практически одинакова с основой латинского *redd-ō* 'я отдаю'.

Древнеяпонское *womina* 'женщина' очень похоже на английское *woman* 'женщина' (пример С. А. Старостина).

Приведем также пример несколько иного рода, когда речь идет о морфемах[8] одного и того же языка. Родство между русскими словами *кусать* и *кушать* кажется очевидным. Иногда можно даже услышать, как в шутку употребляют первое вместо второго. А между тем историческое языкознание показывает, что в действительности это слова не однокоренные. Гнездо слов *кусать*, *укусить*, *откусить*, *прикусить*, *раскусить*, *выкусить*, *кус*, *кусок*, *укус* и т. д. содержит корень, первоначально звучавший как [kǫs-] ([ǫ] — носовое *о*) — из еще более раннего [konds-], ср. литовское *kándu* 'кусаю'. С другой стороны, гнездо *искусить*, *вкусить*, *по-*

[8] Для читателей, далеких от языкознания, поясним, что морфема — это значащая часть слова (причем такая, которую нельзя разделить на еще более мелкие значащие части). Частными случаями морфемы являются корень, приставка, суффикс, окончание. Например, в слове *за-пис-к-а* четыре морфемы.

куситься, *искушать*, *кушать*, *искус*, *искусный*, *искусство*, *вкус*, *вкусный* и т. д. содержит корень, звучавший и прежде как [kus-] (из более раннего [kous-]). Праславянский глагол с этим корнем представлял собой заимствование из готского *kausjan* 'пробовать на вкус', 'пробовать, испытывать' (которому родственны немецкое *er-kiesen* 'выбирать' и английское *choose*). Соответственно, например, *покуситься* первоначально означало просто 'попробовать, попытаться', *искусный* — '(много) испытавший, опытный', *кушать* — 'пробовать'. Исконная фонетическая разница между корнями [kǫs-] и [kus-] непосредственно видна в польском языке, где сохранились древние носовые гласные: ср., например, *kąsać* 'кусать' (*ą* — польская форма записи носового *о*) и *kusić* 'искушать'.

Разбор данного круга вопросов будет продолжен ниже в главе 2, в разделе «Любительские поиски происхождения слов». В частности, читатель найдет там сведения о том, как решается в лингвистике проблема заимствований, например, как устанавливается, в каком направлении происходило заимствование.

Вольные игры со звуковым составом слова

Из сказанного выше понятно, что профессиональный лингвист уважительно, с полным вниманием относится к каждой фонеме (соответственно, в письменной форме — к каждой букве) изучаемого им слова. Его гипотеза о происхождении некоторого слова будет признана полноценной только в том случае, если получила удовлетворительное объяснение каждая фонема в его составе. Если хотя бы для одной фонемы (соответственно, буквы) такого объяснения найти не удается,

вся гипотеза либо просто отвергается, либо переходит в категорию не вполне надежных.

Напротив, лингвисту-любителю подобная строгость в оценке своих гипотез совершенно неведома. В частности, говоря о сходстве внешней формы двух слов, любитель никоим образом не ограничивает себя случаями их полного совпадения. Его вполне удовлетворяет приблизительное сходство. Такое сходство не имеет никакого точного определения и оценивается каждый раз совершенно субъективно. Например, любитель считает вполне допустимым, чтобы вместо требуемого при точном сравнении *б* во взятом им слове выступало *в*, или *п*, или *ф*; вместо конкретной гласной — практически любая другая гласная. При сравнении какие-то буквы он считает возможным отбрасывать, т. е. не принимать во внимание, какие-то другие, напротив, домысливать. Допускается также перемена порядка букв и т. п. Многочисленные примеры всех этих приемов читатель встретит ниже.

В целом отношение лингвиста-любителя к рассматриваемому им слову можно оценить лишь как крайне неуважительное: «не одна буква, так другая — велика ли разница!».

Выше мы видели, что даже при строгом подходе к одинаковости внешней формы сравниваемых слов мы время от времени сталкиваемся со случайными совпадениями, т. е. с такими ситуациями, когда между двумя сходными словами нет никакой исторической связи. При этом чисто внешние совпадения не так уж редки; редки лишь те случаи, когда одновременно совпадают (или близко сходны) и значения.

Ясно, что если при сопоставлениях слов внешнее сходство понимается столь широко и неопределенно, как это принято у лингвистов-любителей, то число случаев, когда между сопоставляемыми словами в действительности нет никакой исторической связи, возрастет в десятки и сотни раз. Это значит, что «сходство в любительском смысле» никоим образом не может служить свидетельством исторической связи двух слов.

В самом деле, почему бы любителю не сопоставить, исходя из наличия широко понимаемого фонетического сходства, например, слова *пилот* и *полёт*, *гроб* и *короб*, *саван* и *зипун*, *сатир* и *задира*, *катер* и *катать*, *кричать* и *рычать*, *гребет* и *скребет*, *шалаш* и *залазь*, и т. д. до бесконечности. В действительности ни в одной из этих пар между словами нет никакой исторической связи. Иначе говоря, любительский подход к сравнениям слов, может быть, иногда и поможет найти пару оригинальных рифм, но не имеет никакого отношения к проникновению в подлинную историю слов.

Следует также специально отметить невнимание любителей к морфемному составу слова, то есть к его членению на приставку, корень, суффикс, окончание. Лингвист-любитель, загипнотизированный внешним сходством каких-то двух привлекших его внимание слов, может совершенно не замечать, что сходство возникло совершенно случайно за счет контакта корня с некоторым окончанием (или суффиксом) и мгновенно исчезнет, если взять то же слово в другой грамматической форме. Например, его вполне может заинтриговать сходство между русским *хитришь* и французским *tu triches* 'ты жульничаешь', хотя достаточно взять форму *хитрю*, чтобы от сходства ничего не осталось.

Особое место в операциях, которые лингвисты-любители считают возможным производить над словом, занимает прием, именуемый «обратным прочтением».

«Обратное прочтение» — это попросту прочтение слова задом наперед, например, *рим* вместо *мир*, *налим* вместо *Милан*, *заквак* вместо *Кавказ*, *алут* вместо *Тула* и т. п. Как заверяют нас любители, это то, что легко может случиться, например, с арабом или этруском, поскольку в их письменности слова читаются справа налево. Например, араб якобы видит запись *Тула* и читает ее привычным для себя способом как *алут.* И таким образом якобы может возникнуть новое слово *Алут*, которое и станет употребляться как название города.

Подобный рассказ отражает столь младенческое понимание того, что такое письмо и чтение, что в первый момент просто невозможно поверить в серьезность тех, кто его нам преподносит.

Каким образом вообще араб может увидеть <u>написанное</u> слово *Тула*? Если его записал другой араб, то он сделал это, естественно, арабскими буквами и в арабском порядке, то есть справа налево. Никакому «обратному прочтению» в этом случае неоткуда взяться.

Если это слово написал русский, то он записал его кириллицей, если, скажем, англичанин, то латиницей (в обоих случаях, разумеется, слева направо). Но ведь простой араб не знает кириллицы и латиницы. Если же он не простой араб, а такой, который обучился кириллице и/или латинице, то его, естественно, должны были обучить также и тому, в каком направлении читаются кириллические и латинские буквы.

Единственный персонаж, который может удовлетворить нашего лингвиста-любителя, — это такой араб, ко-

торый выучил кириллические или латинские буквы, но не подозревает о том, что они читаются слева направо. Реален ли такой персонаж? В качестве редчайшего отклонения от нормы может встретиться всякое, так что, возможно, один такой человек на миллион арабов и найдется. И вот именно этот недоучка однажды увидел где-то написанное по-русски слово *Тула* и прочел его как *Алут* (но при всей своей недоученности он все-таки каким-то образом понял, что это не что-нибудь, а название города!). И вот это-то его прочтение и было принято и усвоено миллионами арабов, ближних и дальних, грамотных и неграмотных, простых и образованных!

Кто может поверить в такую сказочку? Здравомыслящий человек не может. А вот лингвист-любитель, как выясняется, может, и без труда.

В рассуждениях лингвистов-любителей «обратное прочтение» — это событие, которое то и дело происходит в истории слов и порождает в языке «слова-перевертыши». И весьма примечательно, что любители довольно быстро перестают прикрывать «обратное прочтение» апелляцией к неким восточным языкам, где читают справа налево, а начинают использовать эту операцию просто как удобный рабочий инструмент везде, где им хотелось бы получить другой внешний вид для того или иного слова. Например, точно такое же «обратное прочтение» у них может случиться и просто в рамках русского или английского языка.

«Но разве обратного прочтения вообще не бывает? — спросит читатель. — Ведь бывают же, например, палиндромы — фразы, которые одинаково читаются слева направо и справа налево, вроде *А роза упала на лапу Азо-*

ра!». Да, обратное прочтение бывает — но только в словесных играх, вроде сочинения палиндромов и т. п. Есть люди, которые развлекаются тем, что читают задом наперед вывески на улице (ср. об этом известное *Номис, выходит, рефаук* в стихотворении Маяковского). Иногда результат шуточного обратного прочтения может превратиться в некое семейное (или узкокомпанейское) словечко, непонятное окружающим и выступающее как знак причастности к данному микроколлективу. Но нигде и никогда таким путем не возникало новых слов, вошедших в общенародный язык.

И все же абсурдность версии о происхождении каких бы то ни было слов из «обратного прочтения» чего-то другого состоит не только и даже не столько в том, что люди не читают слова задом наперед. Главное заблуждение здесь — это наивная презумпция, что слова вообще легко могут рождаться из «прочтений».

Здесь проявляется еще одна характерная особенность любительской лингвистики — преувеличение роли письменной формы слова и непонимание того, что любой живой язык — это средство устного общения, тогда как письменная форма на протяжении последних, скажем, четырех тысяч лет (за вычетом последних двух веков) существовала никак не более, чем для одной сотой части языков, а доля грамотных людей в составе человечества была, вероятно, еще в тысячу раз меньше.

Каким образом в этих условиях в живой речи миллионов что-либо могло зависеть от чьего-то правильного или неправильного прочтения какого бы то ни было письменного текста?

Но разве все-таки неправильное прочтение совсем уж никогда и ни при каких условиях не может закрепиться?

Как и в прочих подобных случаях, события, вероятность которых ничтожна, все же иногда происходят. Мне известен ровно один случай такого рода. Арабский астрономический термин *sämtu rra's* 'зенит' (буквально: 'направление головы') был заимствован средневековой европейской астрономией в сокращенной форме *semt*. Но в европейских почерках того времени буква *m* очень слабо отличалась от сочетания *ni*, и иноязычное слово *semt* довольно часто копировали в виде ошибочного *senit*. А позднее из двух конкурирующих вариантов — *semt* и *senit* — постепенно победил второй (возможно, как более похожий на обычные европейские слова). Отсюда и наше *зенит*.

«Ну, вот видите! — воскликнет здесь удовлетворенно любитель. — Значит, все-таки бывает!»

Здесь проявляется еще одна важная особенность, резко отличающая лингвиста-любителя от профессионала. Профессиональный лингвист любую гипотезу, например, гипотезу о том или ином происхождении конкретного слова, прежде всего проверяет на то, соответствует ли она имеющимся надежным данным о том, что происходит в других случаях того же ряда. И всегда стремится к тому, чтобы его гипотеза во всех своих звеньях опиралась только на регулярные, многократно подтвержденные другими фактами звуковые и смысловые отношения, а ни в коем случае не на исключения из них.

В отличие от профессионала, лингвист-любитель либо вообще не интересуется тем, бывает ли в реальных языках то, что он предположил, либо совершенно удо-

влетворяется тем, что один подобный случай ему известен, — даже если этот случай представляет собой редчайшее исключение из постоянно действующего правила. Иначе говоря, любителя не волнует вопрос о том, велика или мала вероятность того решения, которое он предлагает.

Допустим, он предположил, что слово S возникло путем трех последовательных преобразований из слова R. Если выяснится, что вероятность каждого из этих трех предполагаемых событий в действительности очень мала (допустим, 1%), то профессиональный лингвист немедленно забракует всю гипотезу, поскольку вероятность того, что она верна, составляет одну миллионную (1% в кубе). Но на любителя этот расчет впечатления не произведет. «Но ведь каждое из этих трех событий все-таки иногда бывает, — скажет он (если, конечно, он вообще согласится участвовать в таком обсуждении). — Почему же мне не предположить, что тут как раз произошло и первое, и второе, и третье!»

Фантазии о значениях слов

В ходе эволюции языка могут изменяться не только внешние оболочки слов, но и их значения. Семантические переходы, т. е. изменения значений слов, подчиняются определенным закономерностям. Правда, эти закономерности пока еще не столь полно изучены лингвистами, как закономерности фонетических изменений. Но неограниченной свободы в этой сфере безусловно нет.

Между тем в любительских построениях гипотезы о переходе одних значений в другие не знают практически никаких ограничений.

Здесь следует принять во внимание то, что людям вообще свойственно быстро и без затруднения придумывать некую возможную связь (или возможную ситуацию взаимодействия) между почти любыми двумя случайно оказавшимися в соседстве понятиями. Например, люди без труда справляются с заданиями типа «Придумайте словосочетание или фразу, где участвуют два слова, которые вам сейчас будут указаны». Эти слова могут быть из чрезвычайно далеких друг от друга семантических сфер, например: *дурак* и *остановка*, *брать* и *солёный*. Без долгих размышлений люди дают ответы вроде: *Дурак говорит без остановки*; *Беру соль из солёного моря*. Читатель легко может устроить себе самому подобный тест и убедиться в том, что практически невозможно найти такие два слова, для которых сочинить требуемую фразу не удалось бы.

В силу этой способности человек нередко переосмысляет непонятное слово (например, иностранное), «подправляя» его так, что в нем начинают звучать понятные ему морфемы и тем самым слово приобретает для него (хотя бы частично) некоторую внутреннюю мотивированность. А смысловая связь с общим значением слова примысливается тем же способом, как в указанном выше тесте. Это так называемая народная этимология.

В некоторых случаях народная этимология проникает и в общенародный язык. Например, древнее слово *близозо́рокий* (буквально: 'обладающий близким зрением', от *зо́рокъ* 'зрение', ср. *зракъ*, *про-зрач-ный*) со временем фонетически упростилось в *близоро́кий* (в силу утраты одного из двух одинаковых слогов *зо*). В этой новой форме элемент *рок-* был уже непонятным, и говорящие часто заменяли его на понятное *рук-* от *ру-*

ка; в результате слово получило вид *близору́кий*. Ясно, однако, что 'обладающий близкой рукой' — это бессмыслица, причем никак не связанная с общим значением зрения лишь на близком расстоянии (которое у слова, конечно, сохранялось). Поэтому здесь возникло другое осмысление, приблизительно: 'видящий близко, лишь на расстоянии своей руки'. И поныне русский человек, если попросить его объяснить, почему данное свойство называется близорукостью, обычно предлагает примерно такое осмысление.

См. также ниже (в главе 2, в разделе «Любительские поиски происхождения слов») примеры наивно-поэтического осмысления слов в Библии.

Описанное обстоятельство помогает понять, почему проблемы значения практически никогда не затрудняют лингвистов-любителей. Сталкиваясь с необходимостью перейти от одного значения к другому, любитель, не отягощенный знанием никаких закономерностей семантических переходов и тем самым ничем не ограниченный, действует ровно таким же способом, как в описанном выше тесте, и с такой же легкостью получает некоторое решение.

Читатель мог заметить, что пара «*дурак* и *остановка*», взятая как пример двух случайно соединенных слов, — это не что иное, как форма и значение турецкого слова *durak* 'остановка', упомянутого выше. Любителю ничего не стоит сочинить какую-нибудь сказку о том, как возникло это турецкое слово, например: «Это турки взяли русское слово *дурак*, а поскольку дурак — это остановка ума, то у них оно стало значить 'остановка'». Ниже мы увидим немало примеров того, как любители изобретают подобные детски наивные объяснения.

Легкость, с которой любитель придумывает смысловую связь между почти любыми двумя значениями, чрезвычайно расширяет его и без того богатейшие возможности в деле объявления произвольных двух слов «соответствующими» друг другу. Так, и в приведенной выше группе примеров с полным совпадением звучаний (*stradali* 'дорожные', *costi* 'цены' и т. д.), и в группе с отдаленным внешним сходством (*пилот* и *полёт*, *гроб* и *короб* и т. д.) любитель во всех случаях сумел бы изобрести какую-нибудь версию связи двух значений, которая его самого вполне удовлетворила бы. Безграничность этих его возможностей, естественно, означает, что степень доказательности провозглашаемых им «соответствий» равна нулю.

Особо отметим следующий важный факт. Чрезвычайно распространено наивное представление, что если древнее значение некоторого слова отличается от нынешнего, то это древнее значение есть «истинное» значение нашего слова. Поэтому энтузиазм, с которым любитель ищет древнее значение слова, часто основан на иллюзии, что это даст ему «правильное» понимание слова, которое все вокруг понимают и употребляют неправильно.

Между тем в действительности постепенное изменение значений части слов — это совершенно нормальный процесс в истории всех без исключения языков. Возникшее в языке новое значение некоторого слова действительно в течение некоторого времени воспринимается людьми старшего поколения как странное и неправильное. Но если это значение удержится в языке, то в последующих поколениях оно уже не будет никем восприниматься как неправильное и, следова-

тельно, станет законным элементом языка соответствующей эпохи, частью его нормы.

Например, никому не придет сейчас в голову объявить неправильным значение 'восхитительный, прелестный' у слова *очаровательный.* А между тем менее трех веков тому назад это еще было слово с отрицательным, пугающим значением: 'околдовывающий, напускающий на человека злые чары'. Легко представить себе, какой получился бы эффект, если бы лингвист-любитель вздумал сейчас употреблять это слово в его «истинном», по его мнению, значении.

Совсем свежий пример: буквально на наших глазах изменило свое значение слово *гуманитарный.* Еще совсем недавно сочетание *гуманитарная помощь* воспринималось как бессмыслица или как грубая лексическая ошибка: гуманитарной могла быть наука и т. п., но никак не помощь продовольствием или медикаментами. Прошло немного лет, и вот уже ощущение немыслимости сочетания *гуманитарная помощь* почти утратилось. А новые поколения уже и не поймут, в чем здесь проблема. Примерно такую же эволюцию прошли слова *формат*, *проект* и ряд других.

Отдельного замечания требует вопрос о значении собственных имен. Как уже отмечено выше, люди часто задают такие вопросы, как «Что значит имя *Юрий*?» или «Что значит название *Москва*?». В этом пункте представления простого носителя языка особенно заметно расходятся с данными лингвистики. Носитель языка обычно находится здесь в плену отмеченной выше идеи, что древнее (первоначальное) значение слова и есть его «истинное» значение.

В действительности имя *Юрий* или название *Москва* только указывает на определенное лицо или на определенный город, но не передает никакого понятия: ни Юриям, ни Москве наименование не приписывает никаких качеств. Можно, например, назвать собаку произвольным выдуманным сочетанием фонем, допустим, *Тримс*, и это будет ее совершенно полноценное имя, выполняющее свои функции точно так же, как любое другое. Даже имя, полностью совпадающее с обычным словом, скажем, *Надежда*, не приписывает своим носительницам никакого общего свойства и воспринимается в речи, кроме случаев нарочитого обыгрывания, как всякое другое имя, без ассоциаций с понятием «надежда». И уж тем более никакого влияния на функционирование и восприятие имени Юрий не оказывает знание (или незнание) того историко-лингвистического факта, что греческий источник данного имени (γεωργός) имел значение 'земледелец'.

Здесь следует, правда, оговориться, что сказанное не распространяется на поэтические тексты. В поэтических текстах для слов, в том числе имен собственных, могут быть актуальными также и «скрытые смыслы», в частности, те ассоциации, которые возникают в силу сходства звучания имени с другими словами или в силу знания его первоначального значения. Но для языка в его основной функции и для его исторической эволюции эти факты значения не имеют.

Примеры любительских лингвистических построений

Приведу некоторые примеры из числа любительских объяснений, в изобилии встречающихся в различных публикациях и в Интернете.

Так, можно встретить утверждение, что целая серия русских слов связана по происхождению с глаголом *мазать*. Так, *маска* — это якобы «нечто намазанное на лицо». Хотя достаточно заглянуть в словарь М. Фасмера, чтобы узнать, что слово *маска* пришло в русский язык из немецкого *Maske* или французского *masque*. В эту же группу включено слово *помада*, поскольку, по утверждению автора, «имелся и переход *з* в *д*», — хотя из того же словаря Фасмера нетрудно узнать, что слово заимствовано (через немецкое посредство) из французского *pommade*. Далее сообщается, что одним из видов такой помады является *мёд*. А слово *медь* — это просто «прилагательное (!) от слова *мёд*, т. е. *медовая*», поскольку «металл своим цветом и консистенцией (!) напоминает *мёд*». Оставляя без комментариев грамматическую и семантическую сторону этих рассуждений, заметим лишь, что *медь* — это древнее *мѣдь* (с ятем), а *мёд* — это древнее *медъ* (с *е*), и что одного этого уже достаточно, чтобы нельзя было непосредственно отождествлять их корни.

Скептический читатель тут может, правда, возразить: «Ну и что из того, что в словаре Фасмера, например, про слово *помада* сказано именно так? У Фасмера одна гипотеза, а здесь перед вами другая. Чем она хуже?»

Разберу этот пример в качестве образца с повышенной подробностью.

Во французском языке слово *pommade* прозрачным образом членится на корень *pomm-* (*pomme* 'яблоко') и суффикс *-ade*, т. е. ясен первоначальный смысл 'паста, полученная из яблок' (известно, что вначале данный вид мазей изготавливался именно из яблок). При заимствовании французского слова такого фонетического состава в русский, судя по другим словам с анало-

гичной историей (*балла́да*, *блока́да*, *брига́да*, *рула́да* и т. п., *мармела́д*, *маскара́д* и т. п.), должно было получиться *пома́да* или *пома́д*. Один из этих двух вариантов мы реально и видим. Таким образом, объяснение Фасмера находится в согласии с ситуацией как во французском, так и в русском языке.

Сравним с этим гипотезу любителя о том, что слово *помада* — русского происхождения, с корнем *маз-*.

Прежде всего, заявление «имелся и переход *з* в *д*» голословно. В действительности такого перехода в русском языке не было; замену воображаемого *помаза* на *помада* можно оценивать только как уникальное искажение, не имеющее никаких аналогий и никакого объяснения.

Далее, при принятии данной версии французское *pommade* придется объяснять либо как случайность (вероятность которой при таком полном тождестве как формы, так и значения близка к нулю), либо как заимствование из русского.

Если же это заимствование из русского, то, во-первых, придется признать, что в данном случае заимствование слова шло не в том хорошо известном направлении, в котором распространялись в Европе новшества косметики, а в противоположном; во-вторых, ничем, кроме некоей фантасмагорической случайности, невозможно будет объяснить тот факт, что взятое из русского языка слово вдруг оказалось легко членимым на французский корень и французский суффикс, да еще при этом корень (*pomm-*) совпал с названием того плода, из которого помада реально изготавливалась.

Как мы видим, версия любителя в каждом из своих звеньев основана на предположении о том, что произо-

шло нечто случайное, причем имеющее вероятность, близкую к нулю.

Полагаю, что в этой ситуации читатель уже достаточно ясно видит, какое из двух решений практически надежно и какое полностью фантастично.

Вот еще несколько примеров любительских этимологий:

солнце — это *сол-неси*, т. е. 'несущее силу' (конечно, *сол-* и *сил-а* — это отнюдь не одно и то же по звучанию, равно как *-нце* и *неси*, но любителей такие мелкие затруднения не останавливают);

солнце — это *со-лън-ц-е*, т. е. нечто маленькое (ввиду уменьшительного суффикса *-ц-е*), совместное (*со-*) с луной (*лън-*);

Бразилия — это *брез-или*, т. е. *брег* + *ил* 'берег илистый';

молоко — это «то, что *мелют*, доводят до состояния, когда оно *мелко* (то есть раз*молото*), а когда это *мелко* кладут в воду, получают *млеко*, т. е. *молоко* (взвесь размолотого в воде)»;

по утверждению одного из авторов, «в корне *лон* инициальный слог *лъ* имел смысл 'жидкость, вода'»; на этом основании он предлагает, в частности, следующие этимологии: *Лена* — «река», *лень* — «состояние приятной расслабленности от погружения в воду», *лён* — «растение, погруженное в воду» (при отбеливании), *волъна* — «прибыль воды».

Полагаю, что непредвзятый читатель испытывает некоторое изумление от степени произвольности тех смысловых переходов, которые бестрепетно предлагают авторы подобных этимологических построений. У него возникает ощущение, вполне соответствующее тому, о

чем мы говорили выше, — что нет таких двух слов, чтобы при подобном подходе к делу нельзя было придумать, как из смысла первого вывести смысл второго.

Заниматься попунктным опровержением всех этих вольных домыслов я не буду. Достаточно сказать, что практически каждый из них основан на нарушении того или иного элементарного правила из области исторической лингвистики.

Любительский подход к именам собственным

Существует специфическая сфера, где ситуация такова, что в сопоставлении могут участвовать лишь внешние оболочки слов, но не их значения. Таково положение с большинством имен собственных. Например, английские имена, транскрибируемые как *Боб*, *Дик*, *Пол*, *Том*, или французское имя *Люк*, или норвежское имя *Кнут* внешне совпадают с определенными русскими словами; но сравнение по значению здесь невозможно, поскольку, как уже указано, у имен собственных значения как такового нет.

Особенно много случаев совпадений с русскими словами среди иностранных географических названий. Приводим для иллюстрации довольно много примеров[9] (но, разумеется, список никоим образом не полон):

города *Вена*, *Рига*, *Киль*; города (и другие населенные пункты) *Бар*, *Кон*, *Кран*, *Лак*, *Лев*, *Лик*, *Мель*, *Мор* (во Франции), *Лик*, *Рай*, *Род* (в Англии), *Кит* (в Шотландии), *Лист*, *Род*, *Хам*, *Хан* (в Германии), *Бар*, *Хам* (в Швейцарии), *Серна* (в Швеции), *Лом* (в Норвегии), *Сало* (в Италии), *Сон* (в Испании), *Мор* (в Венгрии),

[9] Место ударения в расчет не принимаем.

Бар (в Черногории), *Сало* (в Финляндии), *Кум* (в Иране), *Горе* в Эфиопии;

река *Морда* под Ливерпулем, река *Кол* под Бирмингемом, река *Море* под Парижем, также реки *Вар*, *Сор* (во Франции), *Вид*, *Пар* (в Германии), *Мера*, *Сор* (в Италии), *Раб* (в Австрии, она же *Раба* в Венгрии);

остров и город *Хитра* (в Норвегии), горы *Дева* (в Японии), остров *Моча* (Чили), мыс *Горн* (Аргентина).

Лингвист-любитель весьма склонен к тому, чтобы рассматривать такие совпадения как глубоко знаменательные и пытаться разгадать пути, по которым русские названия пришли на иностранные земли.

Ему не приходит в голову, что не меньший успех ожидал бы и иностранного лингвиста-любителя, который захотел бы отыскать свои родные слова на карте России. Например, испанский любитель быстро сообразил бы, что *Кама* и *Ока* — это просто испанские слова *cama* 'кровать' и *oca* 'гусь, гусыня'; итальянец догадался бы, что река *Пьяна* — это итальянское *piana* 'тихая', а турок — что *Дон* и *Нева* — это турецкие *don* 'мороз' и *neva* 'богатство'.

Как мы видим, отыскать на карте любой страны географические названия, похожие на слова родного языка любителя, — дело довольно несложное. Понятно, тем самым, что такие находки сами по себе, без лингвистического и историко-географического анализа, не имеют ровно никакой цены в изучении действительного происхождения соответствующих географических названий.

Мы приводили здесь только точные соответствия — нам было важно показать, что даже и при таком жестком условии соответствий обнаруживается очень много.

Но, как уже было отмечено выше, любители в действительности никогда не ограничиваются одними лишь точными соответствиями — они считают позволительными самые разнообразные замены одних букв на другие, равно как перестановку, отбрасывание и добавление букв. Иначе говоря, вместо точного фонетического соответствия любитель удовлетворяется тем, что он сам субъективно оценивает как некоторое сходство.

Понятно, что при таких слабых и неопределенных требованиях к понятию соответствия число случаев соответствия возрастает почти неограниченно. Например, вполне могут быть признаны соответствующими друг другу слова *Верона* и *ворона*, *Берн* и *барин*, *Цюрих* и *царёк*, *Кёльн* и *клён*, *Бристоль* и *престол*, *Лондон* и *ладонь*, *Милан* и *милёнок*, *Равенна* и *равнина*, *Перу* и *первый*, *Бразилия* и *поросль*, *Мексика* и *Москва,* и т. п. Можно продолжать этот ряд сколь угодно долго.

Разумеется, в подобных сопоставлениях вместо любого выбранного русского слова с равным успехом можно взять и другие русские слова. Например, вместо *барин* можно взять *баран*, или *бревно*, или *перина*, или *Перун*; вместо *клён* — *клин*, или *колено*, или *калина*, или *глина*, или *холёный...* Но любитель тем и отличается от научного исследователя, что его совершенно не смущает произвольность и субъективность сделанного им выбора. Ему кажется просто, что он угадал, — и вот он уже с энтузиазмом рассказывает или пишет, что название *Кёльн* произошло от русского слова *клён.*

И так же, как и выше, все сказанное, разумеется, приложимо не только к русскому лингвисту-любителю, но и к любому иностранному. Вообразим французского любителя, одержимого таким же энтузиазмом. Он

очень быстро объяснил бы нам, что, например, город *Клин* — это французское *colline* 'холм', *Курск* — это *course* 'ска́чки', *Москва* — это *mousse coite* 'тихий мох'. На это его немецкий собрат мог бы возразить: «О нет, совсем не так! *Клин* — это немецкое *klein* 'маленький', *Курск* — это *kurz* 'короткий', *Москва* — это *Moos-kuh* 'моховая корова'».

Читатель здесь, возможно, скажет: что за нелепые выдуманные примеры! К сожалению, при дальнейшем чтении он обнаружит много примеров ровно такого же свойства, но уже не выдуманных, а взятых непосредственно из сочинений лингвистов-любителей.

Любительское прочтение древних текстов

Лингвист-любитель охотно погружается в обсуждение письменных памятников прошлого, совершенно забывая о том, что в прошлом знакомый ему язык был совсем не таким, каким он его знает.

Так, немало отечественных любителей делают попытки прочесть по-русски (т. е. на современном русском языке) те или иные надписи (или другие тексты), относящиеся к различным векам до нашей эры или к ранним векам нашей эры, причем совершенно необязательно на территории России, — например, надписи на этрусских или критских монументах или сосудах.

Ни одно из таких прочтений не имеет никаких шансов оказаться верным уже по той простой причине, что двадцать пять, или двадцать, или пятнадцать веков тому назад язык наших предков был до неузнаваемости непохож на современный русский.

Например, любитель, увлеченный «чтением» этрусских надписей по-русски, вполне может «прочесть»

некоторый отрезок какой-нибудь этрусской надписи V века до н. э. как русскую словоформу *целый*, а другой отрезок — скажем, как словосочетание *в начале*. Между тем сравнительно-историческое языкознание позволяет с достаточной надежностью утверждать, что 25 веков тому назад в языке, на котором говорили предки современных русских, нынешнее *целый* выглядело как [koilos jos], а нынешнее *в начале* — как [un nōkindloi].

Уже одного этого достаточно, чтобы стала понятна пропасть, отделяющая любительские «прочтения» такого рода от всего того, что позволительно всерьез рассматривать как варианты расшифровки.

Конечно, попытки этого рода делаются не только в России, но и в других странах. Ту же древнюю надпись, которую российский любитель пытается прочесть по-русски, немецкий любитель попытается прочесть по-немецки, армянский — по-армянски. Везде с одинаковым шансом на успех. Кажется, впрочем, в современной России такие попытки во что бы то ни стало приписать своему языку некое всемирное распространение в древности производятся интенсивнее, чем в большинстве других стран, что, увы, не свидетельствует о благополучии ее морального климата.

В среде лингвистов с давнего времени бытует смешная шутка «*Этруски — это русские*». Ее можно произносить, почти «проглатывая» конечную гласную в слове *это*, и тогда получается особенно забавно.

А вот у лингвистов-любителей это совсем не шутка, а важнейший «научный» постулат. На приравнивании этрусков к русским построена целая серия любительских сочинений разных авторов.

Для людей, далеких от лингвистики, нелишне пояснить, почему приравнивание слова *этруски* к фразе *это русские* может быть только шуткой. О произвольности того допущения, что предки русских в древности каким-то образом оказались в Италии, мы здесь говорить не будем; ограничимся чисто лингвистическими соображениями.

Во-первых, слово *русский* в первом тысячелетии до нашей эры в славянском мире скорее всего еще вообще не существовало; а в том маловероятном случае, если оно все же существовало, оно должно было иметь вид [rous-isk-os]. Во-вторых, основным названием этрусков у латинян было *tuscī* (ср. современное *Toscana*, первоначально 'страна этрусков') — из более раннего *turscī*, ср. оскское название этрусков *turskum* и греческое *tyrsēnoi* (с вариантом *tyrrēnoi*, откуда название Тирренского моря). Латинский вариант *etruscī* был явно вторичным. (Не говорим уже о том, что самоназвание этрусков было вообще совершенно иным — *rasna*.) В-третьих, *это русские* — это целое предложение; а не существует никаких примеров того, чтобы наименование народа строилось как предложение (в частности, как предложение со словами, обозначающими 'это', 'вот', 'these are').

Фантазии об истории

Нужно обратить внимание также на еще один аспект применения любительской лингвистики.

Увлечение любительской лингвистикой в принципе может быть проявлением чистой любознательности. В этом случае автор искренне пытается угадать истину,

не имея заранее установки на то, какая именно истина ему желательна.

Но, к сожалению, нередко приходится сталкиваться и с такой любительской лингвистикой, которая явно порождена стремлением обосновать некую более общую идею — чаще всего некоторую версию происхождения и истории целого народа. Практически всегда это версия, приукрашивающая (в частности, героизирующая или обеляющая) историю собственного народа.

Надо заметить, что потребность в таких версиях обычно возникает у представителей тех народов, которым в ходе истории приходилось страдать от притеснений со стороны более могущественных соседей и которым нужны какие-то дополнительные моральные опоры для самоутверждения. И весьма прискорбно видеть подобный эффект у российских авторов, у которых, казалось бы, нет оснований для комплекса неполноценности, коль скоро Россия уже много столетий представляет собой сильное и независимое государство.

Так, например, лингвисты-любители, вдохновившиеся идеей русско-этрусского тождества, не только смело читают этрусские надписи по-русски, но и очень охотно используют эти свои прочтения в качестве обоснования тезиса о широкой экспансии русских в древности.

В частности, в одном из таких сочинений мы читаем[10]:

> «Из этих надписей следует, что Москва существовала не только до Рима, но именно по ее приказу этруски воздвигли

[10] http://chudinov.ru/kanun-nauchnoy-revolyutsii-v-oblasti-istoriografii/7/.

этот город, назвав его в духе русских традиций (например, Владимир — «владей миром») Миром. Другое дело, что слово Мир, написанное в русской традиции, согласно этрусским правилам следовало читать в обратном направлении, и он стал вычитываться, как Рим[11]. В Риме, созданном этрусками, для которых родным был русский язык, а неким солдатским жаргоном — язык этрусский, следовательно, довольно долго звучала русская речь. И лишь много позже, когда в Рим стали переселяться латины, они, говоря по-русски, исказили его, приспособив под свою фонетику и грамматику».

Комментировать что-либо по существу здесь, по-видимому, излишне. Этот пассаж служит просто хорошей иллюстрацией того, сколь далеко могут заходить лингвисты-любители в своих построениях. Мы еще встретимся в дальнейшем с другими подобными примерами чрезвычайно сильных выводов о судьбе языков и целых народов, построенных на песчаном фундаменте вздорных утверждений любительской лингвистики.

Особая ветвь любительской лингвистики, доводящая «идейную» нагрузку этого занятия до логического предела, — это составление на воображаемом древнем языке, созданном средствами любительской лингвистики, текстов, прямо изображающих величие наших предков, и попытка выдать эти тексты за древние.

В России главным, самым известным сочинением этого рода является так называемая «Велесова книга», якобы написанная новгородскими волхвами в IX веке и якобы случайно найденная в 1919 году.

Поддельность этого сочинения не вызывает у профессиональных лингвистов никакого сомнения. Мы

[11] Вот и пример «обратного прочтения», о котором шла речь выше, в разделе «Вольные игры со звуковым составом слова».

не будем здесь заниматься обоснованием этого. Грубость подделки так велика, что ее могут не замечать только люди, совершенно непричастные к филологии или ослепленные некоей идеей. Сочинитель был совершенно невежествен в том, что касается древних языков, не имел никакого понятия о том, как языки изменяются во времени. Он представлял себе язык древних славян (которых он в соответствии со своим откровенным русоцентризмом именует «русичами» — словом, несомненно взятым из «Слова о полку Игореве») как некую беспорядочную смесь церковнославянского и современных русского, украинского, польского, чешского и сербского языков. Отдельное слово может встретиться у него в любой из этих языковых форм (помимо случаев, когда оно представлено в нарочито искаженной форме, которая казалась автору производящей впечатление древности).

Его любительский подход к делу проявился, в частности, в том, что он не обращался ни к каким работам по исторической лингвистике (которые в его время уже несомненно существовали), а наивно занимался смешением данных тех славянских языков, с которыми он был в какой-то степени знаком. Он абсолютно не понимал того, что не только в IX веке, но и в позднейшие века не могло существовать языка, в котором были бы одновременно представлены те черты пяти или шести современных славянских языков, которыми они как раз различаются между собой.

Как и у других лингвистов-любителей, у него не было никакого представления о той высокой степени систематичности, которой обладает грамматика любого живого языка. Вместо грамматики в его сочинении

представлена чудовищная каша, где нет ни одного четкого морфологического или синтаксического правила; окончания словоформ выбираются практически наугад, без соблюдения падежей, чисел, времен, правил согласования и т. п.

Ему казалось, что и все остальные, как и он, не знают о древнем языке ничего определенного и поэтому примут нелепые искажения, которыми он обильно уснастил свой текст, за черты древности. Ему просто не приходило в голову, что лингвисты-профессионалы, изучившие подлинные древние тексты, выявили в них большое число закономерностей разных уровней и в каждой точке его текста, где он так небрежно ставил первое пришедшее ему в голову окончание и т. п., легко смогут отличить подлинную древность от выдумки.

К сожалению, как и в случае с другими сочинениями лингвистов-любителей, фальшь здесь хорошо видна только профессиональным лингвистам. Неподготовленный читатель и ныне может оказаться в плену примитивных выдумок о том, как древние русичи успешно сражались с врагами уже несколько тысячелетий тому назад. В нынешнее время, характеризующееся активным расшатыванием общественного доверия к выводам науки, низкопробная подделка, именуемая «Велесовой книгой», увы, продолжает в какой-то степени использоваться распространителями нелепых исторических фантазий русоцентрической направленности.

Глава вторая

ЛИНГВИСТИКА ПО А. Т. ФОМЕНКО

Можно ли изучать историю, не используя гуманитарных методов

овое учение» А.Т. Фоменко (далее: АТФ) о всемирной истории (изложенное в его единоличных трудах или в соавторстве с Г. В. Носовским)[12] ошеломляет. Одних — невероятной смелостью мысли, не побоявшейся отвергнуть практически всё, что полагало о своей древней истории человечество до сих пор, и открыть миру доселе неведомую — совершенно иную — историю Египта, Греции, Рима, Англии, Европы в целом, России и по сути дела всех вообще стран, других — невообразимым нагромождением нелепостей.

Не скрывая, что я принадлежу к числу вторых, а не первых, я тем не менее считаю целесообразным трак-

[12] Основоположником этого учения является Н.А. Морозов. Многое, о чем пойдет речь далее, фактически идет от него. Но в своем критическом разборе мы как правило не будем специально выделять вклад Н.А. Морозова, исходя из того, что на нынешнем этапе АТФ равно ответствен как за выдвинутые им самим положения, так и за те, где он солидаризировался с Н. А. Морозовым. С другой стороны, мы будем ниже во многих случаях говорить именно об АТФ, даже если цитируется совместная работа, поскольку основная ответственность за концепцию в целом (выраженную во многих книгах) и за используемые методы лежит именно на нем.

товать (по крайней мере вначале) сочинения АТФ по истории так, как он подает их сам, — не как произведение научно-фантастического жанра, или интеллектуальную игру, или пародию, или новое вероучение, а как научную концепцию. В этом случае к ней естественно применять принятые в науке критерии доказательной силы того или иного утверждения.

Ниже я рассматриваю в основном книгу Г. В. Носовского и А. Т. Фоменко «Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима» (далее эта книга обозначается НХ, ее отдельные тома — НХ-1 и НХ-2); но мои критические суждения в большинстве случаев применимы и к другим работам АТФ. Я не ставлю своей целью рассмотреть «новое учение» АТФ во всех его аспектах, заслуживающих критики. Моя задача ограничена в основном вопросами лингвистики и филологии[13], т. е. того, что непосредственно относится к моей специальности; в конце настоящей главы я рассматриваю также один вопрос более общего характера — о так называемых «династических параллелизмах».

Но прежде, чем разбирать работы АТФ, следует яснее представить себе, к кому адресоваться. Можно выделить несколько различных контингентов читателей АТФ.

Профессиональных историков, филологов и лингвистов не нужно убеждать в неприемлемости построе-

---

[13] Разграничение терминов «лингвистика» (= «языкознание») и «филология» не у всех авторов одинаково. Ниже для наших целей достаточно считать, что первое есть изучение языка как такового, а второе — изучение текстов (как литературных, так и прочих), как правило письменных.

ний АТФ. Мне не доводилось встречать в их среде его поклонников.

Построения АТФ встречают сочувствие у совсем другого круга людей. Многим эти построения нравятся именно своей экстравагантностью и революционностью. Обычно особенно импонирует то, что ниспровергается «официальная наука», тем более такая замаранная в советское время прислужничеством идеологии, как история (при этом легко упускается из виду, что АТФ ниспровергает не советских историков, а по сути дела всех историков всех стран и эпох).

Есть какое-то количество рьяных сторонников АТФ, в глазах которых он предстает новым Коперником и неприятие его всей «официальной наукой» является лучшим подтверждением его правоты. Для людей подобного сектантского духа аргументы обычно силы не имеют.

Есть также немало читателей, которым просто нравится захватывающая новизна сюжета, бойкость и размашистость изложения, элементы нового жанра, смыкающегося кое в чем с детективом и с научно-фантастическим романом. Вопрос о том, правда ли всё это, для них откровенным образом второстепенен. Для многих притягательна скандальная слава, которую приобретает учение АТФ, раздуваемая теперь уже и телевидением. Картина крушения всего, что еще недавно было школьной прописной истиной, как всякое апокалиптическое зрелище, возбуждает.

К этим категориям читателей я не обращаюсь.

Наш разбор предназначается лишь для тех, кто видит в работах АТФ именно научную концепцию и, следовательно, готов определять свою позицию, взвеши-

вая аргументы за и против, а не на основе общих ощущений типа «нравится – не нравится». Мы хотели бы также помочь тем, кто встречает с естественным сомнением каскад невероятных новшеств, низвергающихся на читателя из сочинений АТФ, но не берется сам определить, достоверны ли факты, на которые ссылается АТФ, и вытекают ли из них в действительности те выводы, которые он делает.

Заметим, что многих из таких читателей озадачивает противоречие между сказочным неправдоподобием того, что, скажем, Лондон раньше стоял на берегу Босфора или что Батый — это Иван Калита, и их представлением о том, что если автор — математик, да еще высокого ранга, то у него все должно быть «математически доказано». Этих читателей я приглашаю прежде всего осознать, что и сам АТФ не претендует на то, что все его утверждения об истории математически доказаны. Вообще, математически доказать можно только математическое утверждение. В любой другой науке, даже в физике, прежде чем встанет вопрос о каком бы то ни было математическом доказательстве, содержательное утверждение данной науки должно быть представлено в математической форме. А само это математическое представление в принципе может быть более адекватно или менее адекватно своему объекту — это уже относится к ведению не математики, а соответствующей конкретной науки.

Занимаясь историей, АТФ волей-неволей вынужден действовать как историк. Даже если он хочет произвести какие-то математические операции над историческим материалом, ему приходится, придавая этому материалу математическую форму, решать содержатель-

ные проблемы. Допустим, если он статистически обрабатывает данные по длительностям царствований, то он должен вникать в существо дела всякий раз, когда, например, между историками ведется дискуссия о длительности правления такого-то монарха.

В книге НХ в сущности вообще никакой математики нет. Строя новые, нетрадиционные представления о том, когда и как что в истории происходило, АТФ действует как самый обыкновенный гуманитарий: выдвигает гипотезы и указывает факты, которые согласуются с этими гипотезами.

У гуманитария же вообще нет возможности что-либо доказать в абсолютном смысле этого слова. Если слово «доказать» и применяется иногда в гуманитарных науках, то лишь в несколько ином, более слабом, смысле, чем в математике. Строгого определения для этого «доказательства в слабом смысле», по-видимому, дать невозможно. Практически имеется в виду, что предложенная гипотеза, во-первых, полностью согласуется со всей совокупностью уже известных фактов, имеющих отношение к рассматриваемой проблеме, во-вторых, является почему-либо безусловно предпочтительной из всех прочих мыслимых гипотез, удовлетворяющих первому требованию. В отличие от математического доказательства, «доказательство в слабом смысле» может и рухнуть, если откроются новые факты или будет выяснено, что автор не учел каких-то принципиально мыслимых возможностей. Всё это не значит, однако, что утверждения гуманитарных наук вообще не могут претендовать ни на какую точность и надежность и что в этой области любая гипотеза не хуже и не лучше, чем любая другая. В гуманитарных науках, так же, как, на-

пример, в естествознании, долгим опытом выработаны критерии, позволяющие оценивать степень обоснованности того или иного утверждения даже при условии невозможности доказательства в абсолютном смысле.

Взявшись за построение гипотез в области истории и лингвистики, АТФ должен быть судим ровно тем же судом, что и обыкновенные историки и лингвисты. Для него не возникает решительно никаких привилегий из того, что он математик (и даже математический академик). В частности, он не вправе ожидать от критиков каких-либо скидок на его непрофессионализм в данной науке, коль скоро он предпринимает ревизию именно этой науки.

В связи с этим не могу не осудить аннотацию к книге НХ и вынесенные на обложку сведения об авторах. В аннотации говорится:

> «Предназначена для самых широких кругов читателей, интересующихся применением естественно-научных методов в гуманитарных науках».

Это дезинформация: в книге используются обычные гуманитарные методы.

Кроме того, еще не раскрыв книгу, читатель уже узнаёт из аннотации о многочисленных заслугах и рангах АТФ в области математики. Это прямое давление на читателя с тем, чтобы он перенес свой запас доверия к математике на книгу, которая к математике уже отношения не имеет и которая одним лишь своим содержанием у него доверия не вызвала бы.

Любительская лингвистика как орудие перекройки истории

Можно ли опираться на Фукидида без филологического анализа

В ранних работах АТФ лингвистические и филологические вопросы занимали скромное место. В дальнейшем их роль возросла. В книге НХ их роль уже настолько велика, что эту книгу вполне можно рассматривать как сочинение не только по истории, но и по лингвистике и филологии. Та или иная апелляция к языку возникает у авторов почти по каждому обсуждаемому вопросу.

Следует различать два вида соприкосновения с филологической и лингвистической проблематикой в работах АТФ: открытое (когда непосредственно обсуждаются какие-то слова или тексты) и скрытое. Второе имеет место во многих случаях, когда читателю кажется, что речь идет просто о тех или иных вычислениях.

Например, когда АТФ, вслед за Н. А. Морозовым, изучает даты затмений и показывает нам, что данные астрономии в ряде случаев не сходятся с сообщениями древних историков и летописцев, читатель часто не осознает, что сравниваемые колонки данных (астрономических и летописных) имеют совершенно разную природу. Астрономические данные объективны (или, если угодно, стоят близко к самому верху признаваемой ныне человечеством шкалы объективности), тогда как вторая колонка — это результат ф и л о л о г и ч е с к о г о анализа определенных древних текстов, и ее надежность полностью зависит от того, насколько успешно проведен этот анализ.

Установление точного смысла некоторого древнего сообщения — операция далеко не простая. Прежде всего, филолог должен непременно иметь перед собой текст этого сообщения в подлиннике: любой перевод — не только литературный, но даже буквальный — в силу разницы в структуре языков неизбежно вносит в смысл текста некоторые малозаметные модификации, какая-нибудь из которых может впоследствии оказаться причиной ложного истолкования.

Яркий пример ошибки такого рода у АТФ разбирают Е. С. Голубцова и В. М. Смирин [Голубцова, Смирин 1982] и вслед за ними А. Л. Пономарев [Пономарев 1996]. Рассказывая о затмении 431 г. до н. э., Фукидид сообщает о том, что солнце стало месяцевидным, а также о том, что появились кое-какие звезды. АТФ, исходя из литературного русского перевода Фукидида, понимает это так, что сперва солнце стало месяцевидным, а позднее (когда затмение достигло полной фазы) появились звезды. Тем самым АТФ видит здесь сообщение о полном солнечном затмении. Однако, как показали названные авторы, такое толкование возможно только для использованного АТФ перевода. Подлинный текст Фукидида такой возможности не дает: он может быть понят только так, что указанные события одновременны: солнце стало месяцевидным (т. е. затмилось не полностью) и при этом появились кое-какие звезды.

АТФ исходит из презумпции, что ни при каком частном солнечном затмении никакие звезды видны быть не могут. А. Л. Пономарев указывает, что такие яркие звезды, как Вега, Денеб и Альтаир, могут быть и видны (замечу, что при затмении на небе почти всегда долж-

на быть и Венера, которая еще много ярче, а в части случаев также и Юпитер). Таким образом, даже если рассказ Фукидида о появлении кое-каких звезд совершенно точен, вывод АТФ о том, что затмение было полным, оказывается необоснованным.

Но и в том случае, если бы презумпция АТФ была верна, его вывод всё равно не был бы единственно возможным. Чтобы понять это, здесь следует вновь обратиться к филологической стороне проблемы. Анализ древнего сообщения не ограничивается собственно лингвистическими вопросами; должны быть рассмотрены и вопросы литературоведческого характера. Какова литературная манера данного автора? Не имеет ли он обыкновения смещать или переставлять свои рассказы об отдельных событиях для большей эффектности композиции? Склонен ли он описывать повторяющиеся события с помощью однотипных формул? И так далее. Фукидид — писатель, а не протоколист. Его сочинения обладают многими художественными достоинствами, невозможными при чисто протокольной фиксации фактов. Описывая затмение, тем более уже несколько отдаленное во времени, писатель, конечно, может для усиления художественного эффекта добавить от себя какие-то детали (типа появления звезд), известные по другим затмениям.

Вот бесспорное свидетельство (упоминаемое в работе Красильников 2001: 297) того, что в письменных памятниках, включая такие, казалось бы, чисто фактографические, как летописи, добавления подобного рода действительно возможны. В Новгородской Первой летописи рассказ о солнечном затмении 1124 года выглядит так:

«мѣсяця августа в 11 день передъ вечернею почя убывати солнця, и погыбе всѣ ('солнца начало становиться все меньше, и оно исчезло целиком'); о, великъ страхъ и тьма бысть, и звѣзды быша *и мѣсяць*; и пакы начя прибывати, и въ бързѣ ('вскоре') напълнися; и ради быша вси по граду».

Понятно, что во время солнечного затмения месяца на небе быть не может, то есть летописец (или, может быть, позднейший редактор) здесь просто добавил красок к страшной картине ночи, наступившей внезапно среди дня.

Вот что писал Ю. М. Лотман (в редакционном примечании к одной из статей М. М. Постникова и А. Т. Фоменко) о том, насколько ошибочной может быть прямолинейная интерпретация древнего источника, не учитывающая специфики построения текстов соответствующей эпохи:

«Не следует забывать, что в одном ряду статистических подсчетов как сопоставимые берутся данные из документов весьма различной семиотической природы. Между тем именно от этого зависит "коэффициент искажения". Известно, что с текстами с сильной степенью мифологизации связано стремление к гиперболизации событий. При этом составитель документа ставит перед собой цель предельно идеализировать изображаемое событие, а не "точно" его описывать. Стремление усиливать степень стихийных бедствий, увеличивать число погибших при сражении входит в ритуал составления текста. В этих условиях расхождение документального и астрономического описания может свидетельствовать не о фальсификации или позднем происхождении, а именно о раннем создании, о принадлежности ко времени, когда поэтизация ценилась выше, чем фактичность. Статистическому подсчету затмений должен предшествовать семиотический анализ каждого источника.

Известно, что “Песнь о Роланде” начинается стихами:

Державный Карл, наш славный император,
Семь долгих лет в Испании сражался,
И до моря вся горная страна
В его руках; сдалися Карлу замки...
... Лишь не взял Карл Великий Сарагосы,
Что на горе стояла... (пер. Ф. де ля Барта).

Но Карл Великий во время испанского похода 778 г. еще не был императором, сражался не семь лет, а меньше года, до моря не дошел, и Сарагоса стоит не на горе, а под горой. Означает ли это, что “Песнь” сфальсифицирована, или же то, что “правдиво” отражается в хронике как год, “правдиво” же отражается в эпосе как семь лет? Семиотическая дешифровка текста должна предшествовать любому его анализу» [Семиотика–XV: 44–45].

Из расхождений между списком затмений по данным астрономии и по данным древних источников естественно сделать вывод, что некоторые древние сообщения о затмениях либо неточны (или дошли до нас с искажениями), либо неправильно нами истолкованы. АТФ делает совершенно другой вывод: просто мы в корне заблуждаемся относительно того, в какую эпоху произошло описанное в источнике затмение. Так, согласно АТФ, описанное Фукидидом затмение произошло не в 431 г. до н. э., а в 1039 г. нашей эры (поскольку по астрономическим данным затмение 431 г. до н. э. в Афинах было не полным, а частным); соответственно, надо «передвинуть» весь древний мир на много веков ближе к нам. Более того, он представляет читателю этот вывод почти как математическую очевидность. Между тем в действительности вывод АТФ целиком покоится на следующих скрытых от читателя презумп-

циях: 1) Фукидид описал затмение протокольно точно; 2) автор вывода (т. е. АТФ) правильно решил стоявшую перед ним филологическую задачу, а именно, истолковал текст сообщения Фукидида безошибочно. Как мы видели, первое необязательно верно, а второе определенно неверно.

Этот пример может служить также хорошей иллюстрацией того более общего положения, что, вопреки расхожему представлению, активно эксплуатируемому авторами НХ, использование математических методов в некоторой науке само по себе еще вовсе не гарантирует какого-либо реального прогресса в этой науке. Как мы уже говорили, математик может применить свои методы, скажем к истории, не раньше, чем он решит для себя целый ряд частных вопросов содержательного характера, возникающих у него уже на этапе отбора материала для последующей математической обработки. Если этот предварительный этап своей работы (не математический!) он провел неквалифицированно (не говорим уже о том катастрофическом случае, если предвзято), то полученный им в дальнейшем математический результат, пусть даже совершенно безупречный, останется не более, чем математическим упражнением, из которого, ввиду недоброкачественности исходных данных, для реальной науки истории не следует ровно ничего.

В ответ на критику его лингвистических и филологических построений АТФ заверяет читателей, что эти построения не имеют принципиального значения для его теории, никогда не используются для доказательства чего-либо важного и предназначены лишь для выяснения отдельных деталей в рамках теории, принци-

пиальные положения которой якобы уже независимым образом доказаны математически.

Судите сами, насколько эти заверения соответствуют действительности, если, например, даже одна лишь та филологическая ошибка АТФ (в интерпретации текста Фукидида), которая описана выше, означает развал «астрономического доказательства» новой хронологии, поскольку новая датировка указанного затмения — это один из главных столпов такого доказательства. Поверить, что ценность математических результатов, достигнутых АТФ при анализе сообщений древних письменных памятников, не зависит от правильности интерпретации текста этих памятников, могут только те, кто полагает, что математика — это такая волшебная наука, которая умеет получать верные выводы из неверных исходных данных.

Чудеса с языком и географией

Далее я уже буду рассматривать открытые обращения АТФ к вопросам лингвистики и филологии. К сожалению, здесь я вынужден сразу же прямо и безоговорочно заявить: лингвистические и филологические построения АТФ находятся на уровне самого примитивного и невежественного дилетантизма. Лингвистические ошибки, которые допускает АТФ, столь грубы, что в математике им соответствовали бы, например, ошибки в таблице умножения.

Полупопулярный характер книги НХ не может здесь служить никаким оправданием: в популярном изложении позволительны определенные упрощения, но никак не грубые ошибки.

Язык — обманчивая материя. «Человеку с улицы», владеющему с детства некоторым языком, в большин-

стве случаев не приходит в голову, что он еще не всё знает об этом языке. Он решительно не понимает, зачем существует еще такая наука лингвистика. Как это ни поразительно, АТФ находится в этом отношении именно на уровне рядового «человека с улицы».

Рассматривать весь легион лингвистических абсурдов АТФ, разумеется, бессмысленно. Ограничимся лишь немногими.

Вот рассуждение, которым авторы НХ подкрепляют свой тезис о том, что Лондон прежде стоял на Босфоре:

> «Мы считаем, что первоначально “рекой Темзой” назывался пролив Босфор. <...> По поводу Темзы добавим следующее. Это название пишется как Thames. События происходят на востоке, где, в частности, арабы читают текст не слева направо, как в Европе, а справа налево. Слово “пролив” звучит так: sound. При обратном прочтении получается DNS (без огласовок), что может быть воспринималось иногда как TMS — Темза» [НХ-2: 108].

Человек, знакомый хотя бы с начатками науки о языке, конечно, просто не поверит, что эта галиматья может быть написана всерьез. «Это пародия? Для капустника?» — спросит он[14].

Для недостаточно знакомых следует дать пояснения. Кстати, уже на одном этом примере мы познакомимся сразу с несколькими фундаментальными лингвистическими принципами, которыми пользуются авторы НХ,

[14] Призна́юсь, я сам не могу до конца отделаться от мысли, что для АТФ его сочинения на гуманитарные темы — это забавный, хотя и изрядно затянутый, фарс, мефистофелевская насмешка математика над простофилями гуманитариями, наука которых так беспомощна, что они не в состоянии отличить пародию от научной теории. Если это так, то главные кролики этого изысканного эксперимента — его (АТФ) последователи.

как то: «существенны только согласные»; «на востоке слова читают задом наперед»; «письменная форма слова исходна, устная — вторична» и др.

Что касается принципа «существенны только согласные», то сами авторы дают по этому поводу следующее разъяснение:

> «В древних текстах названия и имена сплошь и рядом употреблялись “без огласовок”, т. е. без гласных — лишь в виде “костяка” из согласных. В то время, в прошлом, гласные при чтении текста добавлялись по памяти. Естественно, с течением времени гласные путались, забывались, заменялись на другие и т. п. Согласные, записанные на бумаге, были устойчивее» [НХ-1: 19].

Из этого пассажа ясно, что авторы кое-что знают о письменностях семитских народов — таких, как финикийская, древнееврейская, арабская. В этих письменностях действительно в наиболее употребительном варианте письма записываются именно согласные (что́ находится в определенной связи с особенностями структуры семитских языков, ср. ниже сноску 18), хотя всё же наряду с некоторой частью гласных. Уточним, что это касается всех вообще слов, а не только названий и имен, и происходит отнюдь не только в древних текстах, но и теперь. Однако главное то, что к другим письменностям, например, греческой, латинской, русской, английской и т. д., этот принцип не имеет никакого отношения (условные сокращения, типа *кг* = *килограмм*, разумеется, не в счет). Без этой существеннейшей оговорки формулировка «в древних текстах» вводит в жестокое заблуждение. Между тем авторы совершенно свободно применяют этот принцип к любым языкам, например, как мы видели, к английскому. Мы находим у них даже следующее прямое заявление:

> «Например, древнеславянский текст, это тоже цепочка согласных, иногда даже без “огласовочных знаков”...» [НХ-2: 84].

Это заявление, мягко говоря, не имеет ничего общего с действительностью[15]: во всех древних славянских памятниках гласные регулярно пишутся (условные сокращения не в счет), а «огласовочные знаки» славянскому письму вообще неизвестны. Заметим, что одного такого заявления в книге лингвиста было бы достаточно, чтобы и книга и автор сразу же попали в категорию не заслуживающих доверия. Но авторы НХ, к счастью, не лингвисты.

Сведéние слова к «костяку из согласных» — один из постоянных лингвистических приемов АТФ. Вот, например, что сказано о Литве: «Скорее всего, термин Литва происходит от “латиняне” = ЛТН (Литуаниа)» [НХ-1: 269]. А вот о турках: «... слово “турки” очень близко к слову “троянцы” и “франки” (один и тот же корень ТРК, ТРН)» [НХ-2: 207]. Ни литовцы, ни латиняне, ни турки, ни троянцы, ни франки к семитским языкам не имеют отношения. То, что АТФ позволяет себе здесь называть «корнем», никоим образом не соответствует действительным корням упомянутых слов в соответствующих языках.

На игнорировании гласных основано также приводимое в НХ десятки раз сопоставление, на котором держится одно из центральных положений «нового учения»: *монголы* — греч. ‘великие’ (по АТФ — МЕГАЛИОН; в действительности μεγάλοι). В средневековом греческом

[15] Вообще в НХ много фактических ошибок разной степени серьезности. Но мы не считаем нужным каждый раз на них останавливаться, поскольку на фоне всего остального они уже не имеют большого значения.

языке 'монголы' — μουγούλιοι (ου = [у])[16]. Но в греческом языке невозможно родство двух слов, различающихся тем, что одно содержит гласные ε – α, а другое ου – ου. Одного этого достаточно, чтобы данное сопоставление стало невозможным (отвлекаемся от того, что оно невозможно также и по ряду других лингвистических причин).

Рассуждение о том, как читают «на востоке», особенно сильно заставляет подозревать, что авторы над нами просто смеются. По АТФ, если имеется последовательность букв SND, то араб читает ее как DNS.

Если так, то, наверное, *Москва* у арабов — *Авксом*, *Новгород* — *Дорогвон*. Видимо, арабы пишут в одном направлении, а читают в противоположном. Нет, пожалуй, не так: они, наверное, все-таки и пишут и читают справа налево. Но дело в том, что некоторые арабы знают русские или английские буквы. А то, что их надо читать слева направо, им в голову не приходит. Видят надпись НОВГОРОД, ну и читают, как привыкли: ДОРОГВОН. И пошло гулять новое слово. Дойдет и до России, и там тоже, глядишь, многие начнут называть Новгород Дорогвоном.

Читатель ошибется, однако, если сочтет весь этот эпизод за случайный ляпсус. Свое открытие, что на востоке выворачивают слова наизнанку, АТФ использует многократно (причем применяет его к любым словам любых языков, а отнюдь не только восточных). Вот, например, о Самаре:

---

[16] В цитатах мы везде сохраняем авторское оформление слов (весьма непоследовательное, например, то строчными, то прописными буквами и т. п.).

> «Само название “Самара”, в обратном (арабском) прочтении — “А-Рамас” означает “Рим”, “столица”» [НХ-1: 361].[17]

Кстати, вы ведь уже понимаете, что *А-Рамас* и *Рим* — это одно и то же, потому что «костяк согласных» здесь РМ (конечно, пришлось еще отбросить С в *А-Рамас*; но поскольку тождество Самары и Рима всё равно уже очевидно, то неужели нельзя пренебречь одной буквой?).

Далее. Приведенные нами выдержки из НХ демонстрируют также полное непонимание того, как соотносятся письмо и звуковая речь. Это непонимание характерно едва ли не для всех лингвистов-любителей и составляет их заметнейшую отличительную черту. Прописная истина языкознания состоит в том, что язык существует независимо от того, есть для него письменность или нет. И поныне в мире множество бесписьменных языков, а уж о древней эпохе нечего и говорить. Язык передается от поколения к поколению через устное общение. Принцип АТФ («элементы звукового состава слова, не фиксируемые на письме, путаются, забываются») применим только к мертвому письменному языку, т. е. такому, на котором сохраняются (и, возможно, даже создаются) письменные тексты, но нет общенародного устного общения. Неслучайно АТФ ссылается в этой связи именно на мертвый (до его «воскрешения» в XIX в.) язык — иврит [НХ-2: 83−85].

[17] При всей оригинальности такого способа объяснения различных названий, АТФ все же не является его уникальным сторонником: в главе 1 мы уже видели точно такое же объяснение для названия *Рим*. Очевидно, лингвистам-любителям свойственно приходить к одним и тем же нелепостям, даже если они при этом являются академиками других наук.

К живым языкам этот принцип не имеет никакого отношения. Если бы он был верен для живого языка, то бесписьменный язык вообще не имел бы никаких шансов сохранить сходство со своим древним состоянием. В действительности же, например, лужицкие языки, не менее пяти веков прожившие в бесписьменном состоянии в немецком окружении, сохранили тесное сходство с другими славянскими языками; цыганский язык до сих пор в существенных чертах сходен с индоевропейскими языками Индии, из которой некогда вышли его носители. И вообще родственные бесписьменные языки сохраняют сходство между собой ничуть не хуже, чем письменные.

У АТФ, в противоположность всему накопленному лингвистикой опыту наблюдения над функционированием и изменением языков, приоритет всегда принадлежит письменной форме слова, а не устной. Например, по его представлениям, люди всегда знакомятся с новым словом в его письменном виде; кто-то неправильно его прочел — и пожалуйста: слово изменилось. Над тем, как функционирует бесписьменный язык, ему, по-видимому, вообще не доводилось задумываться. Принцип приоритета письменного (и в особенности печатного) слова, между прочим, позволяет АТФ выдвинуть следующий замечательный тезис, революционизирующий всю историческую географию:

> «Еще раз повторяем одну из главных наших мыслей: в средние века (до начала книгопечатания) географические названия и имена народов перемещались по карте, следуя при этом за перемещающимися документами (народы же, в основном, оставались на тех же местах, где они и жили, и где живут сегодня). С места на место перемещались лишь воинские отряды, владетельные князья, их двор и т. д. Они не

> могли существенно изменить этнический состав тех мест, куда они приходили... Но (и это важно!) они везли с собой архивы, книги, документы, а именно они давали потом названия народу, месту, городу, реке и т. п. Древние названия забывались. Те, которые мы помним сейчас, возникли в 15–17 веках из документов (в той их локализации, в какой их застала книгопечатная эпоха). С распространением печатных карт названия более или менее застыли» ([НХ-1: 183–184]; ср. также [НХ-2: 28, 195–197]).

Надеюсь, читатель теперь уже понимает, что Темза переехала к Мраморному морю не по безумию, а по новой науке. В самом деле, представьте себе, например: живет неграмотный рыбак у реки, называет ее, допустим, Дон. Ну откуда же его сын будет знать, как ее называть, если он никогда не видел ее названия в записанном виде (да он еще вдобавок тоже неграмотный)? Но вот в их краях появился новый, пришлый правитель. Местных жителей он, правда, не согнал, своими людьми не заменил, но прислал чиновника с документами и с картой, который им разъяснил: это река Москва. Трудность, конечно, в том, что рыбак неграмотный, а со слуха как запомнишь? Наверно, приходилось много лет подряд посылать чиновника снова и снова.

«Ну хватит уже придумывать нелепости», — скажете вы. Тогда послушайте самих авторов, которые рассказывают нам историю названия *Монголия.* Это название

> «покинуло свое первоначальное место в Русско-Ордынской империи и двинулось, — лишь на бумаге, — то есть на романовских картах, — на далекий восток. При этом существенно уменьшаясь в размерах. Наконец, оно остановилось над территорией современной Монголии. Исконные жители этой области и были (на бумаге!) назначены, тем самым, “быть монголами”» [НХ-1: 401–402].

Эх, кабы китайцам в свое время познакомиться с учением АТФ! Не надо было бы строить Великую Китайскую стену — сотни миллионов человеко-лет труда бы сэкономили: ведь никаких страшных монголов вблизи от них, оказывается, не было!

Любительские поиски происхождения слов

Огромную роль в построениях АТФ играют сближения слов (т. е. сопоставления с целью показать их родство или какую-то иную историческую связь). Этот род лингвистической деятельности мы встречаем чуть ли не на каждой странице. Имеется в виду, что каждое такое сближение подтверждает какую-нибудь из идей ревизии истории (многие из этих идей ничем, кроме таких сближений, и не подкреплены). К сожалению, в подавляющем большинстве случаев эти сближения элементарно неверны.

Начнем с того, что, говоря о словах, авторы НХ обычно не уточняют, о словах какого языка (и тем более какой эпохи) идет речь. Дело не в том, что они не сообщают этого читателю. Они и сами об этом не задумываются и, как это ни дико для лингвиста, явно не считают это особо существенным. Язык выглядит в их построениях как некая более или менее однородная субстанция, разлитая по всем странам и эпохам. Такому впечатлению сильно способствует и то, что слова любых языков, кроме английского, обычно записываются в НХ без особых церемоний русскими буквами и внешне выглядят пусть как диковинные, но русские.

Разумеется, в русской транскрипции как таковой никакой беды нет, особенно в книге с популярным уклоном. Но за ширмой упрощенной транскрипции ав-

торы сами не видят того, что в действительной фонетике соответствующего языка дело иной раз обстоит и не так, как в русском. Вот яркий пример. В рассуждении о библейском термине *Рош* авторы пишут:

> «Средневековые византийцы были уверены, что в этом месте книги Иезекииля речь идет о РУССКИХ и писали не “князь Рош”, а прямо — “князь Рос”» [НХ-1: 149].

Как мы видим, замена *ш* на *с* является в глазах авторов сильным аргументом в пользу их идеи. Увы, перед нами элементарная лингвистическая безграмотность. В греческом языке, на котором написаны упоминаемые сочинения, вообще нет звука [ш]! Никакого иного способа передать звук [ш] других языков, скажем древнееврейского, как в данном случае, кроме как через σ (в русской транскрипции — *с*), у греков нет. Например, древнееврейское имя *Šəlōmōn* (*š* = [ш]) 'Соломон' заимствуется греками в виде Σολομών, древнееврейское *Yēšūaʿ* 'Иисус' — в виде Ἰησοῦς, аккадское (ассиро-вавилонское) название *ʾAššur* 'Ассирия' — в виде Ἀσσυρία.

Надо признать, что при английском слове АТФ иногда дает помету «английское», но это не мешает тому, что английские слова — разумеется, в современном произношении, отнюдь не в средневековом — у него неким недоступным банальному уму образом оказываются актуальными для жизни любых стран и эпох, скажем, для средневековой России, Византии, Аравии. Так, например, когда авторы заявляют о связи библейского слова *Рош* со словом *Русь*, то они считают относящимся к делу и то, что

> «слово Россия пишется, например, по-английски как Russia и читается как Раша, т. е. это все тот же Рош» [НХ-1: 149].

А вот что говорится про мусульманскую эру — хиджру, или геджру (авторы называют ее «гeждра»):

> «По-арабски название звучит так: hijra, по-английски: hegira или hejira» [НХ-1: 208].

Далее авторы обсуждают происхождение этого слова и, в частности, пишут:

> «Кроме того, слово “hegira” может быть слиянием двух: Гог и эра (напомним: эра = era), т. е. могло просто означать “эра Гога”, или “эра Готов”, эра “Монголов”» [там же].

Как видите, без английского языка арабам не удалось бы даже как-то назвать свое летосчисление. Поясним, что с точки зрения тех арабов, которые еще не знают учения АТФ, *hiǧra* (*ǧ* = [дж]) 'переселение пророка Мухаммеда (Магомета) из Мекки в Медину' — это обычное арабское слово *hiǧra* 'переселение, эмиграция' (от корня HǦR 'расставаться', 'переселяться'[18]) в специализированном значении и так же, как переселение пророка, обозначается и сама мусульманская эра, началом которой является это переселение.

Нужно ли говорить, что вездесущность английского языка всё же бледнеет по сравнению с вездесущностью русского. Русские слова — иногда в открытой, иногда в замаскированной форме — просто пронизывают весь Старый Свет.

Например, АТФ открыл, что библейское *Чермное море* (т. е. Красное море: в древнерусском и церковнославянском *чермный* значит 'красный') — это Черное море [НХ-2: 161]. На всех других языках названия этих

[18] В арабском языке (и других семитских) корень состоит из согласных (обычно из трех), а гласные выражают различные грамматические значения.

двух морей звучат совершенно по-разному; но ведь по-русски-то почти одинаково!

Согласно АТФ, *скот(т)ы* (жители Шотландии) — то же, что *скифы*; как он нам объясняет, свидетельством в пользу этого является то, что скифы разводили *скот* [НХ-2: 110].

АТФ сообщает нам, что в эпоху папы Григория VII «в Риме появляется некий патриций по имени Иоанн Кресцентий — явное видоизменение евангельского имени Иоанн Креститель» [НХ-2: 252]. Конечно, по-латыни между Joannes Crescentius и Joannes Baptista 'Иоанн Креститель' общего мало, но кто же мешал им в Риме читать евангелие по-русски?

Все-таки есть кое-что и приятное в постоянстве законов истории: вот, например, сейчас нормальному человеку из языков, если говорить честно, ничего, кроме русского и английского, не требуется — и в прежние времена в общем-то так же было.

Значение слова у АТФ тоже не привязано так уж жестко к какому-нибудь определенному языку. Если, например, по-гречески βασιλεύς значит 'царь', то какое может быть сомнение, что и по-русски слово *Василий* значит то же самое:

> «Само слово "Василий" означает попросту "царь" (= базилевс)» [НХ-1: 294].

Это дает АТФ возможность разгадать то, что фальсификаторы надеялись скрыть навеки: Василий Блаженный — это Блаженный Царь; это был вовсе не московский юродивый, а так именовался в конце жизни не кто иной, как Иван Грозный (точнее, первый из тех четырех царей, которые, как открыл АТФ, в сумме составляют Ивана Грозного).

А, например, *туркмены* — это, конечно, просто 'турецкие мужчины', 'турецкие люди': *турк-мен-ы* [НХ-1: 407].

Короче говоря, не смущайтесь, если вы не поняли, в каком именно языке происходили все те замечательные явления, которые привели к превращению пролива (*sound*) в Темзу, — в английском или в «восточном». Авторы не придают этому пустяку решительно никакого значения.

Обратимся теперь к технической стороне сближений. Созвучия слов обладают могучей силой эмоционального и эстетического воздействия. Это один из строевых элементов поэзии. Если два слова по звучанию похожи, значит, между ними должна быть какая-то связь — это наивно-поэтическое ощущение бывает у каждого ребенка, а многие сохраняют его и во взрослом возрасте. Древние тексты содержат множество примеров наивно-поэтического осмысления слов, в особенности собственных имен. Ср., например, в Библии:

> «И нарек Адам имя жене своей: Ева (по-древнееврейски *Ḥawwā*), ибо она стала матерью всех живущих (*ḥāy*)» (Бытие, 3.20);
>
> «И пал Авраам на лице свое и рассмеялся (*yiṣḥāq*)» (когда услышал слова Бога о том, что у него родится сын); «Сарра, жена твоя, родит тебе сына, и ты наречешь ему имя: Исаак (*Yiṣḥāq*)» (Бытие, 17.17 и 17.19);
>
> «Не потому ли дано ему имя: Иаков (*Ya'aqōv*), что он запнул меня (*ya'qəvēnī*) уже два раза?» (слова Исава, которого Иаков дважды перехитрил, — Бытие, 27.36);
>
> «И нарекла имя ему: Иосиф (*Yōsēf*), сказав: Господь прибавит (*yōsēf*) мне другого сына» (Бытие, 30.24);
>
> и много другого подобного.

Занятия наивной этимологизацией, т. е. поисками происхождения слова, при которых человек даже не задумывается о необходимости каких-то специальных знаний, а просто «вслушивается» в звучание слова, — вещь довольно распространенная. Для большинства тех, кто этим увлекается, это просто игра, но есть и немало лингвистов-любителей, которые принимают это свое занятие всерьез; некоторые из них даже пишут пухлые сочинения на эту тему. Контактов с профессиональными лингвистами эти люди как правило не любят.

Как это ни прискорбно, авторы книги НХ неотличимы от этой категории любителей. Они с детской наивностью убеждены, что если два слова (неважно, того же языка или разных) сходны по звучанию, то можно без всяких предварительных проверок смело утверждать, что одно из них произошло из другого или что по крайней мере они связаны родством или какой-то иной неслучайной связью. Авторы НХ не знают или не хотят знать, что уже двести лет существует научная дисциплина, разрабатывающая методы отличения родственных слов от случайно созвучных, — сравнительно-историческое языкознание.

Здесь не место пересказывать учебники. Но всё же укажем, хотя бы упрощенно, то, что принципиально важно. Фонетический облик слов изменяется не хаотически и не в индивидуальном порядке для каждого слова, а путем регулярных фонетических изменений. Регулярность изменения, скажем, звука [б] в звук [в] состоит в том, что если оно вообще происходит, то оно охватывает все [б] во всех словах данного языка. Каждое конкретное фонетическое изменение ограничено определенным языком и определенным периодом его истории. Родственные языки, вследствие того, что они

испытали разные наборы регулярных фонетических изменений, оказываются связаны между собой регулярными фонетическими соответствиями, например: англ. *th* — нем. *d* (*this* — *dies*, *then* — *denn*, *feather* — *Feder*, *bathe* — *baden* и т. д.). Родство двух слов из родственных языков проявляется не в том, что они звучат одинаково, а в том, что различия в их звучании подчинены правилам фонетических соответствий.

От отношения родства двух слов лингвисты отличают отношение заимствования. Заимствование возможно как из родственного языка (скажем, слово *ксёндз* заимствовано из польского), так и из неродственного (скажем, слово *харакири* заимствовано из японского). Фонетические соотношения между словом языка-источника и словом языка-восприемника подчиняются иным правилам, чем при родстве, но и здесь это не просто совпадение звучаний.

Проверяя возможность сближения слова *a* (языка *A*) и слова *b* (языка *B*), лингвист прежде всего обязан сделать выбор между гипотезой о родстве *a* и *b* и гипотезой о заимствовании. Если принята гипотеза о родстве, то проверяется, соблюдены ли правила фонетических соответствий, связывающих *A* и *B*. Если принята гипотеза о заимствовании, то сперва должно быть определено направление заимствования. Допустим, это направление из *A* в *B*. Тогда для каждой из фонем слова *a* проверяется, должна ли она при наложении на систему фонем языка *B* быть заменена именно той фонемой языка *B*, которую мы видим в слове *b* (излагать техническую сторону этой проверки здесь неуместно); исследуется также вопрос о том, не подверглось ли слово *b* в ходе истории языка *B* специфическим дополнительным преобразованиям, характерным для заимство-

ванных слов. Во всех случаях, когда из истории соответствующих языков для слова *a* и/или *b* известны их более ранние формы, объектом проверок служат именно эти ранние формы, а не современные. В случае, если значения слов *a* и *b* различны, необходимо, кроме того, произвести дополнительную семантическую проверку с целью установить, могло ли одно значение развиться из другого (или оба — из некоторого третьего). Если гипотеза о связи *a* с *b* прошла все эти проверки успешно, необходимо сравнить ее со всеми теми конкурирующими гипотезами, которые тоже успешно выдерживают такие проверки, с тем чтобы установить, имеются ли у данной гипотезы преимущества перед остальными и насколько они весомы.

В книге НХ не обнаруживается никаких следов знакомства с этими основными принципами исторической лингвистики.

«Этимологическим словарем русского языка» М. Фасмера ныне уже научились пользоваться тысячи русских людей самых разных профессий, интересующиеся происхождением русских слов. Но не наши авторы. Предлагая свои дикие этимологии, они, за исключением одного-двух случаев, просто игнорируют М. Фасмера: чем, в самом деле, М. Фасмер со всеми его рутинными параллелями из других языков, ссылками на памятники, словари, специальные исследования и т. п. так уж надежнее их самих?

Иногда под свое нежелание считаться с существующей лингвистикой авторы даже пытаются подвести некую теоретическую базу. Так, в связи с вопросом о заимствованиях они пишут:

> «Вообще, вопрос о том — “кто у кого заимствовал слова”, в современной лингвистике определяется исключительно на

базе принятой сегодня традиционной хронологии. Ее изменение сразу меняет и точку зрения на происхождение и направление заимствования тех или иных слов» [НХ-1: 387].

Понятно, что существующую историческую лингвистику можно не принимать во внимание, коль скоро ее выводы опираются на нечто иллюзорное. К сожалению, перед нами не более, чем очередное столь же невежественное, сколь и высокомерное заявление.

В действительности в лингвистике направление заимствования вообще не определяется на базе какой бы то ни было абсолютной хронологии. Оно определяется на основе того, в каком из двух языков слово является, образно говоря, инородным телом и в каком — естественным. Ср. латинское *october* и древнерусское *октѧбрь*: в латыни это прозрачное производное от *octo* 'восемь' — 'восьмой месяц (по счету от марта, которым начинался год)'; в древнерусском же в этом слове нельзя выделить никакого понятного корня, и вдобавок сочетание *кт* на том этапе истории языка в собственно славянских словах еще не встречается. Вывод: направление заимствования было из латыни. Точно таким же путем устанавливается направление заимствования, например, в паре «русск. *кашне* — франц. *cache-nez* (буквально: 'спрячь нос')» или в паре «русск. *закуска* (где легко выделяются понятные приставка, корень и суффикс) — франц. *zakouski*».

Как мы уже говорили, используемый в профессиональной лингвистике способ сближения слов книге НХ чужд. Вместо этого используется бесхитростный критерий «внешнего сходства». Посмотрим же, в каких случаях авторы готовы считать два слова внешне сходными. Чтобы не критиковать каждое из приводимых ни-

же сближений по отдельности, сразу же предупредим, что лингвистически правильного среди них нет ни одного.

В некоторых примерах из НХ внешнее сходство действительно велико, скажем, *Батый — батя*, *Мамай — мамин*. Но если бы авторы ограничивались только такими примерами, их лингвистическая деятельность быстро остановилась бы. В подавляющем большинстве случаев они удовлетворяются весьма приблизительным сходством. Не мешают сходству, в частности, любые различия внутри следующих «групп сходства»: *с – з – ш – ж*; *б – в*; *в – ф*; *ф – т*; *т – д*; *к – х – г*; *к – ц – с*; *г – з – ж*; *ч – ш – щ*; *р – л*; *н – м* (список в действительности еще неполон). Например: *гуз* (тюркское племя) — *гусь*; *Сибирь — север*; *враг* (*ворог*) — *варяг — фряг*; *Щек — чех*; *кир — сир — царь*; *улус — Русь*. Гласные вообще большого значения не имеют. Приятно, конечно, когда и гласные похожи, но если нет, то для АТФ никакой проблемы тоже нет: в этом случае надо просто рассматривать только «костяк согласных», о котором уже шла речь выше.

Для авторов не имеет никакого значения, относится ли сравниваемая часть слова к корню или к суффиксу. Например, *Irish* 'ирландский' (корень *Ir-* + суффикс *-ish*) и *Russia*, *Russian* — согласно НХ, одно и то же: у них одинаковый «костяк» RSH [НХ-2: 114]. И этого замечательного сравнения для АТФ достаточно, чтобы Россия и Ирландия (в названиях которых, если не считать *-ия*, совпадает одно только *р*) оказались одной и той же страной (в прошлом).

Еще один пример (доказывающий на сей раз тождество Египта и Рима): если верить АТФ [НХ-2: 218], в

Библии Египет называется по-древнееврейски *Миц-Рим*, чтó вслед за Н. А. Морозовым АТФ переводит как 'высокомерный Рим' (нас уже, конечно, больше не должно удивлять, что сравнение здесь опирается на русское название *Рим*, а не на латинское *Roma*[19]). В действительности библейское название имеет вид *Miṣrayim*, где *Miṣr-* — 'Египет', а *-ayim* — окончание двойственного числа: первоначальный смысл названия — 'два Египта' (Нижний и Верхний).

Всё-таки трудно не вспомнить из Гоголя: «Я открыл, что Китай и Испания совершенно одна и та же земля, и только по невежеству считают их за разные государства. Я советую всем нарочно написать на бумаге Испания, то и выйдет Китай». Здесь ведь уже есть всё: и сама грандиозная идея отождествления разных стран, и, главное, метод, которым оно достигается.

Если даже все указанные степени свободы, вместе взятые, всё-таки не дают желаемого результата, то авторы НХ могут еще прочесть слово задом наперед. Это будет называться «в арабском прочтении»: см. выше *Самара* = *А-Рамас*. Можно, вообще говоря, и комбинировать: часть букв переставить, а часть нет; например, *Хорезм* — это, согласно АТФ, не что иное, как *Кострома*. Отдельными согласными можно при нужде и пренебречь. Возможны и другие вольности сверх всех указанных.

Для наглядности приведем еще несколько иллюстраций, где можно видеть разнообразные сочетания описанных выше механизмов сопоставления:

---

[19] Читатель мог видеть уже в главе 1 пример точно такого же подхода к названию этого города; тут отечественные лингвисты-любители трогательно единодушны.

> «Рюрик — это просто другая форма старого русского имени Гюргий, т. е. Георгий — Юрий» [НХ-1: 196].
>
> Хан Хулагу — «это снова имя Георгий — Гургу, видимо, весьма распространенное среди потомков Чингиз-Хана Георгия» [НХ-1: 224].
>
> «Но само слово "еврей" — это церковно-славянское слово и означало оно, как показывает анализ его употребления в средневековых текстах, — "жрец", "священник". Это просто одна из форм слова "иерей"» [НХ-2: 204—205].
>
> «Кстати, имя Ахилл может означать противник французов: А-ГАЛЛ» [НХ-2: 293].
>
> «Английское слово остров сегодня пишется так: island. Но что означало оно в древности? Что если это Asia-Land, т. е. азиатская страна, т. е. страна, расположенная в Азии? Без огласовок мы имеем: asialand = SLND, island = SLND, т. е. это — одно и то же слово!» [НХ-2: 95].
>
> «Anglo-Sax — Angel Isaac» [НХ-2: 126] (имеется в виду византийский император Исаак Ангел).
>
> «"герцог" = "Ксеркс"» [НХ-2: 208].
>
> «Имеются яркие звуковые соответствия: КРИШНА — ХРИСТОС, КРИШНА ХАРЕ РАМА (молитва кришнаитов) — ХРИСТОС КИР (ЦАРЬ) РИМСКИЙ...» [НХ-2: 239].

Иногда (очень редко) авторы считают уместным пояснить, почему они приравнивают один звук к другому. Например, они пишут:

> «Не есть ли "город Теребовль" попросту искажение "города Тверь"? Звук "Б" часто переходит в "В" и тогда без огласовок, имеем: ТРБ – ТВР» [НХ-1: 102].

(О том, что перестановка согласных — законная операция, мы уже знаем; часть *-овль* в данном случае авторам не понадобилась.) Нет даже нужды уточнять, в каком языке. Просто: «часто переходит».

Заметим от себя: в русском языке [б] вообще никогда не «переходит» в [в]. Фонетическое изменение [б] в [в] имело место, в частности, в истории греческого языка; соответственно, буква β читалась в древнегреческую эпоху как [б], а в византийскую — как [в]. В определенных позициях такое же изменение произошло в истории, например, французского и итальянского языков. Авторы скорее всего опираются в своем утверждении на соотношение типа русск. *Варвара* – англ. *Barbara*, русск. *алфавит* – англ. *alphabet*, которое определяется тем, что в западноевропейских языках в словах, заимствованных из греческого (в данном случае через латинское посредство), отразилось древнегреческое произношение буквы β, а в русском — ее византийское произношение. Если западноевропейское слово заимствовано в русский, то уже в рамках русского языка может возникнуть соотношение типа *Севастьян* – *Себастьян* (это случается преимущественно в сфере имен собственных). Другие примеры такого рода: *Авраам* (*Аврам*) – *Абрам*; *Венедикт* – *Бенедикт*; *Варвара* – *Барби*; *Аравия* (слово, пришедшее в древнерусский язык из греческого и сохранившееся доныне) – *араб* (более позднее слово, воспроизводящее подлинную арабскую форму и сходные с ней западноевропейские формы и вытеснившее прежнее название *аравитянинъ*). Подчеркнем, что ни в одном из этих случаев не было перехода [б] в [в] или наоборот, т. е. не было превращения, например, *Абрам* в *Аврам* или наоборот, а каждый из двух вариантов приходил в русский язык своим путем, независимо от другого варианта.

Приведенный пример (как, впрочем, и ряд других, уже рассмотренных выше) может служить наглядным

образцом всей фоменковской научной логики в сфере лингвистики и истории. «Явление *P* в примерно таких, как у нас, случаях иногда бывает, не правда ли? Почему бы не предположить, что оно имеет место и в нашем случае?» Соответствующая научная дисциплина давно выяснила, при каких именно условиях имеет место *P*. Но АТФ не желает об этом знать: это бы лишило его свободы мысли.

В арифметике это выглядело бы, например, так: «Квадрат числа часто оканчивается на ту же цифру, что и само число, не правда ли? Вот, $1 \times 1 = 1$, $5 \times 5 = 25$, $6 \times 6 = 36$. Почему бы не предположить, что $7 \times 7 = 47$?»

Читателям, чувствительным к математической стороне любой проблемы, предлагаю самим посчитать, хотя бы приблизительно, сколько произвольных последовательностей русских букв должно быть признано по фоменковской методике сходными, допустим, со словом *Русь.* Напомню, что при установлении сходства разрешается:

1) отбрасывать все гласные;

2) переставлять согласные;

3) отбрасывать одну согласную;

4) приравнивать одну согласную к другой в рамках перечисленных выше «групп сходства».

(Читатель легко может убедиться в том, что выше в материале из НХ встречались примеры всех названных преобразований.)

Число получится внушительное, не правда ли? Конечно, в реальном языке далеко не всякая последовательность букв образует слово. Но всё-таки слов в любом языке очень немало — если считать и имена соб-

ственные, то сотни тысяч. А ведь можно брать слова для сопоставления не из одного языка, а из самых разных. Вот и оцените теперь, сколько примерно слов (разных языков) АТФ имеет право при своей методике связать со словом *Русь.*

Он воспользовался этим правом очень скромно, а именно, связал со словами *Русь*, *русский* слова:

> *улус* [НХ-1: 163] (согласно АТФ, из этого слова слово *Русь* и произошло);
>
> *Рош* (название страны в Библии) [НХ-1: 138];
>
> *Irish* (англ.) 'ирландский' [НХ-2: 114];
>
> *Roß* (нем.) 'конь': «Мгновенно возникает ассоциация слова Ross с русскими: руссы = люди на конях, всадники, казаки!» [НХ-1: 135];
>
> *Пруссия*, *пруссы* (по АТФ *Пруссия* = *П-Руссия* [НХ-1: 402]);
>
> *Сар-* (в составе названий *Сарай*, *Саранск*, *Саратов*, *Чебоксары* и др.) и *царь*: «Скопление названий типа САР, или РАС, РОС в обратном прочтении, мы видим сегодня ИМЕННО В РОССИИ, И ИМЕННО ВОКРУГ ВОЛГИ: Саранск, Саратов и т. п. По-видимому, имя САР, т. е. РОС, зародилось именно здесь, а затем превратилось в ЦАРЬ и распространилось в 14 веке на запад и на юг... А потом попало и на страницы Библии» [НХ-1: 404].

Как всё-таки жаль, что такое большое количество не менее достойных кандидатов на родство с Русью оставлено (по крайней мере в НХ) без внимания! Например, *rus* (лат.) 'деревня'. Правда, это сближение уже произвел А. С. Пушкин («Евгений Онегин», эпиграф к главе второй), но он ошибочно полагал, что это шутка, поэтому как научный конкурент он не в счет и плагиата тут не было бы. А еще: *русый*, *Руса*, *Руза*, *русалка*, *рысь*, *russus* (лат.) 'красный', *rosse* (франц.) 'кляча', *ours* (франц.)

'медведь', *Ruß* (нем.) 'сажа, копоть', *rosvo* (финск.) 'разбойник', *Руслан*, *Руссо*, *Руссильон*, *суровый*, *сор*, *сэр*, *Сура*, *Саар*, *Сирия*, *Ассирия*, *Уссури*, *эт-руск*, *зу-лус*, *Г-Рузия*, *Пе-Рсия*, *Ие-Русалим*, *Та-Руса*, *ту-русы*...

А сколько других отождествлений, которые так и просятся в «новое учение», АТФ всё-таки упустил! Почему бы не предположить, например, что Венеция — это Винница, Парма — это Пермь, Лукка — это Великие Луки, Кёльн — это Клин, Глазго — это Глазов, Верден — это Бородино...

Сближения слов, переполняющие страницы НХ, служат авторам для того, чтобы по-новому объяснить происхождение того или иного слова, т. е., говоря техническим языком лингвистики, предложить для него новую этимологию. К сожалению, все эти этимологии носят ярко выраженный любительский характер; в частности, все приведенные выше из НХ примеры сближений, как мы уже предупреждали, попросту неверны. «Но почему вы беретесь так категорически судить? — может спросить читатель. — Разве не является любое суждение о происхождении слова всего лишь гипотезой? Чем же одна гипотеза так уж хуже другой?»

Едва ли не самое существенное отличие любителя от профессионального лингвиста состоит в том, что для любителя каждый факт языка существует по отдельности, без связей с остальными; например, с каждым словом может происходить что-то свое. Напротив, для лингвиста каждое слово — это член многих классов слов; например, русское слово *завод* входит в класс слов с начальным [з], в класс слов с постоянным ударением на корне, в класс существительных мужского рода, в класс

слов, образованных по такой-то морфологической модели, в определенный семантический класс и так далее. Строя гипотезу о происхождении конкретного слова, лингвист ставит ее в зависимость от того, какими свойствами обладают целые классы слов, куда данное слово входит, и что с ними происходило в ходе истории. Поэтому в своих предположениях он неизмеримо более ограничен, чем любитель. Любитель же совершенно свободен: в его счастливом неведении ничто не мешает ему предложить для слова первое пришедшее ему в голову объяснение (ср. выше очаровательное по простодушию «Мгновенно возникает ассоциация...»).

Попытаюсь на примерах показать тем, кто далек от лингвистики, чем отличается лингвистически обоснованная этимология от любительского угадывания по принципу «а почему бы не предположить и такое?». Разумеется, я буду вынужден упрощать: полное лингвистическое обоснование рассматриваемых этимологий включало бы еще анализ показаний древних памятников и родственных языков и многое другое.

В НХ [1: 226] читаем:

> «Вот откуда пошли МУСУЛьмане — от названия города Мосул в Малой Азии».

Тем, что Мосул находится в Месопотамии, а не в Малой Азии, пренебрежем. В НХ не объясняется, что значит часть *-мане*, но судя по указанию, что *туркмены* — это 'турецкие мужчины', за ней стоит всё тот же МЭН, т. е. это 'мосульские мужчины'.

Сравним эту смелую новую этимологию с традиционной. По-арабски 'мусульманин' — *muslim(un)* (окончание *-un* может в определенных условиях отпадать). В арабском языке это слово несомненно исконно, посколь-

ку для араба оно совершенно прозрачно: *mu-* — приставка, SLM — корень, *i* между L и M — носитель определенного (довольно сложного) грамматического значения. Буквальное значение — 'покорный (подразумевается: Богу)', 'вручающий (Богу) свою целость и невредимость'. Корень SLM 'быть целым и невредимым', 'быть в безопасности' — тот же, что, например, в *salām(un)* 'мир', 'безопасность', *'islām(un)* 'ислам' (буквально: 'покорность'). Добавим к этому, что арабское название Мосула — *'al-Mawṣil(u)* (буквально: 'узел, точка связи', от корня WṢL 'связывать') — содержит другое «С», чем *muslim(un)*, а именно, фонему *ṣ*, а не *s*, так что фонетическое совпадение здесь происходит только в русской передаче, но не в самом арабском.

Арабское *muslim(un)* было заимствовано, в частности, персидским, где оно получило (с присоединением персидского суффикса *-ān*) вид *musilmān*, *musulmān*; отсюда татарское и казахское *musulman* и далее русское *мусульмане*. В русском языке *-ан-* было осмыслено как тот же суффикс, что в *горожане*, *молдаване*, *христиане* и т. п.; отсюда окончание *-е* во множ. числе и форма *мусульманин* в единств. числе.

Еще один пример:

> «Само название Яро-славль, вероятно означало когда-то “Славный Яр”. Яр — это название места с определенным рельефом. Это было “Славное Место”, где торговали. Естественно, здесь возник крупный город, наследовавший имя “Яро-Славль”» [НХ-1: 158].

Сравним и здесь с традиционной этимологией. *Ярославль* — первоначально притяжательное прилагательное мужского рода от имени *Ярослав*, т. е. это 'Ярославов' (подразумевается: город). По этой модели образо-

ваны названия многих древнерусских городов, например, *Переяславль*, *Мстиславль*, *Ростиславль* (ныне *Рославль*). Предположение, что слово *Ярославль* могло первоначально обозначать 'славный яр', лингвистически безграмотно: словообразовательная модель «основа существительного + основа прилагательного, от которой отсечен суффикс *-н-*, + суффикс *-ль*» не представлена в русском языке ни единым примером. Более того, она противоречит общим принципам образования сложных слов в русском языке — как древнем, так и современном (но чтобы точно сформулировать эти принципы, необходим некоторый лингвистический аппарат, который нет смысла здесь приводить).

Напротив, сложное слово *Ярослав* (имя) построено в полном соответствии с принципами древнерусского словообразования (но *яр-* здесь не от *яр* 'крутой берег, круча, обрыв', а от прилагательного *ярый*). Первоначальное значение этого имени — 'обладающий яркой (мощной) славой'. По этой модели построено значительное число других старинных русских слов, в том числе имен, например: *Ярополк* (первоначально: 'обладающий ярым (яростным) войском'), *пустодом* 'тот, у кого дом пустой', 'плохой, незапасливый хозяин', *златоуст* 'красноречивый человек' (буквально: 'обладающий золотыми устами') и т. п. Такая этимология имени *Ярослав* активно поддерживается также тем, что обе части этого имени хорошо представлены и в других древних славянских именах, ср. *Ярополк*, *Яромир*, *Ярогнев* и др., *Святослав*, *Доброслав*, *Вячеслав*, *Мстислав* и др.

Разбирать далее поштучно этимологическую продукцию АТФ незачем. Скажу коротко: с точки зрения серьезной лингвистики ее ценность равна нулю.

Ту же цену, естественно, имеют и все те построения исторического характера (например, отождествление некоторых двух стран, народов, городов и т. п.), которые целиком опираются на лингвистический аргумент — сходство соответствующих названий. Лишаясь лингвистического прикрытия, эти построения предстают в своем подлинном виде — как чистое гадание. К научному исследованию они имеют примерно такое же отношение, как сообщения о том, что́ автор видел во сне.

«Отмена» целых языков

Не следует думать, впрочем, что лингвистические открытия АТФ касаются только таких частных вопросов, как происхождение того или иного слова. Как и при ревизии истории, в вопросах лингвистики он предпочитает действовать с подлинным революционным размахом, не мелочась. В мясорубку фоменковской научной революции идут целые языки и целые письменности.

Мы узнаём, например, что еврейским (= древнееврейским) языком называлось прежде не что иное, как греческий язык, записанный египетскими иероглифами. Цитируем:

> «Итак, наша гипотеза состоит в следующем:
>
> 1) “Еврейский язык”, упоминаемый в церковных текстах — это просто иероглифическая система записи греческого языка. Это — письменность, а не устный язык. При переходе с еврейского языка на греческий изменилась лишь система письменности. Устный язык остался, естественно, прежним.
>
> 2) Множество текстов на исходном еврейском языке было высечено на камне и сохранилось до сих пор. Это — египетские иероглифы, которыми покрыты огромные пло-

щади стен древнеегипетских храмов (т. е., по нашей гипотезе, иудо-христианских и христианских храмов 10—15 веков)» [НХ-2: 199].

Шампольон, расшифровавший — как мы думали до АТФ — египетские иероглифы, не заметил, что за этими иероглифами стоит просто греческий язык. Не заметили этого за двести лет и все последующие египтологи: составляли толстые словари и грамматики, корпели над переводом текстов — а всего-то надо было взять с полки греческий словарь!

АТФ, конечно, не изучал сколько-нибудь серьезно ни египетских иероглифов, ни древнеегипетского языка, ни древнееврейского, ни древнегреческого (во всяком случае в НХ нет никаких следов такого изучения). Но зато ведь он открыл, как мы уже видели, что слово *еврей* — это то же, что *иерей* (разумеется, в русском языке, сфера действия которого, как известно, с успехом покрывает и Египет, и Палестину, и Грецию); а отсюда уж рукой подать до слова *иероглиф.* Какое же после этого иероглифическое письмо, как не еврейское?! Разве один этот аргумент не перевешивает всей традиционной рутины? И вообще, разве один абзац АТФ не перевешивает пуды трудов всех этих копошащихся в мелочах филологических муравьев?

Позволим себе не входить в обсуждение этого великого переворота одновременно в египтологии, гебраистике и эллинистике. Выразим лишь восхищение скромностью авторов НХ, которые, имея такие беспредельные возможности, ограничились отменой (или склеиванием воедино) всего нескольких языков, а множество других на радость традиционалистам оставили как есть.

Тезис о вселенской фальсификации письменных памятников

Как подделать летописи

Рассмотрим теперь некоторые проблемы (лингвистические и иные), связанные с фоменковской концепцией происхождения древних письменных памятников.

Согласно АТФ, на Руси нет ни одного списка ни одной летописи, который был бы написан раньше знаменитой Радзивилловской летописи, — по той простой причине, что все прочие списки прямо или опосредованно списаны с нее; сама же Радзивилловская летопись изготовлена кенигсбергскими немцами к моменту проезда Петра I через Кенигсберг.

Правда, Радзивилловская летопись написана на бумаге с водяными знаками (филигранями) 80–90-х годов XV в. Но АТФ это не смущает. По его мнению, немцы могли просто взять запасы старой бумаги, чтобы подделка была правдоподобнее [НХ-1: 48]. А главное, объясняет он нам, датировки филиграней привязаны к традиционной («скалигеровской»[20]) хронологии, следовательно, филиграни вообще нельзя использовать для датирования в ситуации, когда вся традиционная хронология поставлена под сомнение.

Мы не будем здесь распутывать весь этот клубок нелепостей всерьез. Отметим лишь немногое.

> «Насколько нам известно, — пишут авторы НХ, — летописей, написанных на пергаменте, вообще не существует (во

[20] По имени философа и историка Иосифа Юста (Жозефа Жюста) Скалигера (1540–1609), разработавшего приемы пересчета различных древних летосчислений на юлианский календарь.

всяком случае, нам не удалось найти упоминания о таких летописях в литературе)» [НХ-1: 45].

Для аргументации авторов это обстоятельство существенно, поскольку на пергаменте писались русские книги XI–XIV вв., а в течение XV в. он постепенно почти полностью выходит из употребления, уступая место бумаге. Отсутствие пергаментных летописей должно подтверждать их версию о позднем происхождении всех русских летописей.

Действительно, авторам известно не всё: Синодальный список Новгородской Первой летописи и Лаврентьевская летопись написаны-таки на пергаменте. Но самое впечатляющее свидетельство степени научной добросовестности авторов и их уважения к читателю мы находим на стр. 391 того же тома их собственной книги, где в цитируемых авторами выдержках из Н. А. Морозова, посвященных Лаврентьевской летописи, значится: «Это рукопись на пергаменте». Да ведь и то сказать: откуда же в самом деле авторы могли знать, когда они писали 45-ю страницу, что́ они напишут на 391-й? [21]

Авторы не сообщают читателю о том, что филиграни XV века стоят не только на Радзивилловской летописи, но и на ряде других летописных списков, а филиграни XVI и XVII веков — уже на десятках таких списков. Вы-

[21] Вообще книга НХ написана очень небрежно: изложение все время перескакивает с одной темы на другую, масса повторений, полный беспорядок в форме подачи разбираемых слов, приводимые названия нередко перевраны (например, вместо *Хольмгард* дается *Хольмград*, пишется то *Кенигсберг*, то *Кенингсберг*, вместо *геджра* регулярно пишется *гeждра*, вместо *тамга* — обычно *тагма* и др.). Но смешно говорить о таких мелочах, когда речь идет о революции в науке.

ходит, что многочисленные писцы, переписывавшие Радзивилловскую летопись (в XVIII в., как говорит нам АТФ), тоже были не так просты: прежде чем начать писать, они обзаводились несколькими сотнями листов бумаги 200-летней давности (а уж где ее взять, это было их дело). А ссылка на «скалигеровскую» хронологию, из-за которой филиграни якобы вообще непригодны для датирования, — это, увы, элементарная подтасовка: ведь речь здесь идет не о древнем мире, а о XV–XVIII веках, а даже по собственным словам АТФ после XIV в. датировки событий в Европе «стали достоверными».

Что касается тезиса о том, что все прочие летописи списаны с Радзивилловской, то он мог родиться только у человека, никогда не имевшего дела с серьезной текстологией. АТФ в очередной раз высокомерно игнорирует существование целой научной дисциплины — в данном случае текстологии. Между тем эта дисциплина располагает чрезвычайно скрупулёзной методикой установления филиации рукописных списков (т. е. последовательности, в которой одни списки списывались с других). Серьезная текстология с полной надежностью показывает, что Радзивилловская летопись является лишь одной из ветвей более ранней летописной традиции. Абсолютная непрофессиональность утверждений АТФ на эту тему проявляется, в частности, в том, что он путает «Повесть временных лет» (доходящую лишь до 1110-х годов) с полным содержанием Радзивилловской летописи (доходящей до 1206 г.). О списывании, скажем, Ипатьевской летописи с Радзивилловской вообще не может быть и речи (даже если забыть о том, что в Ипатьевской летописи филиграни примерно на 70 лет старше, чем в Радзивилловской), по-

скольку на протяжении XII в. их сообщения совершенно различны — по выбору упоминаемых событий, объему (Ипатьевская летопись подробнее) и стилю.

Понятно, что с отменой «первородства» Радзивилловской летописи рушится и вся фоменковская картина русского летописания. Имеет смысл, однако, отдельно разобрать следующий общий тезис, провозглашаемый АТФ и кардинально необходимый для всех его построений: в истории как России, так и многих других стран имела место массовая фальсификация памятников письменности.

По концепции АТФ, сколько-нибудь достоверная история России начинается только с XIV в. Всё, что было до этого, практически неизвестно: это «темные» века. Люди, которые, согласно летописям, жили в эти века, в действительности никогда не существовали. Правители — это «дубликаты», т. е. фантомы, литературные тени, реальных правителей, живших на четыре века позже, прочие лица — чистая выдумка. Из событий, которые мы привыкли относить к этой эпохе, малая горсточка — это тоже «дубликаты» позднейших событий русской истории, вся масса прочих — плод либо аберрации, либо сознательной фальсификации со стороны тех, кто в XVII–XVIII веках сочинял русские летописи.

Но как быть с древними актами и книгами, где выставлена дата, а нередко еще и имя правящего князя? Например, в Остромировом евангелии указана дата 6565 («от сотворения мира»; это 1057 г. нынешнего летосчисления) и имя князя: Изяслав. В Святославовых изборниках указаны даты 6581 (1073 г.) и 6584 (1076 г.) и имя князя: Святослав. Ведь эти записи согласуются

с летописью, где сказано, что в 1054–73 гг. правил Изяслав, а в 1073–76 гг. — Святослав. Для XI–XIII вв. таких записей не очень много, но некоторое количество всё же есть. «Что за проблема? — с легкостью ответит нам АТФ. — Откуда мы знаем, что все эти даты истинны? Всё можно подделать, а уж выставить ложную дату — проще всего».

Идея фальсификации (прямой подделки или тенденциозной переделки уже существующего текста) является, наряду с идеей всеобщего беспамятства народов, одним из двух главных рычагов фоменковского объяснения того, как человечество впало в совершенно ложные представления о своем прошлом. Фоменковский мир населен фальсификаторами, как босховский мир чудовищами. А уж профессия историка и профессия мошенника — в глазах АТФ почти одно и то же. Если верить АТФ, в XVII–XVIII вв. в России действовала едва ли не целая государственная служба фальсификаторов истории, которые уничтожали или искажали до неузнаваемости сотни и тысячи старых письменных свидетельств и сочиняли фиктивную историю, заказанную властью. И, конечно, по концепции АТФ, подобное происходило не только в раннеромановской России, но (тогда же или несколько раньше) также и во многих других странах.

Я не берусь здесь обсуждать деликатный вопрос о том, везде ли и всегда ли отношения книжников с властью были таковы, что по указке власти они с готовностью садились за сочинение фиктивной летописи. Меня интересует совершенно другой, вполне технический вопрос: мог ли такой книжник выполнить эту задачу успешно, т. е. так, чтобы его продукция не оказалась потом шита белыми нитками.

Нет никакого сомнения, что практика фальсификации письменных документов существовала и существует. Среди исторических документов ее объектом почти всегда являются акты, дающие право на собственность или на титулы. Как известно, среди старых русских актов выявлено — по разным признакам — некоторое число «подложных» (т. е. поддельных). В отношении некоторых актов ведется дискуссия — подлинные они или подложные. Но коль скоро этот вопрос решается без полной очевидности, то почему не предположить, что акт, который мы считаем подлинным, — это просто более искусная, чем остальные, подделка? Возможно ли это? Да, в принципе возможно — особенно если фальсифицировано только содержание акта (скажем, кому именно дарується нечто), а дата истинная или не очень сильно отличается от истинной (скажем, в пределах полувека). Если же мы имеем дело не с рядовым, а с гениальным фальсификатором, то он может обмануть нас и гораздо сильнее.

Но раз такое всё же возможно, то почему не допустить и версию АТФ, который предполагает массовую фальсификацию? Почему не допустить, в частности, что имеющиеся ныне памятники XI—XIII вв., т. е., по АТФ, «темного» доисторического времени, как раз и сфальсифицированы? Попробуем представить себе эту ситуацию несколько яснее.

Прежде всего, фальсификаторы должны были изобрести древнерусский язык XI—XIII вв. Как мы знаем сегодня, этот язык отличался не только от русского языка XVII в., но даже и от языка XIV в. «Да ровно ничего вы, лингвисты, на самом деле не знаете, — ска-

жут фоменковцы, — вы просто принимаете за древнерусский язык XI–XIII вв. именно то, что эти фальсификаторы XVII в. выдумали».

Такая версия может удовлетворить только людей, никогда не задумывавшихся над тем, какой колоссально сложный и деликатный механизм представляет собой язык. Это верно для любого языка, взятого в определенный момент его существования. И эта сложность еще многократно возрастает, если речь идет о жизни языка на протяжении многих веков. За это время язык испытывает непрерывное постепенное изменение: каждый его элемент проходит определенную эволюцию, сложным образом сопряженную с эволюцией всех прочих элементов. Картина осложняется еще и тем, что внутри языка существуют многочисленные диалектные различия.

Вот единичный пример — история словоформы 'шлю' в новгородском диалекте древнерусского языка (для упрощения даем письменные формы, а не фонетическую транскрипцию; даты огрублены). В разные эпохи эта словоформа выглядит так:

в XI и 1-й четверти XII в. — как *сълю* (буква ъ передает здесь особый редуцированный, т. е. ослабленный, гласный звук);

во 2–4-й четвертях XII и 1-й половине XIII в. — как *сълю* или *слю*;

во 2-й половине XIII и 1-й половине XIV в. — как *слю* или *шлю*;

во 2-й половине XIV в. и позднее — как *шлю*.

И таких «микроисторий» в принципе можно составить по числу словоформ (которых сотни тысяч), умноженному на число диалектов (разумеется, на деле историки языка пользуются не такими «атомарными» записями, а определенными обобщающими формулами).

Приведенный пример иллюстрирует фонетическую эволюцию. Но эволюционирует также и морфология, синтаксис, словарный состав.

По многим десяткам параметров памятники древнерусского языка XI—XIII вв. обнаруживают на протяжении этого периода плавную кривую эволюции (которая продолжается затем в последующие века). В частности, именно в этот период происходит самое важное фонетическое изменение в истории русского языка — исчезновение редуцированных гласных (одним из проявлений которого является, например, приведенный выше переход *сълю* в *слю*). Некоторые слова, грамматические формы, окончания и т. д. на протяжении этого периода бесследно исчезают, так что человеку не только XVII, но и XIV века они уже неизвестны. Простой пример: древние имена *Изяслав*, *Брячислав*, *Всеслав*, *Ярополк*, *Доманег*, *Ратибор*, *Рожнет* и множество подобных в летописях встречаются только в сообщениях X—XIII вв., но не позднее. (Из этого еще не следует, однако, что фальсификаторы XVII в. могли бы такие слова и формы и такие имена просто выдумать из головы: их реальность подтверждается современным сравнительным языкознанием, учитывающим данные всех древних и новых славянских языков и диалектов.)

Еще один непреодолимый барьер для версии о массовой фальсификации составляют начертания букв — предмет палеографии. Формы букв, подобно языку, с течением времени медленно изменяются. Знание этих изменений позволяет датировать документ — обычно с точностью до 50—100 лет. Так, например, палеографический анализ берестяных грамот XI—XV вв. выявил в начертаниях различных букв более 300 элементов, которые проходят за эти пять веков ту или иную эволю-

цию и тем самым заключают в себе определенную хронологическую информацию. Фальсификатор XVII в., подделывающий рукопись, допустим, XIV в., непременно должен держать перед глазами образец подлинного письма XIV в. и срисовывать каждую букву, причем даже и в этом случае только исключительно талантливые воспроизведут все начертания без искажений. А для «темных» веков он должен сам изобрести более ранние формы всех букв, но так, чтобы эволюция каждой из них при их последующем анализе в XX в. оказалась плавной. При каждой подделке он должен твердо помнить, какой век и какую его половину он подделывает, и пускать в ход строго определенные начертания из тех, которые он изобрел.

Помимо палеографии, хронологическую информацию несут еще графика (т. е. сам инвентарь используемых букв) и орфография. Например, фальсификатор должен был бы изобрести (и далее уже неуклонно соблюдать в своей практике) правило о том, что буква *ж* (один из способов записи звука [у]) употребляется в рукописях только до начала XII в. и вновь после конца XIV в., а в промежуточное время не употребляется, или о том, что от века к веку определенным образом изменяется характер распределения на письме *оу* (еще один способ записи для [у]) и *у*, букв *о* и *ω*, букв *и* и *i*, и много-много другого в этом роде.

Допустить, что всю эту картину раннего древнерусского языка и его постепенной эволюции от памятника к памятнику, вместе с параллельной эволюцией палеографии, графики и орфографии, могли искусственно создать фальсификаторы XVII в., можно лишь ровно в той же мере, как то, что дети в детском саду, играя детальками и проволочками, могут собрать компьютер.

Ну а теперь напомню, как происходит изготовление Радзивилловской летописи в изложении авторов НХ:

> «Ее изготовили в Кенингсберге в начале 18 в., по-видимому, в связи с приездом туда Петра I и непосредственно перед этим приездом» [НХ-1: 74].

Кое-что брали из какой-то «действительно старой летописи 15–16 веков», а всё, что требовалось по их замыслу, сочиняли сами. Делали это, естественно, немцы[22]. А что? Почему бы в самом деле немцам не овладеть для такого случая древнерусским языком и палеографией? Времени у них, правда, было маловато. Авторы НХ красочно описывают обстановку их труда:

> «Кенигсбергские мастера спешно готовили рукопись к приезду Петра в Кенигсберг. Как всегда, в таких случаях объявляется аврал. Петр уже въезжает в город, а они еще не закончили миниатюры! Вбегает разгневанный чиновник, требует прекратить работу с миниатюрами...» и т. д. [НХ-1: 73].

Короче говоря, действовали в типичной немецкой манере. А смотрите-ка, не так плохо получилось: за двести с лишним лет ни один лингвист не заметил никакой ни палеографической, ни орфографической, ни грамматической, ни стилистической фальши — не догадались даже о том, что это вышло из-под руки иностранца!

Как изобрести латынь

Представим себе теперь, что вопрос о подделке письменных памятников стоит не для древнерусского языка, а для латыни, и не для трехвекового интервала, а

[22] Вспомним всё из того же Гоголя: «Луна ведь обыкновенно делается в Гамбурге; и прескверно делается».

для периода в две тысячи лет — от середины I тысячелетия до н. э., когда появляются первые памятники на латыни, примерно до середины II тысячелетия н. э. За это время живая (народная) латынь развилась в целую группу родственных языков (романских), с множеством диалектов внутри каждого из них. Кроме того, литературная латынь в почти застывшей форме продолжала использоваться в Западной Европе в качестве языка официальных документов, религии, летописания, науки. Эта ее форма тоже не оставалась неизменной, но здесь изменения во времени были не столь радикальны (они в основном касались лишь словарного состава языка).

На латыни до нас дошло громаднейшее количество рукописей и надписей, причем значительная их часть относится (разумеется, по традиционным представлениям) ко времени ранее II тысячелетия н. э. Сюда входит как обширная художественная, религиозная и научная литература, например, сочинения Плавта, Цезаря, Горация, Вергилия, Тацита, отцов церкви и бесчисленного количества других авторов, так и официальные и деловые документы всех типов и всевозможные надписи. Ныне усилиями очень большого числа филологов и лингвистов этот громадный материал в наиболее существенных чертах изучен (хотя работы остается еще чрезвычайно много). Открылась картина плавного изменения языка от века к веку по сотням параметров. При этом одна цепочка изменений, прослеживаемых по письменным памятникам, приводит от народной латыни, скажем, к гасконскому диалекту французского языка, другая к кастильскому диалекту испанского языка, третья к венецианскому диалекту итальянского языка

и т. д. по всем языкам и диалектам. Особая цепочка изменений отражает движение литературной латыни от классической формы к средневековой.

Бросим взгляд еще и на латинские стихи. В классической латыни стихосложение основано на ином принципе, чем в любых современных европейских языках: для него существенно различение кратких и долгих гласных, например, *a — ā, i — ī, u — ū* (на письме это различение в нормальном случае не отражается). Не зная, какая гласная во взятом слове долгая и какая краткая, нельзя правильно построить даже и одной стихотворной строки (а до нас дошли тысячи страниц античных стихов). Между тем в ходе эволюции латыни различия гласных по долготе утратились. В романских языках от них остались лишь косвенные следы (в каждом языке свои); например, в итальянском языке латинское долгое *ī* превратилось в *i*, а латинское краткое *i* — в *e*. (Здесь взят самый простой пример; в действительности большинство правил такого рода имеет гораздо более сложную структуру.)

Чтобы достичь той картины, которую мы сейчас реально наблюдаем, средневековый фальсификатор должен был бы:

1) изобрести для латыни особый принцип стихосложения, отличный от стихосложения всех известных ему живых языков;

2) составить реестр всех латинских слов с указанием долготы или краткости каждой гласной каждого слова и при сочинении стихов уже никогда не отступать от того, что записано в этом реестре;

3) во всех случаях, когда долгота или краткость гласной оставила какой-то след в романских языках, принять для реестра именно то решение, которое согла-

суется с показаниями романских языков (последнее, конечно, требует ни много ни мало знания сравнительной грамматики романских языков, разработанной в XIX–XX вв., не говоря уже о самих принципах сравнительно-исторического языкознания, открытых в XIX в.).

Не будем повторять сказанное выше о палеографии, графике и орфографии.

Таковы контуры того астрономического объема информации и тех способов ее переработки, которыми должен был бы владеть предполагаемый фальсификатор, чтобы предложить миру выдуманную из головы латынь (вместе с текстами на ней), не противоречащую показаниям реальных романских языков.

Но даже и это еще не всё. Если латынь — это изобретение средневекового фальсификатора, то он несомненно должен был знать сравнительную грамматику не только романских языков, но и всей индоевропейской семьи языков в целом. Дело в том, что, придумывая латынь, он ввел в нее множество слов и грамматических форм, которые не оставили никаких следов в романских языках, зато находят правильные соответствия в том или ином языке из других ветвей индоевропейской семьи.

Например, он придумал для латыни весьма непростую систему склонения существительных, включающую шесть падежей и пять типов склонения (с подтипами), с многочисленными чередованиями в основах и с целым рядом индивидуальных отклонений различного рода. В романских языках ничего этого нет: существительные здесь вообще не склоняются (если не считать небольших остатков прежней системы склонения в румынском). Между тем в санскрите (древнеиндий-

ском), древнегреческом, готском, старославянском и других древних индоевропейских языках система склонения организована примерно так же, как в латыни, и очень часто сходится с латинской и в конкретных деталях. При этом совершенно невозможно объяснить такое сходство тем, что изобретатель латыни скопировал эту систему с какого-то одного языка, скажем, с древнегреческого: в латыни обнаруживаются многочисленные элементы, отсутствующие в древнегреческом, но имеющие точные соответствия в каких-то других индоевропейских языках.

Из множества возможных примеров ограничимся двумя. В латыни по воле ее изобретателя в винительном падеже единств. числа существительные мужского и женского родов оканчиваются на *-m* (например, *terram* 'землю', *manum* 'руку', *leōnem* 'льва'). Ни в каких других древних или новых языках Европы конечного элемента *-m* в этой форме нет. Зато именно *-m* имеют в этой форме санскрит (например, *vidhavām* 'вдову', *gurum* 'учителя', *rājānam* 'царя') и древние языки Ирана. И тот и другие стали известны в Европе лишь со второй половины XVIII в.

Другой пример. Изобретатель латыни, считая зачем-то нужным время от времени приправлять сочиненную им грамматику необъяснимыми исключениями, в качестве одного из таких исключений записал, что слово *femur* 'бедро' образует косвенные падежи от основы не с *r*, а с *n*: *femin-*[23]. И вот оказывается, что есть индоевропейский язык, где чередование «*r* в исходной форме — *n* в косвенных падежах» совершенно обычно. Это

[23] Мена гласных *u/i*, в отличие от мены *r/n*, здесь не аномальна: она определяется некоторыми общими правилами латыни.

хеттский — один из языков Малой Азии II тысячелетия до н. э.; например, хеттское *eshar* 'кровь' образует косвенные падежи от основы *eshan-*. Этот язык был расшифрован лишь в начале XX в. Нам ничего не остается, как признать за предполагаемым изобретателем латыни поистине сверхчеловеческое всезнание.

А теперь послушаем на эту тему авторов НХ:

> «... в 12–13 веках было, по-видимому специально, создано два новых письменных языка... — церковно-славянский и латинский. Они предназначались соответственно для стран Восточной и Западной Европы» [НХ-2: 265]; лишь в 13–15 веках в богослужении греческий язык «был заменен на Западе латинским языком — то есть итальянским, смешанным с греческим» [НХ-2: 183].

Вот так, не больше и не меньше. А вот и о латинских авторах:

> «... любой древний первоисточник, который не сосредотачивает основного внимания на церковном освещении всех описываемых в нем событий, — это, скорее всего, поздняя историческая беллетристика 15–18 веков... Яркие примеры — Истории Тита Ливия и Корнелия Тацита» [НХ-2: 231].

Что сказать на это? Поистине, как сказано в Книге пророка Даниила: взвешен и найден очень легким.

Как подделать берестяные грамоты

Далее. Согласно фоменковской схеме, даты и упоминания князей в древнерусских рукописях и актах, традиционно относимых к XI–XIII вв., — сплошь поддельные, выдуманные. Выдуманы и многие более поздние записи, например, многочисленнейшие записи в актах и книгах (в том числе печатных!) XVI в., гласящие, что

текст писан (печатан) при царе и великом князе Иване Васильевиче (т. е. том самом Иване Грозном, который создан, как мы знаем от АТФ, фантазией романовских историков).

Допустим на минуту, что АТФ прав: все эти даты придумал фальсификатор конца XVII в. Взглянем же на этого анонимного гения и преклонимся перед ним: он сумел согласовать все эти записи в разных книгах между собой и с выдуманной летописью, сумел четко держать в памяти генеалогии всех своих выдуманных героев, со всеми их братьями, детьми и прочими родичами, приписанные им даты жизни, их размещение по городам и волостям, их выдуманные войны и миры, ложные даты основания церквей, имена никогда не существовавших епископов и т. д.

Но он один всё-таки физически не мог изготовить всю необходимую массу поддельных документов. Конечно, работало много людей. Были рядовые исполнители и был штаб, который разрабатывал фальшивую историю и следил за тем, чтобы исполнители не отклонялись от Генерального плана фальсификации. Информация, стекавшаяся в штаб, была необъятной. Россией, конечно, дело не могло ограничиваться. Например, в штаб поступали сведения о том, что в исландских сагах в рассказах о событиях XI в. фигурирует русский конунг Ярицлейв, и надо было придумать фигуру Ярослава Мудрого. А во французских хрониках в XI в. значится королева Анна из Руси, и надо было не забыть сочинить для Ярослава дочь Анну. А еще ведь были и венгерские, польские, немецкие, византийские и прочие хроники. Нельзя же было, например, вставлять в сочиняемые русские летописи упоминания венгерских

или польских королей наобум — приходилось узнавать их имена и годы царствования из этих хроник. Трудная была работа, но штаб работал на совесть. Тут, правда, надо учесть, что во всех этих странах, как учит нас АТФ, конечно, действовали и свои фальсификаторы. Так почему бы не предположить, что российский штаб просто согласовывал свои действия с ними? Посылали гонцов с просьбой того из летописи убрать, того на сто лет подвинуть. Ну что тут такого в конце концов?

Но всё-таки самое трудное было не с рукописями. Рукопись подделал и ставь на полку. Сложнее было изготавливать надписи на предметах. Надо было, например, рассылать агентов писать надписи с фальшивыми именами и датами на стенах церквей — в Киев, в Новгород, в Смоленск и много куда еще. Хорошо, если просто приехал и нацарапал. А если в церкви старый пол уже перекрыт новым, на метр или два выше? Штаб понимал: если написать на стене, которая видна сейчас, потомки живо разоблачат — это ведь будет на высоте в два человеческих роста от древнего пола. Приходилось разбирать новый пол, залезать под него, лежа, задыхаясь, писать на стене то, что приказано штабом (не забывая, конечно, соблюдать и палеографию и орфографию заказанного века и диалектные особенности), а потом восстанавливать разобранный новый пол — да не как попало, а так, чтобы будущие археологи ничего не заметили. А сколько возни было со штукатуркой! Ведь напиши по новой штукатурке — и подлог ясен. Надо было ее сбить, написать на голой стене и аккуратненько заштукатурить заново. Зато через триста лет реставраторы снимут штукатурку и наивно обрадуются: «Надпись! Эта уж несомненно древняя!»

И уж совсем беда с надписями, зарываемыми в землю, — скажем, на бересте. Возьмем новгородские берестяные грамоты. В них ведь постоянно обнаруживаются совпадения с летописью. Например, в слоях, которые археологи оценивают как 2-ю половину XIV — начало XV в., близ древней улицы, именуемой на старых планах Космодемьяньей, найдено несколько грамот, адресованных Юрию Онцифоровичу, — и к этому же времени относится, согласно новгородской летописи, деятельность посадника Юрия Онцифоровича; а в записи к новгородскому про́логу (сборнику житий) с датой 6908 (т. е. 1400 г.) Юрий Онцифорович назван в числе бояр Космодемьяньей улицы. На том же участке раскопок в слоях 1-й пол. XV в. найдены письма к Михаилу Юрьевичу, сыну посадничьему. А в слоях середины XIV в. найден ряд писем к посаднику Онцифору — и по летописи посадничество Онцифора Лукинича (отца Юрия Онцифоровича) приходится именно на этот период. А еще несколько глубже найдено письмо Луки — и по летописи отцом Онцифора был Лука Варфоломеевич. А еще несколько глубже найдено письмо Варфоломея — и по летописи отцом Луки был посадник Варфоломей Юрьевич. Если все эти совпадения обеспечил штаб фальсификаторов, значит, он работал блистательно: подделать берестяные грамоты и закопать их на правильных глубинах было, конечно, куда как нелегко! В XVII в. уже ведь и другие дома стояли на этих местах, надо было иной раз прямо под дом подкапываться (а хозяев, если ворчали, пристращивать).

Но тут возникает сомнение: а вдруг это не поддельные грамоты, а подлинные? Вдруг их никто специально не закапывал? Ведь по фоменковской схеме XIV век на

Руси — это уже историческое время, а не «темное» доисторическое. Но нет, это невозможно: ведь мы знаем от АТФ, что истинный Великий Новгород был в Ярославле, а затрапезный городишко на Волхове никакой древней истории попросту не имел, он никогда ни с кем не торговал и вообще лежал вдалеке от всех мыслимых торговых путей (см. [НХ-1: 152–153]). Имя Новгород, как говорит нам АТФ, этот городишко получил потом — примерно таким же путем, как нынешние монголы название «монголы».

А все-таки точно ли, что Великий Новгород — это Ярославль? О да! В чем-то другом еще можно сомневаться, но не в этом. Ведь авторы НХ прямо говорят:

> «... мы не настаиваем буквально на всех перечисленных выше идеях, поскольку наше исследование носит пока предварительный характер. Тем не менее есть несколько основных опорных точек, в справедливости которых, как нам кажется, трудно сомневаться» [НХ-1: 382].

В число этих опорных точек, наряду с тем, что Батый = Иван Калита, Георгий Данилович (брат Ивана Калиты) = Чингиз-хан, «Иван Грозный» — это «сумма» нескольких отдельных царей, и другими пунктами, входит: Великий Новгород = Ярославль.

Разумеется, агенты подкладывали свои фальшивки не только в слои XIV в., но и глубже. Например, фальсификаторы включили в летописный список новгородских посадников конца XI — начала XII в. Гюряту — и было приказано закопать в соответствующих слоях письмо к Гюряте; оно было найдено в 1999 г. (а каким великолепным древнерусским языком написано! — если не знать, то никогда и не догадаешься, что поддельное). Они написали в летописи, что в 1142–48 гг. в Новго-

роде княжил Святополк — и для правдоподобия в слои середины XII в. была подложена грамота с именем Святополка. Они изобрели фигуры князей-мучеников Бориса и Глеба, которые якобы были убиты в 1015 г., а в 1071 г. якобы провозглашены святыми, — и позаботились о том, чтобы в слоях 2-й половины XI в. лежала грамота с упоминанием святых Бориса и Глеба. Агенты занимались еще и тем, что в изобилии закапывали в новгородской земле печати с именами названных в летописи (разумеется, никогда не существовавших) епископов, князей и посадников.

Мы говорим: слои XIV века, слои XI века. Но это просто нынешние археологи так думают. Они, правда, ссылаются на типы находимых предметов и на дендрохронологию (датирование по годовым кольцам деревьев); но об этих пустяках АТФ даже и слышать ничего не хочет. Что на какие глубины закапывать — это в свое время решил штаб фальсификаторов. Археологи считают, что в Новгороде культурный слой нарастал в среднем на 1 см в год. А ведь это просто штаб принял именно такую цифру в инструкции для своих агентов: исходя из этого расчета они и должны были закапывать свои фальшивки. И как замечательно рассчитано: ведь прими штаб цифру 2 см в год — и агенты закапывали бы фальшивые грамоты XI века уже не в культурный слой, а в материковый грунт; тогда археологи XX в. сразу догадались бы, что перед ними фальшивки. Но не надо удивляться: мы уже видели, что штаб фальсификаторов располагал объемом информации, ненамного уступающим Интернету.

Конечно, и после всего этого иной раз зашевелится какое-нибудь сомнение, например: а откуда вообще в затрапезном городишке на Волхове восьмиметровый

культурный слой? Но всего не угадаешь. В штабе поумнее нынешних люди были. Наверно, откуда-нибудь привозили — из Ярославля, может быть.

Всемирный заговор фальсификаторов

Как ни тяжело было штабу российских фальсификаторов, всё же надо честно признать, что их западноевропейским коллегам было еще тяжелее. Им ведь надо было заполнить поддельными рукописями и ложными указаниями дат целое тысячелетие, выдуманное, как мы знаем теперь от АТФ, Скалигером. Одних только летописей, напичканных датами, сколько надо было сочинить по-латыни, а сколько разных трактатов, посланий, актов, часто с датами! Ведь нынешние западноевропейские книгохранилища и архивы, да и многие старые монастыри просто ломятся от них. А для имитации последних веков этого фальшивого тысячелетия волей-неволей потребовалось уже сочинять и по-древнеанглийски и по-древневерхненемецки и еще на десятке древних языков. Приходилось целые тайные лингвистические академии держать. Да и с подделкой литературных сочинений тоже были проблемы. Оно конечно, сочинить стихи Катулла, речи Цицерона или там, допустим, «Энеиду» Вергилия — дело нехитрое: ведь на самом-то деле никакого Катулла не было, поэтому что́ фальсификатор ни сочинит, то и будет считаться Катуллом. Помнится, правда, со стихосложением были какие-то лингвистические зацепки. Ну а лингвистическая академия на что?

Вы скажете: «А талант?» Так ведь и наши труженики тоже не лыком шиты были; а главное, очень старались. Беда только в том, что было еще задание всех

этих Цицеронов для вящего правдоподобия надежно друг с другом переплести — взаимными ссылками, цитатами, подражаниями, эпистолами от одного к другому и т. п. И нужно было твердо помнить, что, например, в Марциала можно вставлять ссылки на Катулла, а наоборот нельзя, поскольку в Генеральном плане фальсификации выдуманный Катулл был приписан к I в. до н. э., а выдуманный Марциал — к I в. н. э.

Да разве с одними только великими приходилось так возиться? А тысячи второстепенных и третьестепенных! Ведь скольких из них упоминает не один античный автор, а два, три, а то и десять. Всем таким персонажам Генштаб фальсификации обязан был придумать даты жизни и биографию. Поэтому даже стишки какого-нибудь Горация (где постоянно упоминаются различные второстепенные лица) кропать, не сверяясь с базой данных Генштаба, было категорически запрещено!

А сколько сил уходило на то, чтобы не было разнобоя в описании деталей всей этой вымышленной древнеримской жизни. Нельзя же было допустить, чтобы каждый включаемый в дело спецлитсотрудник начинал по-своему придумывать, скажем, весь древнеримский пантеон с особыми ритуалами в честь каждого божества, или систему древнеримских государственных должностей, или формулы обращения, или правила гладиаторских боев, или названия знаменитых вин, или устройство римских бань — да этому перечню и конца не видно! Нужно было следить, чтобы спецлитсотрудники всё это брали только из базы данных Генштаба. Вообще согласование всех фальсификационных работ в Западной Европе было делом титаническим. Один только оргтотдел штаба, наверно, сотни людей насчитывал. Ведь одни католики, другие протестанты, одни кальвинисты, дру-

гие англикане; одни чтут папу, другие его проклинают; монархи капризные, один требует одного, другой совсем другого, всё время то там, то тут между ними войны. А дело-то делать надо!

Ну и, конечно, чудовищные были проблемы с надписями — хуже, чем у русских. Ныне «Корпус латинских надписей» составляет целую полку томов. В нем более ста тысяч надписей. Это сколько же камней надо было изготовить, многие с именами выдуманных консулов и с аккуратно расчисленными датами, да развезти их во все концы якобы существовавшей за полторы тысячи лет до того Римской империи, да вкопать, где надо. А в половине тех мест уже турки, их ведь потруднее уломать, чем домохозяев в Новгороде. А покрыть надписями триумфальные арки, пусть даже и в самом Риме!

Ну а Помпеи! — тут уж ума не приложу, как им удалось под слой вулканического пепла забраться, чтобы покрыть стены надписями. А в этих надписях чего только нет — тут и строчки из Вергилия, тут и непристойности. Уж не сами ли помпеяне писали? Но ведь, как учит нас АТФ, сочинения Вергилия, как и прочих античных авторов, созданы в средние века, — откуда же тогда его строчки? Впрочем, нет, это не проблема: наверное, и Помпеи засыпало не в 79 г. н. э., а в средние века. Да, но непристойности! Их ведь пишут на уличном языке, а не на древнем поэтическом. Не может быть, чтобы в одно и то же время в Помпеях уличным языком была латынь, а у Данте во Флоренции — итальянский. Выходит, надписи всё-таки поддельные: иначе ведь пришлось бы учение АТФ под сомнение ставить! Видимо, у нас сейчас просто недостает воображения, чтобы понять, на какие подвиги были готовы герои Ве-

ликой фальсификации ради того, чтобы надежнее обмануть потомков.

Не забудем еще и того, что в каких-нибудь отдаленных монастырях, или в горах, или в какой-нибудь Исландии, да мало ли где еще, сидели ведь и не охваченные заговором грамотеи, которые могли по простоте писать правду. Могли прямо написать, что-де, скажем, в тысяча двести таком-то году (точную дату знает один АТФ) Помпеи засыпало пеплом, — не подозревая о том, что штаб фальсификации записал это событие за 79 годом н. э. Штаб обязан был про все такие сообщения проведать, все разыскать и все экземпляры уничтожить.

Ну да что же мы всё про русских да про западноевропейцев! А мусульманам, например, разве легче было? Одних только генеалогий потомков пророка сколько нужно было сочинить на те 600 или 700 лет, которые отделяют традиционную дату начала мусульманской эры (622 г. н. э.) от той, которую вычислили Н. А. Морозов и АТФ.

И вообще надо ясно понимать: как открыл АТФ, все без исключения люди и события (в любых странах), относимые по традиции ко времени ранее X века нашей эры, суть фантомы. Так что работы по сочинению наивно принимаемой ныне истории Египта, Месопотамии, Палестины, Индии, Китая и т. д. было поистине невпроворот.

Нет, все-таки славное некогда жило племя! Мы говорим: фальсификаторы. А ведь можно было бы сказать и иначе: святые. Интеллект безмерный, талантов целые плеяды, труд невообразимый — и при всем этом полное смирение с тем, что о твоей гениальности никто никогда не узнает! Ведь ничего не просочилось! Куда там

каким-нибудь масонам — об этих уже через несколько десятилетий после возникновения в начале XVIII века первых масонских лож всё стало известно, вплоть до деталей тайных ритуалов. О нынешних секретных службах и говорить нечего — чуть что перебежит во вражеское государство и подробнейше все тайны выложит. Наши герои не так — они и умирали с одной лишь мыслью о нерушимости тайны, не шепнув даже сыну и внуку о своем подвиге.

Одних только лингвистических открытий сколько сделали в ходе своей работы — и тщательнейше уничтожили всякую память об этом, чтобы не оставить улик; пришлось в XIX в. всё это открывать заново.

А как свято жили между собой! Никто друг другу не завидовал, никаких не было конкурирующих фракций, которые могли бы, обличая друг друга, проговориться. Не нашлось ни одного честолюбца, который дал бы понять хотя бы потомкам, насколько он превосходил в своем деле всех собратьев по ремеслу...

А какая была международная и межконфессиональная солидарность! Она была выше войн и политики, выше религиозных барьеров. Например, после Варфоломеевской ночи фальсификаторы-католики и уцелевшие фальсификаторы-гугеноты в прежней гармонии друг с другом продолжали свой тайный труд.

В любой религии были свои ренегаты — но не в сообществе фальсификаторов. Среди них не оказалось ни одного, который разочаровался бы в своем деле, покинул его и хоть что-то раскрыл из его секретов.

И напрасно АТФ унижает наших героев, полагая, что они действовали из угодничества перед властью. Например, АТФ объясняет нам, что жульническое удлинение

истории на целую тысячу лет было произведено в угоду папам — чтобы папская власть выглядела более древней. Как, наверное, больно было бы об этом узнать Иосифу Юсту Скалигеру, главному организатору этого жульничества, который доблестно сражался в рядах гугенотов против войск папистов. Или вот, скажем, Григорий Котошихин перебегает в Швецию, всё о России подробнейше рассказывает, а о подмене документов, о том, что не было никакого Ивана Грозного, — молчит. Власти меняются: в Нидерландах революция, в Англии революция, во Франции революция — а герои-фальсификаторы повсеместно молчат. Нет, тут не то! Тут святость самого дела — Великой фальсификации, грандиозная цель которой заключена в ней самой: обмануть всех!

Вообще АТФ основательно помог нам в понимании истинных стимулов интеллектуальной и художественной деятельности человека. Внушенные нам наивные представления о том, что люди науки всегда стремились познать истину, а люди искусства — реализовать свой эстетический идеал в поэмах, картинах и дворцах, оказались чистой маниловщиной. Как выяснилось из трудов АТФ, практически во всех странах в течение нескольких веков не один и не два, а сотни и тысячи лучших умов и талантов стремились совсем к другому. Филологи выдумывали из головы искусственные языки, чтобы выдать их за древние. Поэты писали на этих языках под чужими именами прекрасные стихи. Математики вычисляли для филологов точное время затмений двухтысячелетней давности, чтобы те могли вставить правдоподобные рассказы о затмениях в свои подделки под древние сочинения. Монетные мастера десятками тысяч чеканили поддельные греческие, римские, древнерусские, арабские и прочие монеты, вир-

туозно изобретая для них якобы древние изображения и надписи (но не забывая также их наполовину стереть, чтобы было похоже на естественный износ). Архитекторы по взаимному согласию разбивались на бригады, одна из которых проектировала и строила пирамиды, другая развалины Кносского дворца, третья Парфеноны и Колизеи, четвертая готические соборы и т. д. (и только одной из них доставалась приятная задача строить барочные дворцы, которые были по вкусу современникам этих тружеников). И, конечно, мастера глобальной мистификации не останавливались на этом пути ни перед какими затратами труда и средств. В общем, мы теперь узнали от АТФ, какую безмерную власть над человеческими душами имеет страсть к мистификации. Что ж, пожалуй, ему действительно виднее.

«Новое учение» АТФ заставляет нас еще раз вспомнить великого Гоголя, который сумел увидеть развертывающийся ныне перед нами спектакль даже и в частностях, разве что в мягковатых для нынешнего случая красках: «Сперва ученый... начинает робко, умеренно, начинает самым смиренным запросом: не оттуда ли? не из того ли угла получила имя такая-то страна? или: не принадлежит ли этот документ к другому, позднейшему времени? или: не нужно ли под этим народом разуметь вот какой народ? Цитует немедленно тех и других древних писателей и чуть только видит какой-нибудь намек или просто показалось ему намеком, уж он получает рысь и бодрится, разговаривает с древними писателями запросто, задает им вопросы и сам даже отвечает на них, позабывая вовсе о том, что начал робким предположением; ему уже кажется, что он это видит, что это ясно, — и рассуждение заключено словами: “так это вот как было, так вот какой на-

род нужно разуметь, так вот с какой точки нужно смотреть на предмет!” Потом во всеуслышание с кафедры, — и новооткрытая истина пошла гулять по свету, набирая себе последователей и поклонников».

«Династические параллелизмы»

Коснемся также одной важной темы, которая уже выходит за рамки филологии.

Главным основанием для радикального пересмотра истории разных стран АТФ объявляет открытый им «параллелизм династических потоков» (или «династический параллелизм»). Согласно АТФ, он состоит в том, что на протяжении какого-то хронологического отрезка зафиксированная летописью последовательность правителей определенной страны фактически копирует последовательность правителей той же (а иногда и другой) страны, зафиксированную летописью в совсем другой, более поздний, хронологический период. Из этого АТФ делает вывод, что летописная история фиктивна, так как она дважды излагает — под другими именами и с выдуманными вариациями — одни и те же события.

В самом деле, если летопись действительно содержит такое повторение, т. е. длительности правления соответствующих друг другу правителей из двух разных «династических потоков» совпадают и между соответственными царствованиями имеется какое-то хотя бы примерное сходство (в характеристике правителя, его судьбе, происходивших при нем крупнейших событиях), то перед историками, конечно, возникает серьезная проблема: как это объяснить.

АТФ постоянно внушает своему читателю, что, в отличие от ряда других его положений, которые суть ги-

потезы, сам династический параллелизм, открытый им, есть объективный факт. Так, в НХ-1 глава 2, где рассматриваются династические параллелизмы, называется «Два хронологических сдвига в русской истории», а глава 3 — «Наша гипотеза». Династический параллелизм выведен, таким образом, из сферы гипотетического. Даже тех, кто ни секунды не верит в фантасмагорическую «ревизованную историю» по АТФ, проблема династического параллелизма нередко всё же интригует и озадачивает.

Дело, однако же, прежде всего в том, что мало кто дает себе труд рассмотреть «династические параллелизмы», провозглашенные АТФ, чуть более пристально.

Следует учитывать, что АТФ не требует от провозглашаемых им параллелизмов глубокого и многостороннего сходства между правителем-«оригиналом» и его «дубликатом». Например, у них иногда (крайне редко) совпадает имя (АТФ такие случаи подчеркнуто отмечает); но в подавляющем большинстве случаев совпадения нет (нет даже сходства), и для признания параллелизма этого совершенно не требуется. Точно в такой же мере принимаются во внимание все прочие возможные параметры сходства (кроме одного) — например, совершенно необязательно, чтобы совпадали место действия, обстоятельства восхождения правителя на престол и его смерти, количество имеющихся у него братьев, жен, детей и т. п., набор главных действующих лиц его правления, история его войн и миров и любые другие важные события, происходившие при нем. Единственное исключение составляет параметр длительности правления: здесь требуется (по крайней мере в идеале) достаточно точное совпадение. Тем самым объявляемый АТФ па-

раллелизм фактически основан именно на этом параметре. Все остальные параметры, будучи факультативными, могут лишь изредка добавить какой-то факт, согласующийся со схемой параллелизма, тогда как любые не согласующиеся с ней факты признаются несущественными.

Конечно, крайне трудно, если не невозможно, понять, почему собственно люди, сочинявшие «дубликат» некоторой хроники, которые без всякого стеснения меняли перечисленные выше гораздо более существенные характеристики царствования и свободно придумывали массу дополнительных подробностей самого разного рода, не смели посягнуть ровно на этот единственный параметр. Но ответ здесь заключается не в психологии «дубликаторов», а в том, что если бы АТФ допустил, что и длительности царствований тоже указывались «дубликаторами» по собственному произволу, то его конструкция потеряла бы всякую жесткую (допускающую числовое выражение) опору и превратилась бы в уже ничем не прикрытое гадание. Соответственно, ему пришлось оставить сочинителям-«дубликаторам» в море их вранья островок нерушимой честности — длительности царствований[24]. Примем же эту игру и

[24] В сущности, это лишь частное проявление более общего принципа, ясно выступающего из работ АТФ: любое сообщение о любом событии в прошлом в общем случае не заслуживает доверия (из-за забывания, ошибок, намеренной лжи). Соответственно, никакое количество сообщений о том, что́ именно происходило в такой-то стране в таком-то веке, не мешает ему рассматривать этот период данной страны как tabula rasa, которую он может свободно заполнять своими догадками. Безусловное исключение составляют, однако, те сообщения, которые удобны для концепции АТФ: в них, напротив, заслуживают полного доверия даже мелкие детали.

посмотрим, как обходится АТФ с этим единственным жестким элементом его конструкции.

Рассмотрим главный «династический параллелизм», определяющий, согласно АТФ, необходимость пересмотра истории Руси. Утверждается, что история Киевской Руси с 945 по 1174 г. (229 лет) является просто «дубликатом» истории Московской Руси с 1363 по 1598 г. (235 лет). По АТФ, перед нами «хронологический сдвиг примерно на 410 лет»; соответственно, летописные персонажи X–XII вв. — это просто «дубликаты» реальных персонажей XIV–XVI вв. Приводим звенья этого параллелизма [НХ-1: 97–107] (цитируемые из НХ соответствия помечаем знаком « »).

«Святослав 945–972 (27 лет) — Дмитрий Донской 1363–89 (26 лет)».

«Владимир 980–1015 (35 лет) — Василий I 1389–1425 (36 лет)».

Соответствия выглядят впечатляюще. Но только между Святославом и Владимиром правил еще Ярополк (972–980), который из этой схемы соответствий просто выкинут, поскольку справа ему не соответствует вообще никакого правителя. Мы узнаём, таким образом, что при методике АТФ некоторых правителей разрешается и пропускать.

«Святополк 1015–19 (4 года) — Юрий Дмитриевич 1425–31 (с перерывами 6 лет)».

«Ярослав Мудрый 1019–54 (35 лет) — Василий II Тёмный 1425–62 (37 лет)».

Заметим, что Святополк в действительности правил около года, а затем, через два года, еще около года; но это, конечно, мелочь. Небезынтересен также способ подсчета лет, примененный здесь АТФ: годы правле-

ния Юрия Дмитриевича посчитаны дважды: один раз для него самого, другой — в составе лет правления Василия Темного. Такое из ряда вон выходящее событие, как ослепление Василия II, не имеющее уж решительно никакого сходства с блистательной судьбой Ярослава Мудрого, всё же немного смущает АТФ. И он находит ему соответствие — правда, со сдвигом уже не в 410 лет, а в 350 и не среди правителей государства, а среди их второстепенных родственников: оно состоит в ослеплении князя Василька Теребовльского в 1097 г. Мы видим, что методика АТФ при необходимости может проявлять завидную гибкость: оказывается, важнейшие события из жизни правителя могут быть скопированы в рассказе вовсе не о его «дубликате», а о третьем лице.

> «Всеволод 1054–93 (39 лет) — Иван III 1462–1505 (43 года)».

Здесь методика поднимается до новой степени свободы, которая производит поистине сильное впечатление. «Всеволодом» названа совокупность следующих княжений четырех разных князей: Изяслав 1054–68, Всеслав 1068–69, Изяслав 1069–73, Святослав 1073–76, Всеволод 1076–77, Изяслав 1077–78, Всеволод 1078–93. Ну просто ни дать ни взять копия правления Ивана III.

> «Владимир Мономах 1093–1125 (32 года) — Василий III 1505–33 (28 лет)».

После этой строки идет нечто, где реализована уже совершенно невиданная степень свободы. Согласно летописи, справа здесь следующим должен идти Иван Грозный 1533–84 (51 год). Кто же ему соответствует слева? Вот список из НХ (опускаем даты):

> «Братья Мстислав и Ярополк (14 лет), Всеволод (7 лет), Изяслав (9 лет), Юрий Долгорукий (9 лет), Изяслав Давыдович и Мстислав Изяславич (в сумме 12 лет)».

Но в НХ справа стоит не Иван Грозный: правая часть здесь разбита, как и левая, на пять периодов. Первый из них — «семибоярщина», а четыре других — это четыре разных лица, которые, как догадался АТФ, были впоследствии историками романовского периода из политических соображений заменены во всех летописях выдуманным образом единого царя — Ивана Грозного. После этого идет последнее соответствие:

> «Андрей Боголюбский (17 лет) — Федор Иоаннович (14 лет)».

Итак, методика дошла до своего логического завершения: если данные летописей не обнаруживают ровно никакого параллелизма, то тем хуже для летописей! Значит, просто неверны летописи и надо догадаться, что́ в них стояло до того, как их исказили. Ведь параллелизм-то уже открыт, не отменять же его теперь! Надо лишь его восстановить, заменив, например, неудобного Ивана Грозного нужным числом изобретенных самим АТФ царей — естественно, удобных. Нам остается лишь порадоваться за Ивана III: ведь методика вполне могла бы расчетверить также и его, но АТФ его помиловал, заменив четвертование Ивана III намного более гуманной акцией — склеиванием четырех князей в одного.

Что уж после этого вспоминать о таких пустяках, как весьма приблизительное равенство длительностей соответственных царствований даже в относительно удачных случаях.

Полезно заметить также следующее. В цепочке чисел, выражающих длины царствований, не все числа

одинаково информативны (в математическом смысле). Наименее информативны числа, близкие к средней длине поколения — около 25–30 лет. Это просто наиболее вероятный срок правления отдельного лица (по крайней мере в относительно спокойные эпохи в жизни государства). Самыми информативными являются самые длинные сроки — такие, как, скажем, 72 года царствования Людовика XIV или 64 года царствования королевы Виктории. (Менее информативны малые сроки — в частности, потому, что в периоды смут и междоусобиц они появляются с резко повышенной частотой.)

Посмотрим с этой точки зрения на приведенный выше «династический параллелизм». В большинстве благополучных сравнений мы видим именно числа, близкие к 25–30. Как только появляется относительно большое число (43 у Ивана III, 51 у Ивана Грозного), конструкция АТФ терпит крах: чтобы ее спасти, ему приходится объявлять летопись фальсифицированной (как в случае с Иваном Грозным) или самому ее фальсифицировать (как в случае со Всеволодом). Не надо быть математиком, чтобы понять, что означает этот факт для оценки достоверности всей конструкции.

Для наглядности сведем воедино реальные, т. е. соответствующие летописям, длительности рассмотренных выше древнерусских правлений (ради упрощения закроем уж глаза на то, что у АТФ в первой из цепочек иногда указано по два князя на одно звено, и на некоторые другие детали).

X–XII вв.: 27 – 8 – 35 – 4 – 35 – 14 – 1 – 4 – 3 – 1 – 1 – 15 – 32 – 14 – 7 – 9 – 9 – 12 – 17.

XIV–XVI вв.: 26 – 36 – 6 – 37 – 43 – 28 – 51 – 14.

Соотношение этих двух цепочек чисел мало напоминает равенство, даже приблизительное, не правда ли? Сравните хотя бы количество звеньев в этих цепочках. Вы можете теперь одним взглядом оценить весь масштаб совокупного искажения реальных летописных данных, которое потребовалось авторам НХ, чтобы преподнести нам в своей книге эти две цепочки в виде почти одинаковых. И именно эта достигнутая ловкостью их рук одинаковость ныне служит в учении АТФ главным «объективным основанием» всей новой хронологии Руси.

Из других «династических параллелизмов», провозглашенных АТФ, видно, что при их построении возможны и некоторые вольности сверх уже отмеченных. В частности, встречается еще и перестановка правителей. Так, согласно АТФ, в летописном перечне английских королей, — который, как открыл АТФ, есть не что иное, как дубликат перечня византийских императоров, — должны быть переставлены Aethelwulf и Aethelberht [НХ-2: 56]. Чрезвычайно существенна также следующая вольность, объявленная самим АТФ:

> «В том случае, когда для правления какого-либо царя имеется несколько вариантов, мы указываем только один из них, наиболее хорошо укладывающийся в параллелизм» [НХ-1: 95].

Этот принцип отлично помогает найти именно то, что удобно: например, если некто в таком-то году фактически пришел к власти, через 7 лет стал официальным соправителем, еще через 6 лет — официальным единовластным правителем и правил 5 лет, после чего был отстранен от реальной власти и через 2 года умер, то вы имеете полную возможность выбирать для его

правления срок от 5 до 20 лет (см. разбор примеров этого рода в построениях АТФ в статье [Голубцова, Смирин 1982: 190–191]). Наконец, дополнительные возможности для маневрирования открываются благодаря тому, что, согласно АТФ, два или более «династических параллелизма» могут накладываться друг на друга: некоторый правитель R_1 оказывается в этом случае, с одной стороны, «оригиналом» правителя R_2, с другой — «оригиналом» правителя R_3. Недостаток сходства между R_1 и R_2 может как бы компенсироваться сходством между R_1 и R_3 (в зародышевой форме эту механику можно было наблюдать выше на примере сходства между Василием Темным и Васильком Теребовльским).

Для желающих могу предложить развлечение. Возьмите из книг по истории какие-нибудь два списка правителей (желательно подлиннée) — допустим, египетских фараонов и французских королей. Выпишите длительности царствований. Разброс чисел будет не слишком велик; в большинстве случаев это будут числа примерно от 10 до 40, особенно часто — от 25 до 30. Конечно, вы без всякого труда сможете найти какую-нибудь пару «фараон — король» с похожим числом. Разницей в 3–4 года (если очень захочется, то и больше) смело пренебрегайте. «Поползав» немного по спискам вверх и вниз, вы непременно найдете и четверку $Ф_1 - Ф_2$, $K_1 - K_2$ (отец — сын среди фараонов, отец — сын среди королей), которая удовлетворит этим не слишком обременительным требованиям. Если «поползать» более основательно, то на каком-нибудь расстоянии от четверки вам попадется еще одна удовлетворительная пара $Ф_3K_3$, а то и целая четверка. Хорошо бы, конечно, чтобы в обоих списках это расстояние было примерно одинаково, но за чрезмерной точностью уж не гони-

тесь. После этого дистанцию между $\Phi_1 K_1 \Phi_2 K_2$ и $\Phi_3 K_3$ смело обрабатывайте по уже известным вам принципам: неудобных выбрасывайте, кого требуется — соединяйте, кого требуется — расщепляйте, кого требуется — переставляйте. Ваша задача не труднее, чем та, которую только что на ваших глазах решил АТФ. Результат можете публиковать: «династический параллелизм», пусть для начала и плохонький, но готов. А дальше уж, конечно, объявляйте всех египетских фараонов выдуманными копиями французских королей.

Сухо резюмируем: вопреки тому, что внушается читателю, фоменковский «династический параллелизм» — это вовсе не объективная констатация изоморфизма между реальными летописными данными по двум разным историческим периодам. Параллелизм (и то весьма нестрогий) возникает лишь после того, как АТФ произведет над летописными данными ряд специальных предварительных операций. Иначе говоря, это параллелизм между летописными данными, исправленными согласно гипотезе о наличии параллелизма. При этом, как видно из нашего разбора, в число допустимых предварительных операций входят и столь сильные, как пропуск, перестановка, объединение и «расщепление» правителей. Ясно, что методика, допускающая такое количество степеней свободы, не имеет ничего общего с объективностью: с ее помощью можно получить почти любой результат при почти любых исходных данных.

Совсем коротко: **в подлинных летописных данных об истории Руси никакого «династического параллелизма» попросту нет**.

Обсчет «династических параллелизмов» составляет одну из тех операций, которые дают АТФ возможность

заверять публику, что его результаты достигнуты математическими методами. АТФ подсчитывает вероятность случайного совпадения тех двух цепочек чисел, которыми у него представлены два разных «династических потока», и совершенно справедливо показывает нам, что она исчезающе мала, иначе говоря, случайное совпадение практически исключено. Этот факт производит неотразимое впечатление на тех, кто легковерно воспринимает всю операцию как прямое сравнение двух рядов исторических данных. В действительности же между историческими данными и якобы отражающими их цепочками чисел, как мы видели, лежит этап интенсивного целенаправленного препарирования этих данных. Так что математически безупречно АТФ доказал только одно: что вышедшая из его творческой мастерской цепочка чисел *A* неслучайно совпадает с вышедшей из той же мастерской цепочкой чисел *B*.

Судя по тому, что АТФ вполне удовлетворен рассмотренным выше «династическим параллелизмом» (он нигде не говорит, что этот параллелизм чем-нибудь несовершеннее остальных), прочие «династические параллелизмы» отражают ту же самую степень требовательности автора к себе. Мы позволим себе ограничиться этим одним. Если читатель захочет сам заняться проверкой прочих «династических параллелизмов» АТФ, он во всяком случае должен помнить, что все исходные данные следует брать только из самих традиционных источников, но не из их изложения у АТФ.

Нетрудно заметить, что у АТФ отношение к фактам при установлении «династических параллелизмов» и при сближениях слов по существу одинаково. В обоих случаях факты очень часто не укладываются в предла-

гаемую АТФ схему. Тогда он действует по принципу «тем хуже для фактов», а именно, в обеих операциях позволяет себе всё большее и большее количество степеней свободы, пока его процедура не становится практически безотказной. Методика АТФ — бесценная находка для всех желающих произвести революцию в какой-нибудь, которую не жалко, науке.

Заключение

Фоменковское «новое учение» об истории никогда бы не привлекло к себе столько внимания, если бы его автор не был именитым математиком. Оно мало чем выделялось бы среди публикуемых ныне во множестве вольных сочинений по российской или иной истории, авторы которых перекраивают «традиционную историю» — каждый в свою сторону, сообразно с вдохновляющей его идеей — нередко с не меньшим размахом, чем у АТФ, и, кстати, непременно используют рассуждения о происхождении слов — совершенно такого же уровня, как у АТФ.

Но когда автор — академик-математик, это воспринимается читателями как гарантия того, что в данном случае проблема будет разобрана и решена если и не математически, то во всяком случае в соответствии с теми высшими критериями логичности, обоснованности и доказательности, которые привычно ассоциируются в общественном сознании с математикой.

Реальность, как мы видели, в точности противоположна. В своих исторических и лингвистических построениях АТФ не только не проявляет этих достоинств математического мышления, но, наоборот, про-

изводит впечатление человека, вырвавшегося из стеснительных уз доказательности, в которых его держала его основная профессия. Как прямое издевательство над читателем звучат слова:

> «... мы надеемся, что непредвзятый читатель уже убедился, что нами руководит неумолимая логика научного исследования. Мы вынуждены двигаться далее по этому пути, если хотим оставаться на почве здравого смысла и строгой научности» [НХ-2: 102].

Степень бездоказательности утверждений АТФ превосходит всё, с чем можно встретиться даже в очень плохих филологических или исторических сочинениях. Утверждения «*А* вытекает из *В*», «*А* следует из *В*», которые уже одним своим звучанием должны гипнотизировать доверившегося автору читателя, употребляются в смысле, от которого логик впал бы в шок.

Так, например, по заявлению АТФ, и то, что Батый — это Иван Калита, и то, что Великий Новгород — это Ярославль, и то, что в русской истории имеется династический параллелизм со сдвигом в 410 лет,

> «непосредственно и недвусмысленно вытекает из средневековых русских документов» [НХ-1: 382].

Другой пример такого же использования терминов логики:

> «... отождествление Ирландии в определенный исторический период с Россией... однозначно следует из древних английских хроник» [НХ-2: 114].

Самого крохотного и ненадежно засвидетельствованного факта, который в принципе допускает десять разных объяснений, но в том числе и согласующееся с идеей АТФ, ему достаточно, чтобы эту идею провозгласить, а через несколько страниц уже трактовать ее как

нечто установленное и на нее опираться (не говорим уже о бесчисленных случаях, когда аргумент АТФ просто вздорный, типа *Irish = Russian* или *еврей = иерей*). Но часто даже и столь ничтожного аргумента АТФ не считает нужным подыскивать: он просто сообщает, каково его мнение.

Послушайте, например, исполненное величия заявление об исламе:

> «Вообще история Мусульманской церкви совсем не проста, но мы не можем пока сказать ничего определенного по этому поводу, так как обстоятельного исследования арабских источников мы пока не проводили» [НХ-1: 373].

Сотни книг на эту тему на десятках восточных и западных языков не значат ничего, пока АТФ сам не займется первоисточниками. Приведенное заявление вовсе не означает, однако, что АТФ не может уже сейчас сказать, что все представления мусульман о своей истории в корне неверны, сколько бы книг они про это ни написали, тогда как на самом деле

> «раскол между мусульманством и православием... произошел... лишь в 15 веке... И лишь потом (когда все это было забыто), отделение мусульманства от христианства отнесли в далекое прошлое примерно на 600 лет назад» [НХ-1: 226].

Всё это АТФ понял и без «обстоятельного исследования» источников; но со временем он и его коллеги подучат арабский язык, возьмутся за все эти источники и извлекут из них, если кому-то это так уж необходимо, еще и подтверждения своего знания.

Читая АТФ, испытываешь непроходящее чувство изумления: «Ну хорошо, представим себе, что АТФ действительно установил, что традиционное представление об

истории противоречит таким-то и таким-то непреложным фактам и, следовательно, неверно. Но откуда же он, кроме того, еще смог узнать — в тысяче подробностей! — что́ вместо этого было в действительности?!» В самом деле, учение АТФ включает две отчетливо различные части: критическую и, так сказать, конструктивную. Если в критической части он еще считает необходимым выдвигать какие-то аргументы, которые хотя бы могут быть сформулированы на языке науки, то в рассказах о том, что́ же всё-таки, с его точки зрения, реально происходило в разных странах в прошлые века, он уже чувствует себя свободным от необходимости сколько-нибудь серьезно что-либо аргументировать. Здесь он фактически действует не как исследователь, а как ясновидец. «Нам кажется, что», «по нашему мнению», «что если», «наша гипотеза» — эти формулы повторяются как рефрен по нескольку раз на страницу. «Гипотезы» бьют фонтаном; их не сосчитать. Любая из них столь фундаментально переворачивает прежние представления о предмете, что для ее обоснования в обычной научной практике потребовалась бы как минимум обстоятельная статья. АТФ в этом не нуждается; у него текст того, что подается как обоснование «гипотезы» (если таковой вообще есть), обычно занимает не больше места, чем ее изложение. Последователь учения должен просто уверовать в мощь интуиции АТФ, позволяющую ему всё угадать; аргументы после этого излишни. Это позиция пророка, гуру, главы религиозной секты, но только не ученого.

Заметим, что ошибочность утверждений АТФ сама по себе, конечно, еще не означает, что с традиционной хронологией у историков нет никаких проблем. Частные проблемы этого рода безусловно есть и, вероятно,

будут возникать и в дальнейшем, но они будут решаться в ходе нормального исследовательского процесса. В своем нынешнем виде учение АТФ не может исполнить даже роль полезного стимулятора, который подтолкнул бы серьезных историков к наведению порядка в темных углах традиционной хронологии. Это учение давно проскочило ту стадию, когда оно могло претендовать на такую роль. Нагромоздив на собственно хронологическую проблематику горы дилетантской чепухи и фантасмагорических вымыслов, игнорируя профессиональную науку и апеллируя вместо этого к неподготовленной широкой публике, АТФ столь прочно поставил себя вне науки, да и просто вне здравого смысла, что будущий исследователь хронологии уже не станет раскапывать всю эту гору абсурдов, чтобы проверить, не скрывается ли в ее недрах какое-нибудь рациональное зерно.

Что АТФ предлагает ошибочную концепцию истории — не главное. Это малый грех. Дело в другом: в нынешнюю эпоху, когда классический научный идеал и без того находится под неслыханным натиском иррационализма всех видов, включая ясновидение, гадание, суеверия, магию и т. п., АТФ, беззастенчиво используя всю мощь традиционного авторитета математики, внедряет в молодые души представление о том, что в гуманитарных науках нет в сущности никакого позитивного знания, зато есть масса сознательных подлогов, и можно, свысока относясь к пыльным и тенденциозным традиционным сочинениям, смело противопоставлять любому утверждению этих наук свою интуитивную догадку. «Я уверен, что слово *Москва* происходит из МОСС (англ. 'мох') + КВА, т. е. 'лягушка во мху'»; «По моему

мнению, первоначальное население Южной Америки составляли русские»; «Нам кажется, что Петр Первый был женщиной»; «Моя гипотеза: Николай Второй и Лев Троцкий — одно и то же лицо». Ни одно из этих утверждений не хуже и не лучше тех, которые сотнями преподносит нам АТФ. Любое из подобных утверждений ныне, вдохновляясь примером АТФ, молодой честолюбец может смело выдвигать в качестве «научной гипотезы», объявляя возражающих рутинерами.

Как человек, глубоко почитающий математику, я должен сказать, что едва ли кто-либо когда-либо наносил столь тяжкий урон престижу математики и математиков в общественном сознании, как А. Т. Фоменко. Еще недавно представители гуманитарных наук судили о возможностях плодотворного участия математиков в решении их проблем по замечательным работам А. Н. Колмогорова. Ныне им придется судить по А. Т. Фоменко.

Глава третья

ПРИНЦИПЫ ПОЛЕМИКИ ПО А. Т. ФОМЕНКО

Как отвечать, ни на что не ответив

На мою статью «Лингвистика по А. Т. Фоменко» (в числе прочих статей из сборника «История и антиистория») ныне имеется опубликованный в Интернете ответ А. Т. Фоменко (далее: АТФ) и Г. В. Носовского[25]. Он выдержан в обычном для АТФ стиле ответов. Прокомментирую его прежде всего в качестве образца полемики по А. Т. Фоменко.

Вначале я полагал, что этот мой комментарий будет опубликован[26] рядом с самим ответом АТФ и тем самым в цитировании не будет особой необходимости. Но, к сожалению, АТФ запретил публиковать его ответ в том же сборнике, где переиздаются сами критические статьи, на которые он отвечает. Поэтому ради тех читателей, для которых поиски фоменковского ответа могут быть затруднительны, мне пришлось привести из него довольно длинные цитаты.

Всякий ответ АТФ на критику фактически предназначен для уже уверовавших в «новое учение». Только они в состоянии не заметить, сколь топорно сработаны такие ответы. И их, конечно, следует любой ценой

[25] http://newchrono.interun.ru/frame1/Ref/antifomenko.htm.

[26] Имеется в виду: в сборнике История и антиистория—2.

поддерживать в ощущении, что вождь сумеет дать отпор какой угодно критике. Не пожелав видеть свой ответ рядом с тем, на что он отвечает, АТФ довольно ясно показал, что предпочитает читателя, который ограничится текстом самого АТФ, и не слишком надеется на убедительность своих ответов для тех, кто будет читать их в непосредственном сопоставлении с исходными критическими статьями.

АТФ выработал устойчивые навыки, почти автоматизм в изготовлении подобных квазиответов. Имеется набор стандартных формул, которые обеспечивают автору столь важную для поклонников общую тональность превосходства и позволяют уйти от ответа на неприятные вопросы, «сохраняя лицо».

1. Главная из этих формул: оппонент либо недобросовестен, либо не понимает. (А и как, собственно, может быть иначе, раз теория АТФ изначально верна?)

2. Оппонент допускает грубости, поэтому можно ему не отвечать.

В моем случае грубостей АТФ найти не сумел, поэтому в качестве мотива для того, чтобы не отвечать по существу, назван мой «юмор» (АТФ, к сожалению, не очень точно различает значения слов *юмор* и *ирония*). Он пишет так:

> «... бóльшая часть статьи А. А. Зализняка написана как бы в юмористическом ключе. Он предлагает разнообразные остроумные замечания, долженствующие показать — как нелепы могут быть звуковые аналогии, сближающие различные по своей сути понятия. Никакого отношения к нашим исследованиям этот юмор не имеет. Комментировать здесь что-либо нам представляется излишним».

Оно конечно, тут я виноват. С новыми хронологами шутить не следует. Они не паяцы какие-нибудь. Они

не шутят, когда говорят, например, что Ирландия и Россия — это в прошлом одно и то же. Они сообщают об этом на стальном языке логики: «Отождествление Ирландии в определенный исторический период с Россией... однозначно следует из древних английских хроник». И если все-таки вздумаешь возражать, то не ерничай, а как минимум разыщи такую английскую хронику, из которой это следует неоднозначно.

3. То, что говорит оппонент, не имеет отношения к сущности теории АТФ, поэтому незачем это обсуждать.

Так, про мою статью сказано:

> «Обширная статья А. А. Зализняка — самая большая из критических статей в наш адрес — совершенно не касается вопросов обоснования или построения основ хронологии. В ней обсуждается лишь наша реконструкция всеобщей истории, предложенная нами в качестве пока еще гипотетической картины, основанной на интерпретации исторической информации с точки зрения предложенной нами новой хронологии».

О том, насколько это соответствует действительности, можно узнать, между прочим, и из самого ответа АТФ. Дело в том, что при той скорости, с которой авторы «новой хронологии» ныне производят письменную продукцию, у них, по-видимому, нет времени перечитывать написанное. Поэтому они просто не заметили, что уже на следующей странице у них написано об оппоненте нечто противоположное:

> «он высказывается далее, по сути дела, о всех наших книгах, по всему спектру наших исследований, начиная с осуждения нашего астрономического анализа, статистики и т. д.».

4. Оппонент явно или неявно исходит из традиционной хронологии, поэтому то, что он говорит, сразу

же потеряет смысл, как только мы встанем на позицию новой хронологии.

Вот что мы читаем у АТФ:

> «Наша реконструкция критикуется А. А. Зализняком с точки зрения скалигеровской хронологии, на которую он постоянно, явно или подсознательно, опирается в своей критике. А. А. Зализняк прямо пишет: “Взявшись за построение гипотез в области истории и лингвистики, АТФ должен быть судим ровно тем же судом, что и обыкновенные историки и лингвисты”. В ответ на это заметим, что “обыкновенные” историки и лингвисты работают в рамках скалигеровской хронологии, часто даже не отдавая себе отчета в том, насколько сильно их выводы зависят от этой хронологии. И судят они о работах друг друга, естественно, тоже с точки зрения скалигеровской хронологии. Нетрудно сообразить — что получится, если “тем же судом” начать судить нашу работу, выполненную в рамках новой хронологии, принципиально отличающейся от скалигеровской. 〈...〉 Стоит ли говорить, что при избранном им подходе, А. А. Зализняк на каждом шагу обнаруживает вопиющие, возмутительные противоречия с привычными ему вещами. Все это можно кратко обобщить в нескольких словах: наша реконструкция истории резко противоречит скалигеровской хронологии и многим выводам, которые из этой хронологии сделаны, в частности, и в лингвистике. И это действительно так. Поскольку наша реконструкция построена на основе совершенно другой хронологии истории».

Не будем уж останавливаться на том, как ловко под выражение «судить тем же судом» (т. е. ‘требовать той же степени доказательности’) подставлено нужное АТФ значение ‘судить в рамках непременного соответствия традиционной хронологии’. Попытаемся осознать величие главной мысли всего этого пассажа.

Надо полагать, если мы согласимся, что древнего мира не было и история началась лишь в XI веке, то подтасовки при выписывании «династических параллелизмов» перестанут быть подтасовками, фальсификаторы XVII века окажутся в состоянии изготавливать такие подделки, для которых нужно знать открытия XIX века, кенигсбергские немцы смогут без ошибок писать подревнерусски, слово *еврей* действительно окажется тем же самым словом, что *иерей*, и т. д. И вообще, как только с наших глаз спадет пелена фальсифицированной скалигеровской хронологии, изменятся фундаментальные принципы множества наук: станут посвободнее правила логики, изменятся законы сравнительного языкознания, будет пересмотрено учение о том, что арабский язык — это не то же, что английский, историческая география станет наукой о массовых путешествиях городов и стран по лику земли — короче говоря, разные частные науки перестанут ставить палки в колеса «нового учения».

Из чисто технических приемов построения полемического ответа коронный прием АТФ таков. Нужно найти у оппонента утверждение, которое представляется достаточно уязвимым, пусть даже совершенно частное, и заняться его пространным опровержением, после чего обойти полным молчанием возражения первостепенной важности (в некоторых ответах АТФ поясняет это примерно так: «Вы же теперь уже поняли, каков уровень оппонента, так что можно более не продолжать»).

В качестве опровергающего аргумента в этих случаях ничто не работает так хорошо, как ссылка на свою же собственную книгу, а еще лучше — сразу на всю совокупность своих книг. Другой вариант состоит в том,

чтобы просто тут же переписать (быть может, слегка изменив) десяток страниц на рассматриваемую тему из своей книги, дословно повторяя, как урок отсталым детям, все те утверждения, которые оспаривает оппонент.

В нашем случае из 14 страниц ответа 10 — это очередной пересказ того, как отыскивается на хронологической шкале триада затмений, описанных Фукидидом. Утверждается то же, что мы уже много раз читали у АТФ: сообщение Фукидида о появлении звезд во время затмения безусловно соответствует действительности; отсюда следует, что затмение было полным; отсюда следует, что описываемые события происходили в XI (или XII) веке н. э., т. е. верна новая хронология, а не традиционная. Мысль астронома Гофмана о том, что пресловутые Фукидидовы звезды могли быть просто литературным украшением, АТФ высмеивает, а именно, пародирует ее так: «Дескать, во всем остальном мы ему (Фукидиду) безусловно доверяем, а в этом месте доверять не будем». А чтобы растоптать эту неприятную мысль окончательно, АТФ еще и дает понять, что в ней есть и элемент жульничества, — он выражается так: «демагогическое предложение Гофмана». (Но не спешите обижаться именно за Гофмана: дело в том, что «демагогия» — это уж такое общее свойство всех, кто пытается перечить «новому учению» и даже кто в прошлом утверждал нечто мешающее ему. Вообще, как мы узнаём от АТФ, в среде ученых, нимало не исключая его собратьев — математиков и астрономов, нечистая совесть — вещь обыкновенная. Он объясняет нам, например, что сам великий Кеплер, возможно, был жуликоват и малость подтасовывал характеристики затмений в угоду Скалигеру: «ведь Кеплер был в постоянном контакте со Скалигером, переписывался с ним».)

Занятно все-таки, что мысль о возможности неполного доверия к письменному источнику (а именно, тексту Фукидида) кажется столь нелепой не кому-нибудь, а автору концепции всемирной фальсификации письменных памятников. Ну да ведь памятник памятнику рознь: что же в самом деле общего между письменными свидетельствами, неудобными для «нового учения», и тем, которое для него удобно?

На фоне этого ни единым словом не упоминаются, в частности, следующие важнейшие критические утверждения оппонента:

1) Теория новой хронологии не доказана и не может быть доказана математически, поскольку ее исходными данными являются показания письменных памятников, которые могут быть использованы только после их нематематического (а именно, филологического и исторического) анализа, а такой анализ в принципе не может достичь степени математической достоверности.

2) Из принятия новой хронологии с неизбежностью следует (и действительно принимается АТФ) тезис о массовой фальсификации письменных памятников практически во всех странах. Но этот тезис оказывается в непримиримом противоречии с реальными возможностями людей XVI–XVIII вв. (эпохи, к которой АТФ относит основную массу фальсификатов): они не обладали необходимыми для такой фальсификации лингвистическими знаниями; политические, религиозные и экономические условия не позволяли обеспечить необходимое согласование всех соответствующих работ. Кроме того, этот тезис предполагает такой способ человеческого поведения и такие его стимулы, которые в массовом масштабе нигде и никогда реально не наблюдались.

3) Основной «династический параллелизм» в истории Руси, являющийся, согласно АТФ, базой новой хронологии Руси, представляет собой чистую выдумку, основанную на длинной серии грубейших подтасовок реальных летописных данных.

Только самые фанатичные приверженцы «нового учения» могут поверить, что полное молчание АТФ по поводу этих возражений объясняется просто их незначительностью.

Теперь о центральном тезисе нашей статьи, состоящем в том, что практически все лингвистические утверждения АТФ находятся на уровне невежественного любительства. Оспаривать его авторы не решились. Они просто в очередной раз прикрылись своей отработанной формулой, согласно которой лингвистика для них — это пустячок, от которого не зависит ничего существенного для их теории.

> «Во всех наших книгах, — пишут авторы, — мы специально многократно подчеркиваем, что иногда привлекаемые нами лингвистические соображения не являются самостоятельным доказательством чего бы то ни было. Доказательством являются результаты естественнонаучных методов. Лишь затем, при попытке заново прочесть старинные документы, мы вынуждены демонстрировать неоднозначность их прочтения, возникающую, в первую очередь, по той причине, что старые тексты часто были написаны без огласовок. Тут и возникают разнообразные лингвистические соображения».

Немного неловко, конечно, за академических авторов, настойчиво утверждающих, что их продукция — это не бульварное чтиво, а научный труд, когда, будучи пойманы на том, что под видом «лингвистических соображений» они заполняют сотни страниц своих то-

мов чудовищной галиматьей, они отвечают так, как будто речь идет о пустяковой шалости, не бросающей никакой тени на научность целого. Их самоуверенный дилетантизм столь неисправим, что они даже и сейчас в своем ответе, нимало не смущаясь, повторяют прежнюю невежественную чушь: «старые тексты часто были написаны без огласовок». (Небезынтересно сравнить такое отношение к делу с тем, сколь решительно АТФ предлагает многим из своих критиков не касаться математики, раз они в ней ничего не смыслят. По-видимому, многим поклонникам новой хронологии очень льстит эта исходящая от их лидера презумпция, что в математику посторонним лучше не соваться, тогда как математик, напротив, разберется в любой науке лучше всякого специалиста. Боюсь, что теперь АТФ слегка подмочил эту лестную репутацию математиков.)

«Лингвистические соображения не являются самостоятельным доказательством чего бы то ни было» — это, конечно, лукавая игра словами. АТФ ловко пользуется здесь тем, что эти соображения не служат доказательством в абсолютном, математическом смысле. Но ведь по этому признаку от «лингвистических соображений» ничем не отличаются и все остальные утверждения, содержащиеся в рассказах АТФ об истории разных стран. А как доказательство в слабом смысле (или просто как аргумент в пользу некоторой гипотезы) АТФ использует свои «лингвистические соображения» на каждом шагу. Если бы вдруг очистить пухлые фоменковские тома от всех «лингвистических соображений» (чего эти соображения вполне заслуживают) и всего того, что на них построено, то они похудели бы, наверное, в несколько раз, а главное — пропал бы тот за-

хватывающий дух эффект, который производят на соответствующую публику волшебные превращения Ирландии в Россию, Темзы в Босфор, Самары в Рим, Рима в Египет и все прочие чудеса, когда напишешь Испания, а выйдет Китай.

В целом принципы полемики, принятые у АТФ, производят тягостное впечатление. Истинные великие открытия не защищают с помощью уловок, мелких подтасовок и ухода от ответа на возражения.

Математическая непреложность «нового учения» есть фикция

Рассмотрим теперь немного подробнее уже затронутый вопрос, весьма существенный для популярности «нового учения» у широкой публики: правда ли, что результаты АТФ получены естественнонаучными и математическими, а не гуманитарными методами?

Прежде всего необходимо различать две части «нового учения»:

а) рассуждения, призванные показать ошибочность традиционной датировки определенных астрономических (и некоторых иных) событий и обосновать их новую датировку, продемонстрировав тем самым необходимость ревизии всей древней и средневековой истории;

б) заполнение образовавшегося тем самым «вакуума исторической информации», т. е. построение гипотез о том, что же все-таки происходило в истории конкретных стран вместо того, что предполагалось в рамках традиционной хронологии.

Если более ранние работы АТФ относились в основном к части «а», то на нынешнем книжном прилавке безусловно господствуют сочинения из части «б».

Именно эти сочинения имеют широкое распространение, именно их только и знает подавляющее большинство поклонников «нового учения». Для их чтения не требуется никакого специального образования, широкая публика слабо отличает их от исторических и научно-фантастических романов. К этой категории несомненно относится и обсуждаемая нами книга «Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима» (НХ).

В части «б» без всякого сомнения авторы действуют чисто гуманитарными методами, как обыкновенные историки и лингвисты, в частности, без всякого обращения к математике (другое дело, что эти методы применяются здесь совершенно непрофессионально, так что полученный результат может быть квалифицирован лишь как безудержные любительские фантазии, а не как научный труд). Тем самым полностью обоснован мой протест против аннотации к книге НХ (когда я писал: «В аннотации говорится: “Предназначена для самых широких кругов читателей, интересующихся применением естественно-научных методов в гуманитарных науках”. Это дезинформация: в книге используются обычные гуманитарные методы»).

АТФ это мое утверждение чрезвычайно не понравилось.

> «А. А. Зализняк говорит неправду, — пишет он. — Все наши исследования основаны на применении статистических, естественнонаучных, математических методов к разнообразному историческому материалу. Об этом подробнейшим образом рассказано в нескольких наших книгах. В остальных наших публикациях постоянно, практически на каждом шагу, идут ссылки на результаты наших эмпирико-статистических исследований. Спрашивается, читал ли А. А. Зализ-

няк наши книги, посвященные естественнонаучным методам в истории? Видел ли наши постоянные ссылки на их результаты? Либо да, либо нет. Если читал и видел, то он преднамеренно обманывает читателей фразами, подобными цитированной выше. Если не читал, то, наверное, не стоило бы высказываться о предмете, суть которого А. А. Зализняк, как мы видим, фактически не понял».

Этот пассаж как будто нарочно создан для того, чтобы читатель мог на примере всего одного абзаца увидеть в действии сразу целый букет типовых приемов полемики по Фоменко:

уход от прямого ответа на конкретное возражение путем подмены предмета обсуждения — с книги НХ, аннотацию к которой критикует оппонент, речь переведена на другие книги («об этом подробнейшим образом рассказано в нескольких наших книгах»);

риторический пафос возмущения;

тезис «оппонент либо преднамеренно обманывает, либо не понял»;

тезис «некомпетентным не стоило бы высказываться о нашей теории».

Если же очистить все это от риторической пены, то получится следующее: по понятию АТФ, имеющихся в книге НХ ссылок на то, что в неких других его работах применены естественнонаучные методы, вполне достаточно, чтобы и это его сочинение, целиком состоящее из вольных предположений на исторические и лингвистические темы, рекомендовалось читателю как образец естественнонаучных методов.

Что касается части «а», то здесь дело обстоит иначе, чем в «б»: здесь действительно авторы применяют определенные математические методы. Главными сферами

их приложения являются древние свидетельства о затмениях и других астрономических явлениях и сведения о древних династиях.

Кардинальный вопрос состоит здесь в том, обладают ли полученные этими методами выводы силой математических доказательств. Ответ может быть только отрицательным — поскольку степень достоверности этих выводов не может быть выше, чем степень достоверности использованных исходных данных.

АТФ постоянно стремится представить дело так, что на его стороне — математическая истина, а его противники пытаются бороться с ней с помощью каких-то гуманитарных аргументов. Даже по приведенным выше цитатам можно почувствовать, с каким напором он настаивает на том, что его учение является естественнонаучным и математическим, а не гуманитарным. Он старается внушить своим читателям (хотя и остерегается формулировать это с полной однозначностью), что его учение имеет следующую логическую структуру:

1) то, что Фукидидовы затмения происходили не в V в. до н. э., а в средние века (равно как некоторые другие подобные утверждения), математически доказано;

2) ввиду этого пересмотр истории есть безусловная необходимость, даже если при этом придется предполагать ситуации, которые людям, привыкшим мыслить в рамках традиционной хронологии, кажутся невозможными или неправдоподобными.

По этой схеме, например, признать массовую согласованную деятельность фальсификаторов, пусть даже она представляется неправдоподобной, мы все равно вынуждены, поскольку этого требует непреложный пункт 1. И вообще, какие бы поразительные следствия ни вытекали из пункта 1, из истинности этого пункта

вытекает истинность также и этих следствий, и нам остается только порадоваться, от сколь глубоких и многочисленных заблуждений мы теперь избавимся.

Дело, однако же, в том, что в действительности пункт 1 не доказан математически и тем самым не является непреложным. Его истинность полностью зависит, среди прочего, от того, как отнестись к обсуждавшейся выше гипотезе Гофмана о Фукидидовых звездах как литературном украшении,— с насмешкой (как АТФ) или с доверием. Достаточно принять эту гипотезу (в которой в принципе нет ничего невозможного) — и больше не будет ни средневековой датировки Фукидидовых затмений, ни фатальной необходимости признавать существование бесчисленных фальсификаторов.

Истинность пункта 1 зависит и от ряда других обстоятельств, в частности: верно ли АТФ истолковал точный смысл фразы Фукидида; правда ли, что ни при каком неполном солнечном затмении никакие звезды и планеты не видны; каковы именно были конкретные астрономические условия обсуждаемого затмения. Самое мягкое, что можно сказать про позицию АТФ по каждому из этих вопросов, — что она столкнулась с решительными возражениями со стороны тех, кто соответствующими проблемами занимается профессионально.

Однако здесь нам даже нет нужды обращаться вновь к этим возражениям. Мы можем позволить себе широкий жест и на минуту допустить, что по всем этим пунктам позиция АТФ верна, и тем самым верна самая желанная для АТФ версия, а именно: текст Фукидида есть рассказ о полном солнечном затмении. Тогда на одной чаше весов окажется доверие или недоверие к одной фразе у Фукидида, на другой — доверие или недоверие к тысячам письменных документов раз-

ных стран, от надписей до летописей. Либо одно, либо другое — придется выбирать. АТФ, как мы уже знаем, выбирает доверие к Фукидиду и недоверие ко всей массе неудобных для новой хронологии свидетельств. Приятно все-таки, что в фоменковском мире, где криводушны почти все, нашелся один кристально честный даже в мелочах. Но в данный момент главное для нас все же не в том, какой именно выбор сделал АТФ.

Главное в том, что в самой этой процедуре выбора **нет решительно ничего математического!** Это же стопроцентно гуманитарная задача: оценить честность, осведомленность, намерения, привычки, литературную манеру разных авторов, а также условия бытования самих письменных документов, вероятность искажений при копировании и т. п. и на основании всего этого сделать выбор.

Вот каково на самом деле соотношение гуманитарного и математического в том, что АТФ пытается выдать за математическое доказательство своей теории.

Остается, правда, еще математическая обработка «династических параллелизмов». Но после разобранных в моей статье вопиющих подлогов, которые обнаружились в главном «династическом параллелизме» Руси (и по поводу которых АТФ не решился сказать ни слова в свое оправдание), я считаю излишним возвращаться к этой проблеме.

Таким образом, наличие незыблемого математического фундамента под главным тезисом «нового учения» — сокращением известной нам истории человечества до одного тысячелетия — это просто легенда, интенсивно пропагандируемая самим АТФ. В действительности в основе этого главного тезиса лежит не более чем гипотеза, никакой обязательностью не облада-

ющая. Ее ошибочность устанавливается хорошо известным в науке методом, именуемым reductio ad absurdum («приведение к нелепости»): рассматриваются следствия, с неизбежностью вытекающие из этой гипотезы, и констатируется их ложность.

В данном случае важнейшим из таких следствий является утверждение о фальсифицированности бесчисленных письменных памятников разных стран, которые прямо или косвенно указывают на традиционную, а не на новую хронологию. Но это утверждение ложно, поскольку оно несовместимо с реальными возможностями людей XVI–XVIII вв. (см. выше) (а предполагать, что вся эта фальсификация производилась в XIX–XX вв., не решается даже АТФ).

Отсюда следует, что новая хронология неверна. (И уже как частность следует и то, что неверна интерпретация свидетельств Фукидида у АТФ — либо по причине, предполагаемой Гофманом, либо по какой-то другой из нескольких принципиально возможных в подобном случае причин.)

Итак, **математическая непреложность «нового учения» есть фикция**. Что же касается гуманитарной составляющей этого учения, то ее уровень находится ниже всех принятых в гуманитарных науках норм.

Глава четвертая

ЛЮБИТЕЛЬСКАЯ ЛИНГВИСТИКА В БОРЬБЕ С НАУКОЙ

Очередное произведение любительской лингвистики

Книги А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского по «новой хронологии» продолжают выходить безостановочно.

Перед нами очередная новая книга: *Г. В. Носовский, А. Т. Фоменко.* «Старые карты Великой Русской Империи». СПб., 2005 (далее: СК).

Это сочинение уже совершенно открыто не содержит никакой математики и никакой астрономии. Во введении кратко излагается общая концепция мировой истории, исповедуемая «новыми хронологами». Две трети книги занимает воспроизведение (небольшими фрагментами) старых карт мира. Остальное — это комментарии к этим картам, представляющие собой не что иное, как предположения о происхождении тех или иных географических наименований, встречающихся на этих картах. Понятно, что это занятие из сферы лингвистики.

Мы уже отмечали, что роль лингвистической тематики в трудах АТФ от сочинения к сочинению непрерывно растет. И вот уже перед нами сочинение, практически полностью посвященное лингвистическим вопросам.

На обложке книги сказано: «Авторы книги обнаружили на представленных картах около 630 сюжетов,

подтверждающих теорию новой хронологии». Из этого ясно видна цель, с которой авторы занимаются лингвистическими вопросами: их лингвистические выводы должны подтвердить положения «новой хронологии», т. е. новую картину мировой истории.

При этом, однако, пытаясь противостоять критике со стороны лингвистов, уже в самом начале книги авторы повторяют знакомый нам тезис о том, что лингвистические соображения якобы не играют никакой существенной роли в концепции «новой хронологии» в целом:

> «Предлагаемые нами географические отождествления основаны вовсе не на лингвистических соображениях (как иногда стараются представить дело некоторые оппоненты), а вытекают из новой математико-статистической хронологии, изложенной в предыдущих книгах. ⟨...⟩ Отмечаемые нами лингвистические наблюдения вовсе не играют роли самостоятельных доказательных аргументов. Мы указываем на них для того, чтобы указать принципиальную возможность НОВОГО ПРОЧТЕНИЯ старинных географических названий с точки зрения новой хронологии. УСТАНОВЛЕННОЙ РАНЕЕ независимыми естественнонаучными методами» [СК: 7].
>
> То же и далее: «Наша реконструкция опирается на новую хронологию, созданную при помощи естественнонаучных методов (в первую очередь математических и астрономических)» [СК: 9].

Если, однако же, лингвистические вопросы так несущественны — зачем же только им посвящается вся книга?

Просто АТФ хорошо понимает, что именно на это (а совсем не на математические выкладки) «ловится» простодушный читатель.

Главная, капитальная неправда процитированного утверждения состоит в том, что «новая хронология» как таковая якобы уже установлена, а именно, установлена «при помощи естественнонаучных методов (в первую очередь математических и астрономических)». Как уже было показано выше, вся математическая конструкция АТФ, будь она даже совершенно безупречна с собственно математической точки зрения, ничего не может дать для познания истории, если она исходит из неверных или ошибочно интерпретированных данных письменных источников. А в случае с АТФ ситуация именно такова: эти данные АТФ, будучи совершенно невежественным филологом и неквалифицированным историком, интерпретирует ошибочно (а иногда и просто искажает). Об этом подробно рассказано выше, в разделе «Можно ли изучать историю, не используя гуманитарных методов» главы 2 и в разделе «Математическая непреложность “нового учения” есть фикция» главы 3.

Второе, не менее важное для оценки деятельности АТФ обстоятельство состоит в том, что даже если бы «новая хронология» действительно с необходимостью вытекала из математико-статистических и астрономических расчетов, из этого следовал бы только тот чисто негативный вывод, что традиционная картина истории неверна. Никаких позитивных сведений о том, как же конкретно складывалась та «новохронологическая» история, которая, согласно АТФ, происходила в действительности вместо традиционной, его математико-статистические и астрономические расчеты дать не могут.

Все утверждения АТФ относительно этой истории (а они касаются такого количества конкретных событий и фактов, что занимают два десятка томов) полу-

чены АТФ без всякой связи с какой бы то ни было математикой, исключительно на основании соображений гуманитарного характера — исторических и лингвистических.

А каково качество этих их гуманитарных соображений, будет видно ниже.

Отметим, что на книгу СК уже имеется резко критическая реакция в виде книги-памфлета В. Г. Чувардинского «История с географией. Как приостановить победное шествие математических историков» (Чувардинский 2007), где читатель может найти большое количество конкретных фактов, свидетельствующих о беспочвенности утверждений «новых хронологов».

Конспект мировой истории по А. Т. Фоменко

Основному содержанию книги СК предпослано краткое изложение общей концепции «новой хронологии». Здесь мы читаем об уже известных нам чудесах с переездом городов из одной страны в другую, о тождестве множества знаменитых исторических лиц разных времен и стран между собой, о всемирном заговоре историков и проч. Обо всем этом см. выше главу 2. Но ныне очень усилился мотив всемирно-исторической роли якобы некогда существовавшей великой «русско-ордынской империи».

Приводим ряд выдержек из вводной части книги СК, чтобы читатель составил себе примерное представление о том, в рамках какого изображения истории осуществляются все те лингвистические чудеса, о которых речь пойдет ниже.

> «В середине XII века, в 1152 году, рождается Иисус Христос. В светской византийской истории он известен как

император Андроник и апостол Андрей Первозванный. В русской истории он описан как великий князь Андрей Боголюбский. Детство Андроника-Христа прошло частично на Руси (где он, по-видимому, и родился), потом жил в Царь-Граде. Кстати, Царь-Град известен нам также под именами «античной» Трои и евангельского Иерусалима. Затем много времени Андроник-Христос и его мать Мария Богородица вновь провели на Руси. В 1185 году император Андроник-Христос был распят в Царь-Граде, на горе Бейкос = евангельской Голгофе» [СК: 9–10].

«Один из представителей прежней царской ромейской династии — «античный» царь Эней-Иоанн, ученик и соратник Андроника-Христа, — покидает разгромленный Царь-Град = Трою = Иерусалим и направляется со своими спутниками на Русь. Дело в том, что его царственные предки были родом из Руси» [СК: 10].

«Царь Эней-Иоанн берет власть в свои руки и основывает на Руси новую правящую династию».

«Это важнейшее событие отразилось в русских летописях как знаменитое “призвание варягов”, правление “варяга Рюрика” и как основание Великого Новгорода. Согласно нашей реконструкции, речь шла о превращении в столицу города Ярославля = Великого Новгорода на Волге. Все это происходило в XIII веке».

«К концу XIII века на Руси возникает сильная централизованная власть, опирающаяся на огромные природные богатства и ресурсы страны, а также на ее сильную профессиональную армию — Орду, костяк которой составляли казаки. (Слово ОРДА является, попросту, вариантом произношения слова РАТЬ, то есть войско; а «античное» и средневековое слово РУТЕНИЯ, которым называли Русь, означало РАТНЫЙ, РАТНАЯ страна)».

«Так на территории Руси возникла метрополия новой Империи, наследницы прежней — Ромейской. Мы называем ее Русью-Ордой или Великой = «Монгольской» Империей».

«Первыми ее царями-ханами в начале XIV века были два брата — Иван и Георгий Даниловичи. Они известны также как хан Батый и Чингиз-Хан (он же Георгий Победоносец). Создание «Монгольской» Империи отразилось во множестве документов «античности». В частности — как основание знаменитого «античного» Рима (якобы в VIII веке до н. э.) братьями Ромулом и Ремом, потомками царя Энея-Иоанна».

«В начале XIV века из Руси-Орды начинается великое = «монгольское» завоевание мира» [СК: 11].

«Это была, по-видимому, довольно мирная колонизация, в том числе и пустовавших земель Западной Европы. Часть ордынских колонистов-казаков была направлена также в Африку и Азию, в том числе в Индию и Китай. Ордынское освоение, например, Индии той эпохи известно нам из источников как появление здесь “ариев”».

«Таким образом, в XIV веке возникает огромная Великая = «Монгольская» Империя с метрополией на Руси».

«В XV веке экспансия «Монгольской» Империи и колонизация мира, начатая Русь-Ордой в XIV веке, была успешно продолжена» [СК: 12].

«Через некоторое время войска Руси-Орды и ее союзника — Османии–Атамании на нескольких морских флотах пересекают Атлантический океан и появляются в Америке. Эта грандиозная экспедиция отразилась на страницах старинных летописей как плавание Колумба...» [СК: 12–13].

«Другая часть русско-ордынских войск вошла в Северную Америку из Сибири и Дальнего Востока через Аляску, перейдя Берингов пролив. В результате «монгольской» колонизации земель Американского континента в XV веке возникают цивилизации Майя, Ацтеков, Инков».

«Таким образом, в XV веке территория Великой = «Монгольской» Империи охватила практически весь населенный мир той поры».

«(Кстати, название «Монгольская» могло произойти от славянского слова МНОГО, МОЩЬ)» [СК: 13].

«В Западной Европе, а также в некоторых жарких областях Средиземноморья начались массовые эпидемии. Ввиду недостаточного развития медицины той поры центральная ордынская власть не нашла эффективных медицинских средств борьбы с заразой. В то время прививки, вакцины и подобные средства еще не были изобретены. Чтобы остановить катастрофическое распространение болезней, Русь-Орда и Османия=Атамания направили в Западную Европу войска с беспрекословным приказом истребить поголовно население зараженных территорий» [СК: 14].

«В итоге в Западной Европе возникло заметное социальное напряжение — естественная обида на свои собственные центральные ордынские власти за беспощадную медицинскую карательную операцию».

«Местные наместники стали проявлять признаки самостоятельности».

«В конце XVI века Великая Империя вступает в период Великой Смуты. Западноевропейские наместники отделяются от центра».

«В начале XVII века Империя раскалывается. Ее метрополия — Русь-Орда — погружается в Великую Смуту. Войска Западной Европы вступают на территорию Руси. Прежняя русско-ордынская династия терпит поражение и беспощадно вырезается на корню. К власти приходят прозападные Романовы. На Руси воцаряется жесткий оккупационный порядок, вводится крепостничество ⟨...⟩. Радикальному реформированию (в частности, подчинению западноевропейским «стандартам») подвергаются практически все сферы жизни на Руси» [СК: 15].

«Именно в эту эпоху вместо прежней точки зрения: “Все в единой и неделимой Империи является общим достоянием и, в то же время, принадлежит единственному ордынскому хану-императору и распределяется им” — приходит

новая идеология раскола, выражающаяся в лозунгах: “Это — наша территория, мы здесь — полные хозяева и никому не подчиняемся”, “Мы лучше других”, “Мы тут жили раньше вас, поэтому отдайте нам эти земли”, “Наши достижения лучше ваших (наши корабли лучше ваших, наша наука лучше вашей)”, “Мы образованные, вы невежественные” и т. п.» [СК: 15−16].

«С целью обосновать права на захваченную и поделенную ими власть, узурпаторы-наместники, как в Западной Европе, так и Романовы на Руси, были вынуждены переписать историю. Великая = “Монгольская” Империя вытирается со страниц летописей, а многие события специально отодвигаются в далекое прошлое. Именно для этой цели создается фальшивая скалигеровская хронология, намеренно “удревляющая” даты многих событий XIV−XVI веков. Тем самым новые власти (узурпаторы) декларируют свою “древность”, а следовательно, и якобы наследственные права на многочисленные, только что возникшие провинциальные престолы. В отделившихся провинциях Империи на базе прежнего государственного славянского языка Империи и на базе местных диалектов изобретаются и активно внедряются новые языки (например, французский, немецкий, испанский, английский, “древняя” латынь). Это позволило мятежникам-реформаторам возвести языковые барьеры между населением новообразовавшихся государств».

«Изобретение новых языков позволило ускорить процесс погружения в небытие памяти о Великой Империи в отделившихся провинциях и предотвратить реставрацию Империи. Однако, поскольку новоизобретенные в XVI—XVII веках языки неизбежно возникали на базе славянского языка Империи, в них, оказывается, даже сегодня остались заметные славянские следы» [СК: 16].

«До конца XVIII века на территории Руси продолжала существовать огромная Московская Тартария (ее называли также Великой Тартарией) — гигантский осколок прежней

Империи. Ее территории начинались сразу за Волгой и охватывали Урал, Сибирь, Среднюю Азию, Аляску и Северную Америку. Противостояние Московской Тартарии с романовской Россией (первоначально, кстати, довольно небольшой по размерам) завершилось известной “войной с Пугачевым” во второй половине XVIII века. Западным оккупационным войскам, находившимся в России, совместно с романовскими частями, удалось разгромить Великую Тартарию. Одновременно было организовано нападение на североамериканские земли Московской Тартарии с восточного побережья. В результате возникли Соединенные Штаты Америки» [СК: 16–17].

«Начиная с XVIII века память о Великой = “Монгольской” Империи постепенно уходит в прошлое. Активную роль в этом сыграла историческая наука XVII–XIX веков, фактически выполнявшая приказ новых властей, кровно заинтересованных в том, чтобы избежать возможной реставрации Империи. Требовалось побыстрее истребить память о ней. Идея реформаторов понятна: дабы предотвратить восстановление Империи, надо, чтобы народы ЗАБЫЛИ САМ ФАКТ ЕЕ НЕДАВНЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ. Таким образом, приказ о переписывании в нужном ключе всей истории преследовал исключительно политические цели, жизненно важные как для западноевропейских реформаторов, так и их ставленников на Руси — Романовых. Этим объясняется согласованность исторической фальсификации, развернувшейся фактически по единой государственной программе в разных странах. Поскольку цель была едина» [СК: 17].

В качестве конспекта научно-фантастического романа этот рассказ выглядел бы довольно обыкновенно. Стилистика, правда, слишком уж выдает то, что это рассказ для детей. Чего стоит один лишь эпизод, где западноевропейцы обиделись на своего ордынского повелителя! Белые и черные герои (русско-ордынские ха-

ны и западноевропейские мятежники) выглядят вполне так, как положено в компьютерных играх.

Каково же изумление читателя, когда ему говорят, что это не роман, а научная концепция! И что эта концепция создана «при помощи естественнонаучных методов (в первую очередь математических и астрономических)»!

Он должен поверить в то, что математика способна установить, например, что Иисус Христос провел детство на Руси; что Новгород — это Ярославль; что в XV веке войска Руси-Орды пересекли Атлантический океан и овладели Американским континентом; что они некогда проводили в Западной Европе «беспощадную медицинскую карательную операцию»; что латынь, французский, немецкий, испанский и английский языки были изобретены мятежниками, и сотни других конкретных фактов.

С тем же успехом можно поверить, что математика знает способы воскрешения мертвых или превращения свинца в золото.

Авторы сочли уместным дать на десяти страницах [СК: 9—18] рассказ, озаглавленный «Краткое напоминание нашей реконструкции» (откуда и взяты приведенные выше цитаты), а не просто сослаться на свои предшествующие книги. На этом фоне особенно заметно, что они в то же время не нашли возможным и нужным уделить хотя бы одну страницу «краткому напоминанию», пусть даже в самых общих чертах, о том, какова та цепь заключений, в начале которой стоит нечто установленное естественнонаучными методами, а в конце — хотя бы основы того, что авторы называют «наша реконструкция». Вместо этого авторы как бы говорят читателям: «Хватит с вас того, что мы вам ре-

шительно заявляем: такая цепь заключений есть; только она находится за рамками настоящей книги, в других книгах».

Ясно, что заверения авторов «новой хронологии», будто их концепция создана естественнонаучными методами, — это просто пускание пыли в глаза простакам, которые от общего почтения к математикам готовы поверить им на слово в чем угодно.

В частности, в процитированной выше фразе: «Предлагаемые нами географические отождествления основаны вовсе не на лингвистических соображениях ⟨...⟩, а вытекают из новой математико-статистической хронологии» — использовано совершенно новое для математики и логики понимание слов «А вытекает из В», а именно: «если В, то мне начинает казаться, что А».

В самом деле, какое отношение может иметь какая бы то ни была математика, например, к установлению того, что в XIV—XVI веках весь мир был подчинен русско-ордынским правителям и говорил по-славянски?

Единственное, что может показаться непосредственно убедительным простому читателю, — это демонстрация названий из разных мест земного шара, сколько-то похожих на русские. И ровно этим авторы и заполняют свой том. Так что лингвистические выкладки служат у них отнюдь не подтверждением чего-то уже установленного, а фактически единственным основанием для их баснословных геополитических утверждений. И заверения авторов: «Отмечаемые нами лингвистические наблюдения вовсе не играют роли самостоятельных доказательных аргументов» — это чисто словесная уловка. В действительности именно эти «наблюдения», а не что-либо иное, призваны оказать психологическое воздействие на читателя.

Прекрасно известно, что распавшиеся империи оставляют многочисленные следы в языках, культуре, литературе, образе жизни входивших в империю народов. В Южной Америке, захваченной испанцами и португальцами, остались испанский и португальский языки. В странах бывшего Арабского халифата остался арабский язык. После распада Римской империи в части стран просто осталась латынь, в другой части местные языки впитали в себя множество латинизмов. В языках балканских стран, бывших под властью Оттоманской империи, множество тюркизмов. В языках на территории бывшего СССР множество русизмов. В языках бывших английских колоний множество англицизмов; и т. д. Не говорим уже об аналогичных следах в культуре, о фиксации прежних событий в национальных летописях и фольклоре и т. п.

И вот «новые хронологи» утверждают, что существовала русско-ордынская империя, охватывавшая практически весь мир. Особо подчеркивается, что под русско-ордынским владычеством находились Западная Европа и Америка.

Но где же тогда следы такого прошлого, которые неизбежно должны были бы остаться?

О каких-либо следах в культуре, искусстве, литературе, фольклоре, в летописных традициях и т. п. авторы даже и не говорят. Единственное, что они в связи с этим обсуждают, — это слова.

При этом, однако, практически никаких русизмов в языках Западной Европы или Америки они не указывают. Дело в том, что в книге вообще почти отсутствуют какие-либо упоминания конкретных языков, скажем, немецкого, испанского, какого-нибудь из индей-

ских, — авторы как будто не замечают существования в мире разных языков.

Все сводится к проблеме географических наименований. Книга СК построена как собрание свидетельств о том, что весь мир полон географических наименований русского (или русско-ордынского) происхождения. Каково качество этих свидетельств с точки зрения серьезной лингвистики, мы покажем ниже.

Отрицание науки лингвистики

Есть много сходства в том, как АТФ трактует существующую историческую и существующую лингвистическую науку, — он не признает за ними никакого объективного знания, попросту говоря, дает понять, что как науки они вообще не существуют.

Но тут есть разница между историей и лингвистикой. По утверждению АТФ, ошибочность традиционной истории вытекает из произведенных им математических и астрономических расчетов. А коль скоро это так, то взгляд на историю должен быть пересмотрен, чтó АТФ и делает: он строит новое представление об истории, в корне отличающееся от традиционного.

Что же касается существующей лингвистики, то здесь АТФ даже и не выставляет никаких математических или астрономических соображений, которые дали бы основание ее отрицать. Он, правда, прежде пытался объявить существующую лингвистику несостоятельной на том основании, что она якобы построена на традиционной хронологии и в силу этого неверна. Но это было совершенно голословное заявление: выводы лингвистики в действительности независимы от хроноло-

гии (см. об этом главу 2, раздел «Любительские поиски происхождения слов»).

Но раз нет математических оснований отрицать лингвистику как науку, то АТФ, недолго думая, отрицает ее уже без всяких оснований — если, конечно, не считать основанием мнение самого АТФ, что ему как математику в любой области знания виднее, чем соответствующим специалистам, что́ верно, а что́ неверно.

Заметим, что судьбу лингвистики разделяют и другие дисциплины, данные которых свидетельствуют об абсурдности фоменковской перекройки мировой истории.

Так, дендрохронология, как мы узнаём от АТФ, ничего не стоит.

Радиоуглеродный анализ, как мы узнаём из того же источника, тоже ничего не стоит.

Какое значение может иметь то, что в той и другой области работает множество исследователей в десятках стран! АТФ, возвышаясь в своем статусе математика сразу над всеми науками, сообщает нам: никакие выводы этих дисциплин не следует принимать во внимание.

Современная лингвистика представляет собой развитую область знания, в которой работают десятки тысяч специалистов. Прошло время, когда эта наука представлялась чисто умозрительным занятием, не имеющим отношения к практической жизни. Специалисты-лингвисты ныне активно востребованы, помимо гуманитарной сферы, в самых передовых и активно развивающихся сферах техники, прежде всего в мире информатики и компьютерных технологий.

В лингвистике сформирован развитый понятийный аппарат, успешно обслуживающий описание и практи-

ческое применение языков, равно как все виды обработки текстов.

Лингвистика накопила огромный фонд знаний о конкретных языках и об их истории. Тем самым она обладает обширнейшими сведениями о том, что бывает и чего не бывает в естественных языках. На основе этих сведений выявлен ряд важнейших закономерностей, которым подчинено функционирование языков и их историческое развитие.

В книге НХ авторы «новой хронологии» проявили полное незнакомство с основными положениями лингвистики, хотя они активно занимались вопросами, связанными с языком. Можно было предположить, что они наивно не подозревали о существовании лингвистики как науки.

Но ныне критика со стороны лингвистов, в частности, та, которая содержится в моей статье, составившей выше главу 2, авторам известна (АТФ ведь даже отвечал на эту мою статью). То есть они уже знают, что профессиональные лингвисты оценивают их лингвистические выкладки как безграмотные.

Какова же их реакция? Исправили ли они хоть что-нибудь из своих лингвистических ошибок? Оспорили ли пункты, в которых они считают критику неверной?

Они реагируют не как ученые, а как лидеры движения, для которого давно существенна не истина, а забота о сохранении и укреплении своих рядов. В своих лингвистических абсурдах они не изменили ничего; кое в чем даже пошли дальше прежнего. Иначе говоря, они открыто игнорируют общепризнанные положения лингвистики.

Вместо этих положений они продолжают пользоваться самыми примитивными и невежественными приемами любительской лингвистики.

Тем самым они ясно показывают своим последователям, что с их точки зрения никакой науки лингвистики, которая знала бы про язык больше, чем произвольный человек любого рода занятий, не существует.

Представим себе химика-любителя, который заявляет профессиональным химикам: «Я не хочу ничего слышать про вашу таблицу Менделеева, про ваши атомные веса, молекулы, формулы реакций и всё тому подобное. Ничего этого я своими глазами не вижу. И я действую попросту — вижу цвет раствора и понимаю: раз цвет одинаковый, значит, и вещество одно и то же. И больше мне ничего не надо».

АТФ — лингвист совершенно такого же уровня. Ему объясняют, что есть фонемы и морфемы, есть законы фонетических изменений, существует родство языков, существуют памятники, запечатлевшие древнее состояние конкретного языка, и т. д. Все это он полностью игнорирует, принимая во внимание ровно одно: внешний вид слова любого языка в русской транскрипции, то есть то, что он может видеть, не изучая ни языков, ни их истории, ни лингвистических законов. И если два слова (любых языков и эпох) имеют одинаковый или похожий внешний вид, то он смело делает вывод, что одно из них произошло из другого. То есть действует воистину попросту — совершенно так же, как тот химик-любитель.

К несчастью для лингвистики, в нашем обществе элементарная грамотность в сфере лингвистики встречается несравненно реже, чем грамотность в сфере химии. И поэтому подобный химик-любитель не вызовет у окружающих ничего кроме насмешки, а лингвист-любитель, увы, может пользоваться благосклонностью немалого числа слушателей или читателей.

В книге СК имеется новшество, возникшее, возможно, в связи с критикой со стороны лингвистов. А именно, принято решение механически добавлять почти к каждому утверждению, касающемуся происхождения слов, некое «смягчение категоричности»: «может быть», «по-видимому», «не исключено», «вероятно», «скорее всего», «могло произойти». Тем самым авторы как бы ограждают себя от критики со стороны лингвистов: они ведь, с формальной точки зрения, ничего не утверждают с определенностью.

Нельзя не признать этот новый прием довольно ловким. Конечно, книга, состоящая из 630 утверждений, которые все даны со словами «может быть», с научной точки зрения не представляет по сути дела никакой ценности: ведь в каждом из 630 случаев решение может быть и не таким. Но книга СК рассчитана вовсе не на научную оценку. Она рассчитана на легковерного и некритического читателя, который не придаст большого (или даже вообще никакого) значения всем этим «может быть» и «по-видимому», тем более что, повторяясь при каждой фразе, они уже начинают восприниматься просто как пустая речевая формальность. Между тем сам натиск 630 утверждений, упорно бьющих в одну точку: «смотрите, русские некогда владели всем миром» — должен пленить читателя и заставить его поверить в основной тезис авторов.

Любительская лингвистика в действии

Ниже приводится еще некоторое число примеров из книги СК. Читатель легко заметит, что они вполне похожи на примеры из НХ, которые мы приводили выше в главе 2. Соответственно, и при их рассмотре-

нии мы поневоле снова затрагиваем те же проблемы, которые уже обсуждались при анализе НХ. Но детально комментировать каждый из приводимых примеров я не буду (такие комментарии читатель при желании может найти в книге Чувардинский 2007).

Скажу коротко с полной ответственностью: сравнения слов в СК, в частности, все без исключения примеры, приводимые ниже, с точки зрения лингвистики чудовищны. Это уровень самой невежественной графомании.

Не спасают и «смягчения» вроде «может быть», «возможно», «не исключено» и т. п. На самом же деле: не может быть, невозможно, исключено. А в тех редчайших случаях, где теоретически все-таки может быть, то только с вероятностью, близкой к нулю.

Лингвисты уже давно указали авторам, что главной для языка является его устная форма, а письменная факультативна и у большинства языков мира до недавнего времени просто отсутствовала. И что новые слова всегда возникают в устной речи и лишь после этого фиксируются на письме, а не наоборот.

Но у авторов «новой хронологии» по-прежнему все объяснения исходят из того или иного «прочтения». Им ничего не стоит предположить, например, что картограф случайно или намеренно исказил название города на карте и вот уже в самом этом городе (который может быть сколь угодно древним) жители начинают называть его не так, как они привыкли, а в соответствии с этой картой.

Особенным успехом пользуется «обратное прочтение», т. е. прочтение слова задом наперед (о котором подробно рассказано в главе 1, в разделе «Вольные иг-

ры со звуковым составом слова»). Авторам, конечно, известно разъяснение лингвистов, что никакого «обратного прочтения» ни в западных, ни в восточных языках, ни в зонах их контакта, кроме как в словесных играх, не бывает и что никаких новых слов, возникших из «обратного прочтения» какого бы то ни было слова, в языках мира нет.

Но авторы воинствующим образом игнорируют этот факт. В самом деле, им просто немыслимо отказаться от такого ценнейшего инструмента для перелицовки слов (в которой они постоянно испытывают потребность). В их мире небывалое событие, именуемое «обратное прочтение», происходит на каждом шагу. Пример: «Название ALBION могло произойти от слова БЕЛЫЙ при обратном его прочтении: БЕЛ → АЛЬБ» [СК: 270].[27]

Из того же БЕЛЫЙ тем же обратным прочтением получаются *Альпы* [276].[28] Из *Орды* обратным прочтением получаются река *Одер* [335] и река *Doris* (испанское *Duero*) [274]. Из *Руси* обратным прочтением получаются *Сирия* и *Ассирия* [326], а также и *Сербия* [334]. И т. д.

В дополнение к «обратному прочтению» авторы ныне изобрели еще один совершенно фантастический спо-

[27] Мы уже не обращаем здесь внимания на то, сколько дополнительных операций, помимо «обратного прочтения», требуется для превращения БЕЛ в АЛЬБ. Ирония ситуации состоит в том, что название *Albion* и в самом деле произведено от слова со значением ‘белый’, но только это латинское *albus*, никак исторически не связанное с русским словом *белый.*

[28] Здесь и ниже мы опускаем обозначение СК в группах тесно следующих друг за другом примеров.

соб обработки слов, дающий нужное им звучание. В сообществе лингвистов-любителей авторы могут брать патент на этот прием. Берется сочетание, скажем, *Белая Русь* и первая часть сокращается до одной своей начальной буквы: *Б-Русь.* Полученный результат уже годится для объяснения любых слов, содержащих последовательность *брус-*, например:

> «Кстати, может быть, название BRUSSEL (БРЮССЕЛЬ) является легким искажением слова Б-РУССЫ, то есть Белые РУССЫ» [СК: 600].
>
> «На юге Италии отмечена область ABRUZZO, название которой, по-видимому, произошло от слов РУССЫ или Б-РУССЫ, то есть Белые Руссы или Белорусы» [606].

Разница между *б* и *п* — для авторов «новой хронологии», конечно, пустяк, поэтому ничто не мешает выдвинуть и такие утверждения:

> «Область ПРУССИЯ (PRUSSIA), 〈...〉 означало ранее, вероятно, П-РУССИЯ, то есть Белая РУСЬ, БелоРУССИЯ» [СК: 342].
>
> «В центре Франции Птолемей указывает область и народ PARISIJ, то есть ПАРИЖАНЕ, в современном произношении. Отсюда и слово ПАРИЖ. 〈...〉 Ранее слово PARISIJ указывало, скорее всего, на П-Русов, то есть на Белых Руссов, белорусов, пришедших сюда из Белой Орды во время завоеваний XIV века» [278—279].

Можно двигаться по этому пути и дальше:

> «От слова П-РУСЫ произошло, скорее всего, и «античное» название ПЕРСЫ, ПЕРСИЯ» [299].

Что авторам из того, что записи типа *Б. Русь* не существуют нигде, кроме письменных канцелярских обозначений, никогда не произносятся как *брусь* и нигде и никогда не превращаются в названия географиче-

ских пунктов в живом языке? Ведь они уже давно без всякого смущения пользуются «обратным прочтением», которое точно так же не создает новых названий никогда.

Историческая лингвистика давно установила, что каждый фонетический переход, во-первых, строго ограничен определенным языком и определенным периодом его истории, во-вторых, за весьма редкими исключениями носит характер не индивидуальный, а всеобщий, т. е. совершается во всех словах данного языка, где имеется соответствующая совокупность условий.

Авторы вновь полностью игнорируют это положение, как если бы они никогда о нем не слышали.

Произвол в замене одних букв на другие, их выбрасывании, добавлении и перестановке — совершенно такой же, как в работе НХ.

Например, слово *Орда*, если верить авторам, дало десятки, если не сотни географических названий в самых разных уголках земного шара. Вот некоторые из наиболее известных (приводим, где это не мешает изложению, современные названия):

горы *Арденны* (якобы[29] «Ордынская область»), озеро *Гарда*, *Адриатическое* море, *Хорватия*, *Кордова*, *Грац*, *Гродно*, *Herteford* (в Англии) (из *Horda* + *Horda*, т. е. *Орда* + *Орда*[30]), *Эрфурт* (тоже из *Horda* + *Horda*), *Карфаген* (из *Horda* + *Жена*), *Пикардия* (из *Пика Орды*), реки *Одер* и *Дуэро* (ср. выше), *Лабрадор*, *Порто* (и *Португалия*; из *П-Орда*, по модели *П-Руссия*).

[29] Далее слово «якобы» опускаем, иначе мы устали бы его повторять.

[30] Оно и верно: назвать город просто *Орда* все-таки как-то недостаточно выразительно; то ли дело *Орда-Орда*!

Немногим меньше названий возникло, как мы узнаём, из слов *Русь*, *Руссы*, *Русины*, например: *Аризона*, *Арецдо*, *Ла-Рошель*, *Рошфор*, *Mar Rosso* (т. е. Красное море), также *Абруццы*, *Брюссель*, *Пруссия*, *Париж*, *Персия* (ср. выше). И, конечно, в этом списке фигурирует и «фирменное блюдо», своего рода масонский знак, символизирующий принадлежность к сообществу лингвистов-любителей, — *этруски* («это русские»). О названии *Брешиа* см. отдельно ниже.

Из *тартары* (*татары*) получились, в частности, *Тарту*, *Трир*, *Феррара* и очень много другого.

Приведем и некоторые другие примеры с достопримечательными фонетическими отношениями между сравниваемыми словами (наши пояснения даны в угловых скобках):

> «Слово КЕЛЬН является, ясное дело, легким искажением слова КОЛОНИЯ, то есть русского слова СЕЛЕНИЕ» [СК: 347].
>
> «Кстати, слово Lacus тоже славянское, происходит от ЛАКАТЬ, ЛУЖА, ЛАКАЮ, ВЛАГА [596]». ⟨Латинское *lacus* — 'озеро'.⟩
>
> «Название известного перуанского города Куско (CUSCO), ⟨...⟩ может быть, происходит от слова КАЗАКИ» [466].
>
> «Не исключено, что название Мексика произошло от слова Москва, Мосох, Мешех. В частности, название Мексиканского залива — Golfo Mexi cano (как оно написано на данной старинной карте), могло произойти от словосочетания Московский Хан или Мосох хан (Mexi cano)» [462].

Как уже указывалось в главе 1, для лингвиста-любителя связать по смыслу любые два понятия — не проблема. В книге СК наивность и нелепость предполагаемых смысловых переходов нередко побивает все рекорды. Вот некоторые примеры:

«А название РОНА для многих рек Европы ⟨...⟩ — это славянское слово, означающее “ронять” капли, слезы и т. п.»; «Повторим, что РОНОЙ называли реку вообще» [СК: 345, 346]. ⟨Что и говорить, самое заметное свойство реки, конечно, то, что она роняет капли.⟩

«Латинское слово INSVLA (insula), вероятно, произошло от славянского НАСЕЛЯЮ, НАСЕЛИТЬ» [270]. ⟨*Insula* — 'остров'; населенность — это, конечно, определяющая черта острова.⟩

«Любопытно, что ВСЯ Америка целиком именовалась ИНДИЕЙ НОВОЙ. То есть “далекой новой” страной, поскольку слово Индия произошло от старого русского слова ИНДЕ = далеко, где-то» [462]. ⟨Комментарии здесь и далее, по-видимому, уже излишни.⟩

«Может быть, название Бразилии (Bresilia) произошло от славянского ПОРОСЛЬ, то есть страна, заросшая, поросшая лесами» [462].

«Известный прибрежный город Салоники (Salonica) ⟨...⟩ получил свое название, может быть, от слова СОЛЕНЫЙ, поскольку в море — соленая вода» [334].

«Название прибрежного города BARSALONA (современная Барселона) могло произойти от сочетания БЕРУ + СОЛЕНЫЙ, Брать Соль, поскольку вода в море — соленая. Может быть, тут специально собирали соль. Возможен и другой вариант: БЕРег СОЛЕНЫЙ, БРег СОЛЕНЫЙ, то есть берег соленого моря» [338].

«Не исключено, что название Сарматия Азиатская — SARMATIA ASIAtica — произошло от сочетания «Царя Мать Иисуса» [316].

Как и в книге НХ, авторы как бы не знают, что на свете существуют разные языки. И совершенно не подозревают о том, что, говоря о переходе одного звука (у авторов — буквы) в другой, нужно указать, в каком языке. Например, мы находим следующее рассуждение:

> «Может быть, в название известного испанского города КОРДОВА (CORDUBA на карте Птолемея) ⟨...⟩ тоже вошло слово HORDA = Орда, при переходе Г-К, т. е. HORDA → CORDU-ba. Отсюда, кстати, видно, что Б и В переходили друг в друга» [СК: 338].

Последняя фраза выглядит как скрытая реплика на наше замечание о том, что в русском языке *б* и *в* никогда не «переходят» друг в друга (см. главу 2, раздел «Любительские поиски происхождения слов»). Авторам не приходит в голову, что их пример может что-то говорить только об испанском языке, но не о любом языке вообще.

А вот еще одно замечательное утверждение:

> «Кстати, название известного города БРЕШИА могло произойти от Б-РАША, то есть Белая Русь или П-Руссия, Б-Руссия» [СК: 286].

Отсюда видно, что авторам все равно, как назвать Русь, — РУСЬ или РАША (так они передают английское *Russia*). О том, чтó это было за общество, где Русь могли называть то РУСЬ, то РАША, авторы не задумываются.

И совершенно невообразимое по беспардонности отношение к другим языкам проявляется у авторов в том, что они без всякого смущения берутся объяснять из славянского (или просто русского) языка даже те названия, которые в местном языке имеют ясный смысл. Вот пример:

> «Название VENESVELA (современная Венесуэла), по-видимому, произошло от славянского ВЕНЕЦ ВЕЛикий. Эта мысль подтверждается также тем, что здесь же, рядом, на карте мы видим название Венесуэла в форме VENEZUELA ⟨...⟩. Здесь славянское слово ВЕНЕЦ присутствует в своей точной форме: VENEZ» [СК: 470].

И это притом, что хорошо известно, как сложилось это название: оно пошло от индейского свайного поселения на берегу моря, которое показалось испанцам похожим на Венецию, и они назвали его *Venezuela*, то есть 'маленькая Венеция' (*-uel-a* — широкоупотребительный испанский уменьшительный суффикс).

В книге Чувардинский 2007 разбирается целый ряд других примеров такого же рода из СК: например, названия, включающие французское *fort* 'форт, крепость' «новые хронологи» трактуют как содержащее все то же пресловутое *Орда*; в ту же Орду у них превращается английское *ford* 'брод'; французское *roche* 'скала' превращается в *Русь*; *Ferrara* (прозрачное производное от итальянского *ferro* 'железо') толкуется как *тартары* (*татары*) и т. д.

Чтобы почувствовать, какое надругательство над языком представляют собой подобные «истолкования», вообразите, что английский любитель, столь же невежественный и тенденциозный, как АТФ, взялся истолковать название *Красная площадь* и «разгадал» его так: это название — «слегка искаженное» английское *crusty plot* 'покрытый коркой земельный участок'. У немца разгадка бы вышла другая: *krasser Plotz* 'резкий удар'. У француза — третья: *crasse de pelote* 'грязный ком'. «Но это же всё бессмыслица!» — скажете вы. Но разве «венец великий» или «беру соленый» намного осмысленнее?

Смею заверить читателя, что с этой задачей (истолковать *Красную площадь* на своем языке) справился бы и арабский любитель, и турецкий, и китайский. Для этого достаточно вооружиться фоменковской методикой сравнения слов.

Нетрудно представить себе, какое чувство вызвала бы подобная изобретательность иностранных лингви-

стов-любителей у русской публики, особенно если бы каждый из них заявил, что это именно его национальные войска стояли на Красной площади, когда ей давали такое название. Но АТФ и не рассчитывает на одобрение в Венесуэле. Ему достаточно того, чтобы вызвать энтузиазм у простаков в России.

В статье «Лингвистика по А. Т. Фоменко» я в подробностях показал, каким немыслимым, нечеловеческим всеведением должен был бы обладать изобретатель латыни, если бы латынь была «изобретена».

И вот АТФ не только повторяет свой абсурд про изобретение латыни (на сей раз это событие происходит аж в XVII веке[31]), но и с поистине молодецким размахом относит к числу изобретенных тогда же еще и французский, немецкий, испанский и английский языки (см. цитату выше, в разделе «Конспект мировой истории по А. Т. Фоменко»).

В самом деле, как же было прихвостням властей не изобрести четыре-пять языков, если была такая сильная потребность «возвести языковые барьеры между населением новообразовавшихся государств». Ну, а уж народы, конечно, послушно оставили свой прежний язык (славянский, как объясняет нам АТФ) и перешли в полном составе каждый на тот новоизобретенный язык, который был им предписан. А потом, чтобы за-

---

[31] В НХ мы читали, что латынь была «создана» в XII—XIII веках. Но подобных несхождений в 4—5 веков и любых других внутренних противоречий в сочинениях «новых хронологов» такое великое множество, что на них смешно обращать внимание. «Новые хронологи» не успевают и не считают нужным следить за такими мелочами: на их последователей такие вещи не производят никакого впечатления.

мести следы, быстренько понаписали тысячи томов на свежевыученных искусственных языках, которые мы теперь наивно называем великой французской, немецкой, испанской и английской литературой, придумав в каждой вереницу никогда не существовавших авторов предшествующего тысячелетия.

Отметим, что круг фальсификаторов истории ныне у АТФ сильно расширился по сравнению, скажем, с сочинением 12-летней давности НХ, которое мы разбирали выше. Там вину за фальсификацию несли историки. Их, конечно, было много, но все же это была весьма небольшая часть населения. А теперь мы узнаём от АТФ, что в этом деле участвовало великое множество людей всех родов занятий. Все люди, сохранявшие память о четырех-пяти поколениях своих предков, не говоря уже о тех уважающих себя родах, которые сохраняли память о десятке и более поколений, в угоду властям рассказывали своим детям уже не прежнюю семейную историю, где несколько поколений тому назад фигурировали, как понятно из объяснений АТФ, люди со славянскими именами, а специально придуманную, в подражание фальсификаторам-профессионалам, фальшивую семейную историю, где предкам были приписаны выдуманные французские, немецкие, испанские, английские имена.

Борьба с наукой

Все сопоставления из книги СК, приведенные выше в качестве примеров, не просто ошибочны. Они вопиющим образом нарушают все самые элементарные требования к сравнению языковых единиц. Уровень «новых хронологов» в этом занятии ровно такой

же, как у шестилетнего мальчика, которому предложили бы поползать по карте мира и отыскать на ней как можно больше названий, хоть сколько-нибудь похожих на какие-нибудь из известных ему слов. Можно только ужасаться тому, что этим много лет подряд занимаются взрослые дяди с академическими званиями.

Следует полагать, однако, что эти дяди в действительности знают, что делают, — они открыто борются с профессиональной лингвистикой, которая стоит на их пути, рассчитывая победить ее не на поле научной дискуссии, а в сражении за симпатии массового читателя.

Вот несколько более конкретных соображений, приводящих к сильнейшему сомнению в том, что «новые хронологи» просто наивны, как шестилетний мальчик.

Читая о сопоставлениях вроде *Кордова — Орда*, невозможно представить себе, чтобы математик не понимал, какого рода задачу он решает при отыскании таких соответствий.

Возьмем карту какой-нибудь страны, скажем, карту любой испаноязычной страны Южной Америки. Если карта подробная, то на ней будут тысячи географических названий. Все они записаны средствами испанского языка и могут быть затранскрибированы по-русски. В испанском языке (а также и практически во всех индейских) есть фонемы, которые в русской записи будут переданы как *р*, *д*, *т*, *г*, *к*, *ф*, *о*, *а, у*.

Как мы видели выше при перечислении слов, которые, по мнению авторов «новой хронологии», произошли от слова *Орда*, для сопоставления со словом *Орда* авторам достаточно встретить любую буквенную цепочку из довольно большого списка (включающего, в частности, *орд*, *ард*, *гард*, *корд*, *карф*, *грод*, *форд*, *фурт*, *одер*, *дор* и ряд других). Назовем такие цепочки «совмести-

мыми со словом *Орда*». В составе слова цепочка необязательно должна быть начальной или конечной: то, что стоит перед ней или после нее, разрешается истолковывать как часть сложного слова или аффикс. Понятно, что «новые хронологи» признали бы совместимыми со словом *Орда* не только указанные выше, но и многие другие цепочки.

Мы не будем здесь строить точных правил того, какие именно цепочки признаются совместимыми со словом *Орда* (и тем более с произвольным словом W). Но математику было бы как раз естественно это сделать.

Дальше он мог бы посчитать (учитывая, что русских букв всего 33, и исходя, например, для простоты из гипотезы о случайном распределении фонем в словах рассматриваемого языка), какова вероятность того, что, скажем, в тысяче названий встретится хотя бы одно, содержащее цепочку, совместимую с *Орда*.

Думаю, без всяких подсчетов любой согласится, что эта вероятность близка к единице. Более того, велика вероятность того, что названий с такими цепочками найдется существенно больше чем одно.

Но ведь «новым хронологам» достаточно даже одного такого названия, чтобы заявить: вот след пребывания здесь Орды (русско-ордынского войска). Отсюда следует, что с вероятностью, близкой к единице, в любой стране мира найдется хотя бы один «след» пребывания там Орды.

Однако столь же очевидно, что всё то же самое верно не только для слова *Орда*, но и, например, для немецкого слова *Ort* ‘место’, и для латинского слова *ordo* ‘порядок’, и для арабского слова ’*arḍ* ‘земля’, и для таджикского слова *орд* ‘мукá’, и т. д.

Но и это, конечно, лишь ничтожная часть всех тех слов самых разных языков, для которых все сказанное о слове *Орда* тоже верно: ведь для этого годится любое слово любого языка, состоящее из небольшого числа достаточно распространенных фонем.

Но отсюда следует, что наличие у слова *Орда* «следов» во всем мире, которое «новые хронологи» подают как важный научный факт, подтверждающий новую концепцию истории, в действительности решительно ничего не подтверждает. Ведь если следовать фоменковской методике, то можно взять почти любое короткое слово любого языка, и его «следы» непременно найдутся во всех странах мира!

Как может математик не произвести этого простого расчета?

Дело, таким образом, не в неведении.

«Новые хронологи» поступают не как ученые, а как мастера пиара и рекламы, мастера психологического воздействия на легковерных и некритичных.

В своей статье о «лингвистике по АТФ» я выдумал, в качестве пародии на утверждения АТФ, ряд очевидных абсурдов, добросовестно стараясь, чтобы они были как можно глупее. Среди этих пародий были, например, такие: «Названия Сирия, Ассирия и Персия — это просто переиначенное название Руси, России»; «На русском языке говорили когда-то во всем мире»; «Первоначальное население Южной Америки составляли русские».

И что же? Оказывается, многие из придуманных мною пародий, например, все те, которые здесь приведены, в самом деле содержатся в тех или иных сочинениях тех же авторов — в качестве поданных всерьез

утверждений «новой хронологии»! В частности, все они фигурируют и в книге СК.

Что и говорить, в такой беспардонности опознается рука большого мастера пиара. Это ведь сильный ход, обезоруживающий критика, — на обвинение в абсурде с полной решительностью отвечать еще бо́льшим абсурдом.

Например, читатель изумляется: «Как же вы говорите, что Америку захватил русско-ордынский флот? Ведь Америку открыл Колумб!». А тут АТФ спокойно отвечает: «Так флот Колумба и был русско-ордынским» (см. цитату выше, в разделе «Конспект мировой истории по А. Т. Фоменко»).[32]

Или читатель не может поверить, что название *Салоники* происходит из русского слова *солёный*: «Ведь полное название города — *Фессалоники*, в греческом словаре указано, что оно значит 'фессалийский', 'принадлежащий Фессалии' и встречается уже у Полибия и Плутарха!» На что «новые хронологи» ему ответят: «А не было никакого Полибия и никакого Плутарха».

Или читатель недоумевает: «Разве это мыслимо, чтобы латынь была кем-то изобретена?» Ответ: «Да что там латынь! Точно так же были изобретены еще и французский, немецкий, испанский и английский!»

Попробуйте-ка потягаться с таким полемистом.

Игнорируя профессиональную лингвистику, «новые хронологи» недвусмысленно приглашают своих последователей встать на ту точку зрения, что никакой науки

[32] Так что Колумб — это скорее всего просто русский человек Коля. Надеюсь, что в следующем томе сочинений АТФ этот случайно не замеченный им факт уже займет свое законное научное место.

лингвистики, которая знала бы про язык больше, чем человек с улицы, не существует.

Если раньше занятие АТФ происхождением слов можно было квалифицировать просто как невежественное любительство, ныне оно отчетливо превратилось в агрессивную деятельность, открытую войну против науки лингвистики, против признания выявленных этой наукой закономерностей в строении языков.

Вот характернейший пассаж:

> Однако мы отнюдь не настаиваем на нашей реконструкции и каждый раз, когда предлагаем то или иное прочтение старинных названий, сопровождаем его словами «вероятно», «может быть», «по-видимому», «могло произойти». Читателям предоставляется возможность составить собственное мнение о происхождении тех или иных старинных наименований на картах Птолемея [СК: 7].

Эти приглашения содержатся и в других местах книги:

> «Мы предоставляем читателям дальнейший анализ названий на карте Птолемея» [274].
>
> «Предоставляем читателям продолжить наше исследование» [624].

Позиция АТФ совершенно ясна: происхождение наименований — это дело личного мнения, небольшого индивидуального размышления; никакие справочники, никакое знание языков, никакие специалисты-лингвисты здесь не нужны.

Наибольший вред здесь заключается в том, что эта позиция активно внушается массовому читателю. Это — тяжкий грех развращения неподготовленного читателя, апелляция к самым примитивным реакциям. Читателя учат не уважать и даже просто не признавать никакие

гуманитарные науки, а вслед за ними и принцип научного профессионализма вообще.

> З а м е ч а н и е. Не исчезает не раз уже возникавшее подозрение, что АТФ просто насмехается над легковерным человечеством. Многие страницы новой книги выглядят как откровенная насмешка над готовностью ловителя сенсаций «проглотить» совершенно очевидные абсурды. Такое впечатление, что АТФ с позиции супермена ставит широкомасштабный человековедческий эксперимент — проверяет границы бездумного легковерия, желая, как кажется, убедиться, что таких границ не существует.

В итоге теория АТФ, которая при своем зарождении имела все же облик научного поиска объективной исторической истины, в ее нынешнем виде такой оценки уже никоим образом не заслуживает.

Уже много лет подряд «новые хронологи» производят только сочинения, состоящие из неимоверных дилетантских домыслов о ходе мировой истории. Эти домыслы множатся и ветвятся. Авторам откуда-то удается узнать все больше и больше подробностей из «новохронологической истории» самых разных стран мира с тем, чтобы заполнить ими новые тома своих сочинений.

Особое прискорбие вызывает отчетливый дрейф этих сочинений в сторону все более явной и грубой тенденциозности. Тенденция банальна и примитивна: показать якобы научным способом, что русские (в союзе с ордынцами) были некогда властителями мира.

Так, в книге НХ еще не было сказано, что по-русски говорили во всем мире; лишь отдельные эпизоды могли наводить читателя на мысль, что авторы предполагают нечто близкое к этому. В книге СК этот абсурд уже формулируется без всякого смущения. В НХ еще не было речи о том, что русско-ордынский флот

овладел Америкой. В СК это сказано черным по белому. И т. д. И, конечно, предельно вызывающий характер носит само название книги: «Старые карты Великой Русской Империи» — ведь читатель сразу же видит, что речь идет о картах мира (одна из таких карт для полной наглядности даже воспроизведена на обложке).

Фантастическая идея некогда существовавшей могущественной русско-ордынской империи, которая якобы подчинила себе весь мир, но впоследствии была развалена подрывными действиями Запада, увы, очевидным образом смыкается с содержанием многочисленных публикаций (в печати или в Интернете), не имеющих никакого отношения к науке и открыто проповедующих идеи якобы извечного величия Руси (России) и якобы извечной враждебности Запада. Чего стоит одно только «открытие», что Иисус Христос родился и провел детство и значительную часть жизни на Руси.

А. Т. Фоменко попадает тем самым в компанию невежественных и грубо тенденциозных графоманов, осчастливливая их тем, что в их сообществе имеется теперь и академик Российской Академии наук.

ЛИТЕРАТУРА

Голубцова, Смирин 1982 — *Е.С.Голубцова, В.М.Смирин.* О попытке применения «новых методик статистического анализа» к материалу древней истории // «Вестник древней истории». 1982, № 1; перепечатано в: История и антиистория–1 (с. 82–130) и История и антиистория–2 (с. 82–130).

История и антиистория–1 — История и антиистория. Критика «новой хронологии» академика А.Т.Фоменко. М., 2000.

История и антиистория–2 — История и антиистория. Критика «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко. Анализ ответа А.Т.Фоменко. М., 2001.

Красильников 2001 — *Ю.Д.Красильников.* Затмения Фукидида // «Так оно и оказалось». Критика «новой хронологии» А.Т.Фоменко (ответ по существу). М., 2001. С. 294–314.

НХ — *Г.В. Носовский, А.Т.Фоменко.* Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима. Изд. 2-е. Т. 1–2. М.: Издательский отдел Учебно-научного центра довузовского образования МГУ, 1996. Тома 1 и 2 обозначаются соответственно как НХ–1 и НХ–2.

Пономарев 1996 — *А.Л.Пономарев.* Когда Литва летает или почему история не прирастает трудами А.Т.Фоменко // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 18 (1996); перепечатано в: История и антиистория–1 (с. 191–217) и История и антиистория–2 (с. 191–217).

Семиотика–XV — Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 576. Типология культуры. Взаимное воздействие культур. — Труды по знаковым системам, XV. Тарту, 1982.

СК — *Г.В.Носовский, А.Т.Фоменко.* Старые карты Великой Русской Империи (Птолемей и Ортелий в свете новой хронологии). СПб.: Издательский Дом «Нева», 2005.

Фасмер — *М. Фасмер.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.

Чувардинский 2007 — *В. Г. Чувардинский.* История с географией. Как приостановить победное шествие математических историков. Апатиты, 2007.

Москва

16 мая 2007 года

Церемония вручения Литературной премии
Александра Солженицына 2007 года
и прием по этому случаю состоялись
16 мая в московском Доме Русского Зарубежья.

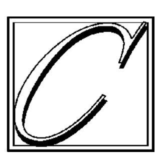
Слово от имени Жюри,
присудившего данную Премию
Андрею Зализняку,
произнес
Борис Николаевич Любимов.

По просьбе Жюри
слово произнес
Владимир Андреевич Успенский.

С ответным словом выступил
Андрей Анатольевич Зализняк.

Борис Любимов

ПОЭЗИЯ ГРАММАТИКИ

С чего всё началось? С выхода ли книги Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» (1963), или, год спустя, с первого тартуского симпозиума и книги Лотмана «Лекции по структурной поэтике», с посмертно изданных трудов Томашевского по теории стиха и его взаимоотношения с языком (1958), или ещё раньше, с колмогоровских семинаров по изучению стиха математическими методами, или с книги Лихачева «Человек в литературе Древней Руси» (1958), — так или иначе, но к середине 60-х годов в сфере гуманитарных дисциплин, и прежде всего филологии, вдруг «стало видимо во все концы света», по слову Гоголя. Имена прошедших школу сталинских репрессий Лосева, Бахтина и Лихачева, молодого Топорова — будущего лауреата Солженицынской премии и совсем молодых Аверинцева или Панченко и многих других (некоторые из них присутствуют в этом зале, включая чествуемого сегодня Сергея Георгиевича Бочарова), стали известны и важны отнюдь не в узкой литературоведческой среде. Филология выходила из собственных пределов, встречаясь с достижениями русской религиозной философии XIX–XX веков и отечественного богословия. Дело не только в том, что ученые про-

тивостояли господствующей идеологии, — в их трудах просматривалось складывающееся собственное мировоззрение, а у многих и отчетливая конфессиональная принадлежность, что ничуть не препятствовало, а, на мой взгляд, и способствовало их выдающимся филологическим достижениям.

Всё происходило одновременно. Я отчетливо помню, как весной 1967 года я читал только что опубликованную «Поэтику древнерусской литературы» Лихачева, с пылу с жару попавший в руки том Трудов по знаковым системам с «Обратной перспективой» отца Павла Флоренского и на папиросной бумаге отпечатанное Письмо съезду А. И. Солженицына, по стечению обстоятельств написанное ровно 40 лет назад — 16 мая 1967 года, о чем уместно сказать здесь и сейчас. И если в этом письме писатель призывал российских писателей к тому, чтобы они высказали «опережающие суждения о времени» — отличительная черта суждения самого Солженицына, то, быть может, все значение отечественных гуманитарных наук 60-х годов в том, что они высказывали «опережающие суждения» в своей сфере и потому эти суждения становились достоянием смежных наук.

И в том же 1967 году вышла работа А. А. Зализняка «Русское именное словоизменение», сделавшая молодого лингвиста классиком при жизни.

О безупречную научную репутацию Андрея Анатольевича Зализняка разбивается любое сальерианство, любая зависть, гуманитариям присущая ничуть не меньше, а может быть и больше, чем композиторам (ничто гуманитарное нам не чуждо). Широко известны его достижения в области общего и сравнительного языкознания. В отличие от многих ученых, чьи достижения

иногда сосредотачиваются в одной ранней книге и обрываются на первом десятилетии научного пути, Зализняк и в последние годы радует коллег и любознательных читателей своими разысканиями в области древненовгородского диалекта или проблем изучения Новгородского кодекса XI века. А его работы, написанные совместно с выдающимся археологом Яниным, в которых ему принадлежит лингвистическая расшифровка новгородских берестяных грамот, приносят новые и ошеломляющие результаты (кстати говоря, уже после решения жюри о присуждении Зализняку Солженицынской премии опубликована совместная работа академиков Зализняка и Янина, посвященная очередным археологическим находкам 2006 года). Дело даже не в том, что эти исследования проводятся Зализняком на фоне нарастающего вала антиисторизма. Изыскания эти ценны не только как аргумент в опровержение псевдонаучной фантазии, а сами по себе, открывая непредубежденному и заинтересованному читателю внутренний мир, быт, повседневные привычки наших соотечественников тысячелетней давности. Более сорока лет назад в первом и едва ли не последнем за долгие годы подцензурном высказывании А. И. Солженицына по вопросам русского языка возникла существенная проблема — в какой мере лингвист, пишущий на русском языке, сам должен хорошо им владеть. Обращаясь по преимуществу к специалистам, Зализняк пользуется специальной терминологией, но нигде не щеголяет термином ради термина, а когда выходит в смежную сферу, там, где он может быть интересен представителям других профессий, он пишет живо, легко, остроумно, с молодым полемическим задором. В отличие от многих лингвистов своего поколения, его интересовали не

столько манипуляции, связанные со способом описания языка, сколько сущностный вопрос — что́ есть язык и какова его история. Пользуясь расхожей формулой 60-х годов, его интересовала скорее «поэзия грамматики», нежели «грамматика поэзии». Тем важнее значение его последней работы «Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста» и с точки зрения оценки деятельности крупнейшего лингвиста современности, и с точки зрения оценки её места в области гуманитарных наук XXI века.

Написанная легко и живо, в основных своих положениях доступная и не специалисту по древнерусскому языку и древнерусской литературе, книга Зализняка убеждает читателя в том, что в XVIII веке нет и не могло быть человека, способного написать «Слово о полку Игореве». Дело отнюдь не в установке исследователя — Зализняк много раз убеждает читателя, что он не принадлежит к тем, кто подлинность «Слова» считает священной коровой, а в скептиках видит «врагов народа». Скорей, можно было бы сказать иначе: с точки зрения ложного патриотизма выгодней было бы перенести «Слово о полку Игореве» в XVIII век. Согласитесь, что с точки зрения узкого понимания патриотизма проще пожертвовать талантом XII века и приобрести гения XVIII, но Зализняка интересуют не побочные выводы, которые можно сделать в связи с теми или иными аргументами о подлинности «Слова о полку Игореве» историософов любого толка, а суть вопроса.

Приведу большую цитату из его книги:

«Если “Слово о полку Игореве” создано неким мистификатором XVIII века, то мы имеем дело с автором гениальным. Это ни в коем случае не развлечение шутника и не произведенное между прочим стилистиче-

ское упражнение литератора. Мы имеем здесь в виду не писательскую гениальность, хотя именно на нее нередко ссылаются защитники подлинности “Слова о полку Игореве”. Оценка этого рода гениальности слишком субъективна, и мы к ней не апеллируем. Речь идет о научной гениальности.

Аноним должен был вложить в создание “Слова о полку Игореве” громадный филологический труд, сконцентрировавший в себе обширнейшие знания. Они охватывают историческую фонетику, морфологию, синтаксис и лексикологию русского языка, историческую диалектологию, особенности орфографии русских рукописей разных веков, непосредственное знание многочисленных памятников древнерусской литературы, а также современных русских, украинских и белорусских говоров разных зон. Аноним каким-то образом накопил (но никому после себя не оставил) все эти разнообразнейшие знания, гигантски опередив весь остальной ученый мир, который потратил на собирание их заново последующие двести лет. Иначе говоря, он успел сделать в научном отношении столько же, сколько в сумме сотни филологов последующих веков, многие из которых обладали первоклассным научным талантом и большинство занималось этой работой всю жизнь. Это и есть мера его гениальности: во столько раз он превосходил даже сильнейших из этих людей своей интеллектуальной мощью и быстродействием.

Но его величие не только в этом. Мы невольно сравниваем Анонима с нынешними лингвистами; но нынешний лингвист решает свои задачи в рамках уже существующей науки, сами задачи чаще всего уже известны. Аноним же действовал в эпоху, когда научное языкознание еще не родилось, когда огромным достижением

была уже сама догадка о том, что собственно языковая сторона литературной подделки требует особого непростого труда. И он проявил поистине гениальную прозорливость: он провидел рождение целых новых дисциплин и сумел поставить перед собой такие задачи, саму возможность которых остальные лингвисты осознáют лишь на век-два позже. ⟨...⟩ Сама постановка всех этих задач — даже больший научный подвиг, чем их решение.

Такова оценка достижений сочинителя XVIII века; если же это был человек XVII или XVI века, то степень его гениальности должна быть оценена еще выше.

Аноним, конечно, должен был понимать, что никто из людей его времени не в состоянии даже отдаленно оценить всю ювелирную точность этой его работы. Остается предположить, что он решил вложить свою гениальность не в легкое дело обмана современников, а в подлинно амбициозную задачу ввести в заблуждение профессионалов далекого будущего. ⟨...⟩

Такова совокупность допущений, которые необходимо принять, чтобы продолжать отстаивать версию о позднем создании “Слова о полку Игореве”.

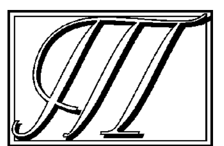
Желающие верить в то, что где-то в глубочайшей тайне существуют научные гении, в немыслимое число раз превосходящие известных нам людей, опередившие в своих научных открытиях все остальное человечество на век или два и при этом пожелавшие вечной абсолютной безвестности для себя и для всех своих открытий, могут продолжать верить в свою романтическую идею. Опровергнуть эту идею с математической непреложностью невозможно: вероятность того, что она верна, не равна строгому нулю, она всего лишь исчеза-

юще мала. Но несомненно следует расстаться с версией о том, что “Слово о полку Игореве” могло быть подделано в XVIII веке кем-то из обыкновенных людей, не обладавших этими сверхчеловеческими свойствами».

В наше время, с его нетвердой почвой и невнятными перспективами, тревожно за всё. Тревожно и за язык. Гнусавая интонация диджеев, монотонное начитывание телевизионного ведущего, смещающаяся система ударений (мы давно уже привыкли к тому, что мы вклю́чены и подклю́чены, но как же мы все, дамы и господа, стали все возбу́ждены), язык зоны, язык офисов, становящийся чуть ли не государственным языком, правила правописания, нарушаемые дипломированными специалистами с той легкостью, с какой нарушают правила дорожного движения водители на Рублёвке, вызывают опасение и за русскую литературу, и за отечественное языкознание. История немного успокаивает. На петровские реформы Россия откликнулась явлением русской литературы и формированием национального языкознания, а на языковые революции 20-х годов прошлого столетия — высшими достижениями русской литературы и русского языкознания. И все же как-то спокойнее, когда знаешь, что есть человек, владеющий всеми тайнами русского языка, писатель, чье имя носит вручаемая сегодня премия, и есть тот, кто знает про русский язык всё — тот, кому сегодня эта премия вручается, лауреат десятой Солженицынской премии, академик Андрей Анатольевич Зализняк. Сегодня эти два имени встретились. И это промыслительно и обнадеживающе.

Владимир Успенский

О РУССКОМ ЯЗЫКЕ, О ДЕШИФРОВКЕ ДРЕВНИХ ТЕКСТОВ, О «СЛОВЕ»

ри области названы в решении солженицынского жюри, три области, за достижения в коих Андрей Анатольевич Зализняк удостоен Солженицынской премии. Это русский язык. Это дешифровка древних текстов. Это «Слово о полку Игореве». Премия присуждена по совокупности. Однако достижения в каждой из этих областей столь значительны, что могли бы претендовать на самую высокую премию и по отдельности. Вот об этом позвольте поговорить.

Сперва о русском языке. Исследования Зализняка в этой области начались с его русско-французского словаря, вышедшего в 1961 г. Словарь предназначался для франкоязычного пользователя. Русский язык флективен, и это ставит перед составителем рассчитанного на иностранца русско-иностранного словаря непростую задачу: надлежит либо включить в русскую часть словаря все формы слова, что едва ли возможно практически, либо сопроводить словарь правилами русского словоизменения — что и сделал Зализняк. Он приложил к словарю свой первый шедевр — краткий очерк русского словоизменения, то есть склонения и спряжения.

Очерк поражал отточенной логикой изложения. Зализняк установил основные схемы, по которым происходит русское словоизменение, придумал удобную индексацию этих схем и снабдил каждое словарное слово соответствующим индексом. Этот очерк затем помещался во многих русско-иностранных словарях, а из наработок, относящихся к склонению, родилась знаменитая монография 1967 г. «Русское именное словоизменение», вошедшая в золотой фонд русской и мировой лингвистики. Весной 1965 г. от одного из руководящих языковедов МГУ мне довелось услышать такой вопрос: «А что, до Зализняка не знали, как склонять русские слова?» Знали, конечно, но на уровне использования языка его носителями, а не на уровне исчерпывающего лингвистического описания. Полностью русское склонение было описано впервые именно Зализняком. Здесь существенно слово **«полностью»**: впервые было дано описание, не использующее слов «и так далее», многоточий и других подобных апелляций к аналогии. Параллельно шла титаническая работа над созданием «Грамматического словаря русского языка» — словаря, дающего для каждого (из более чем стотысячного списка!) русского слова все его формы. Работа продолжалась тринадцать лет и увенчалась выходом в 1977 г. первого издания словаря. Словарь сразу стал событием в русистике и сделался необходимым не только лингвистам, но и всем, использующим русский язык. В 2003 г. вышло его четвёртое издание. Сегодня пейзаж русистики немыслим без этого словаря и предшествующей ему монографии. «Посмотри у Зализняка» стало такой же формулой, как «посмотри у Даля».

Теперь о втором поприще Зализняка — о дешифровке древних текстов. Имеются в виду грамоты на бересте, но не только они. Что здесь сделал Зализняк, если ограничиться главным?

Первое.

Для большого числа грамот, ранее читавшихся неправильно, Зализняк установил их правильный смысл, что иногда имело важные последствия. Вот два примера в упрощённом пересказе. Фраза «посылаю щуку и клещи» давала основание для далеко идущих выводов о развитии кузнечного дела на Новгородчине и даже о близости рыбной и кузнечной слобод. Оказалось: 'щуку и лещей'. Написание ДВЬРИКѢЛѢ неправильно понималось как 'двери кельи'. Зализняк разгадал правильный смысл: 'двери целы'. Однако так называемая вторая палатализация требовала, чтобы в этой позиции звук *к* изменился в звук *ц*, чего, как показала грамота, не произошло. Предпринятое Зализняком тщательное исследование проблемы привело его к пониманию, что в диалекте древних новгородцев вообще не было второй палатализации, — а ведь наличие её во всем славянском мире считалось аксиомой!

Второе.

Когда предшественники Зализняка встречали затруднение в осмыслении грамоты, они нередко объявляли писца неграмотным или описавшимся и заменяли одну букву другой. Зализняк первым догадался, что те, кто писал грамоты, писали именно то, что хотели, но только пользовались при этом особой, отличной от книжной, бытовой графической системой, имеющей свои собственные правила. Тем самым система письма берестяных грамот обрела своё законное место среди других

древних письменностей — а ведь до исследований Зализняка совокупность записей на грамотах трактовалась как хаотическая и ни в какую систему не укладывающаяся. Фонд памятников, использующих указанную систему письма, позволил, далее, восстановить тот диалект, на котором общались между собой древние новгородцы.

Третье.

Изучив живой, бытовой язык, на котором писались берестяные грамоты, Зализняк установил, что в древнерусском языке существовали два основных диалекта: северо-западный, на котором и говорили новгородцы, и юго-центро-восточный, на котором говорили все остальные восточные славяне.

Четвёртое.

Согласно широко распространённому мнению, различные языки и диалекты — и уж заведомо восточнославянские языки и диалекты — образовались путём дивергенции, то есть расхождения, расщепления, из некоего исходного языка или диалекта. Зализняк открыл, что в формировании того современного русского языка, на котором мы говорим, решающую роль сыграл процесс конвергенции, то есть схождения, двух древних диалектов древнерусского языка — северо-западного и юго-центро-восточного.

Пятое.

Зализняк явился основателем нового раздела палеографии, а именно палеографии берестяных грамот. Более того, он довёл этот раздел до большей разработанности, чем традиционная палеография древнерусских рукописей. Предпринятое Зализняком тщательное исследование **всех** найденных грамот позволило ему чёт-

ко выделить основные визуальные признаки грамоты, разделив эти признаки на пять групп:

1) алфавитные (Зализняк называет их графическими), определяемые тем набором графем (то есть букв алфавита и других знаков), который используется в грамоте;

2) палеографические, определяемые конкретным начертанием графем;

3) орфографические;

4) лингвистические — связанные с фонетическими, морфологическими, синтаксическими и лексическими особенностями текста;

5) формулярные — связанные с языковым этикетом.

Для каждого из признаков Зализняк провёл анализ встречаемости данного признака в тех грамотах, даты коих были установлены археологами методом так называемого *стратиграфического датирования*, даваемого глубиной залегания пластов, в которых грамоты были найдены. При этом им были выявлены две критические точки на хронологической шкале: точка, ранее которой признак не встречается, и точка, позже которой признак не встречается. Значимость этих точек недооценивается традиционной палеографией. Точки эти позволяют сразу отсечь некоторые признаки как нерелевантные — это те признаки, для которых критические точки находятся вне изучаемого исторического периода (для берестяных грамот это XI—XV века). А для каждого из релевантных признаков была определена частота его встречаемости в стратиграфически датированных грамотах. На основе критических точек и частот, установленных для различных признаков, Зализняком были составлены таблицы *внестратиграфического*

датирования. Эти таблицы дают возможность датировать грамоту без апелляции к её археологической истории, на основе лишь её визуальных признаков — прежде всего алфавитных и палеографических.

Сама идея датировать предмет по его внешнему облику, опираясь на знание внешнего облика других, уже датированных, предметов, конечно, не нова — так искусствоведы датируют древнюю вазу по её орнаменту. Однако Зализняк внёс здесь существенные новации. Во-первых, им выявлено и работает на датирование около 500 признаков, что во много раз больше, чем в любом учебнике палеографии. Во-вторых, им предложена схема действий по датированию, основанная на здравом смысле: например, из того, что некий признак бывает в документах XIII века, указанная схема ещё не позволяет делать вывод, что обладающий этим признаком исследуемый документ непременно относится к тому же веку; вместо этого схема предлагает достаточно надёжный временно́й интервал. В-третьих, им были составлены удобные в пользовании таблицы, позволяющие как бы автоматически извлекать из них тот временно́й интервал, к которому грамота с высокой вероятностью принадлежит.

Шестое.

В 2000 г. в Новгороде была откопана деревянная книга первой четверти XI века — так называемый «Новгородский кодекс». Книга состояла из трёх дощечек с восковым покрытием и текстом, процарапанным по воску. Текст на воске читался сравнительно легко. Но были и тексты, нацарапанные на дереве, причём тексты двух видов: непосредственно нацарапанные на участках, не покрытых воском, и слабые следы, оставшиеся под вос-

ком от писания по воску. И те и другие читались с огромным трудом. К тому же в течение десятилетий тексты на дереве наслаивались друг на друга. Требовалось сверхчеловеческое искусство, чтобы в паутине царапин увидеть осмысленный текст, точнее — много таких скрытых текстов, наложенных друг на друга. Зализняк увидел и прочёл эти скрытые тексты. Сама догадка, что воск пронзался писалом насквозь, что оттого на деревянной подложке должны были остаться царапины и что эти еле заметные царапины допускают прочтение, сама эта догадка представляет собою отдельное замечательное достижение. Одним дано попадать в цели, в которые не могут попасть остальные. Другим дано видеть цели, которые не видят остальные.

Наконец, о «Слове о полку Игореве». Зализняк доказал его подлинность — при том понимании слова «доказал», какое вообще возможно в филологии. Доказательство опирается на анализ раскрытых им тончайших закономерностей древнерусского языка. Гипотетический фальсификатор должен был бы обладать немыслимыми качествами, а именно знать эти закономерности, иные из коих были обнаружены лишь недавно, — знать и скрывать своё знание от современников! Это при том, что, как известно, незнание можно скрыть, знание скрыть невозможно. Лет сорок назад я спросил Андрея Анатольевича, что он думает о подлинности «Слова». Он отослал меня к случившимся рядом Юрию Михайловичу Лотману и моему брату Борису Андреевичу Успенскому. «Разумеется, подлинное», — ответил Лотман. «Разумеется, подделка», — ответил брат. Сам же Зализняк ответа тогда не дал (сказал, что не знает). Вот теперь ответил. Скажу ещё, что если бы Зализняк

с такой же убедительностью доказал поддельность «Слова», это было бы не меньшим достижением. Главное, что в споре поставлена точка.

В трудах Зализняка проявляются следующие характерные черты его творчества:

Первая черта. Абсолютное владение фактическим материалом.

Вторая черта. Безупречность логического анализа.

Третья черта. Небывалая для гуманитарных сочинений ясность изложения.

Четвёртая черта. Небывалая для гуманитарных сочинений аргументированность изложения.

Пятая черта. Уникальный сплав теории и практики. Практическая задача по созданию удобного в пользовании русско-французского словаря стимулировала теоретическое исследование русского словоизменения. Это исследование привело к уточнению базовых лингвистических понятий, таких как грамматическая категория вообще, как частные категории падежа, числа, рода, одушевлённости; при этом было открыто, что слова типа *сани* и *ножницы* суть слова особого, четвёртого рода, а не слова, употребляемые только во множественном числе, как всегда считалось. И уже на основе построенной теории возник, в свою очередь, «Грамматический словарь». Этот вручную составленный словарь служит сейчас, как утверждают специалисты, основой компьютерных программ анализа и синтеза словоформ для едва ли не всех систем информационного поиска, использующих русский язык.

Шестая черта. Способность к обозрению очень больших совокупностей текстов — причём совокупностей в известном смысле полных — с целью обнаружения за-

кономерностей. Эта способность была необходимой и при создании «Грамматического словаря», и при создании методов внутренней датировки грамот.

Седьмая черта. Живое ощущение единства знания, отсутствие сектантского его разделения по ведомственным полочкам. Как разъяснил мне Валентин Лаврентьевич Янин, единство истории и филологии, характерное для энциклопедизма XVIII века, уже в XIX веке было в значительной мере утрачено, оставшись лишь в названии историко-филологических факультетов. Своим исследованием берестяных грамот и других древних текстов Зализняк возрождает это единство. Наряду с этим, в монографии «Русское именное словоизменение» можно встретить математическую теорему об устройстве ударения в русском языке.

Зализняк внёс решающий вклад и в проведение традиционных олимпиад по языковедению и математике, явившись, в частности, основателем нового, прибли́женного к математике, жанра лингвистических задач.

Восьмая черта. Научная честность и беспристрастность. Единственная цель — установление истины. С этим связано и тщательнейшее рассмотрение аргументов, выдвигаемых оппонентом.

И ещё кое-что, уже не относящееся, пожалуй, к научному творчеству. Большой учёный отнюдь не всегда хороший лектор. Зализняк — блестящий лектор. Неизменным успехом пользуются его занятия по структуре санскрита, древнеперсидского, арабского и других языков; слушателям раздаются краткие конспекты с необходимой грамматической информацией, а затем предлагаются домашние задания, состоящие в опирающихся на эту информацию чтении и анализе подлинных

текстов. (Некогда один член-корреспондент сказал мне: «Зализняк не имеет лингвистического лица. То он преподаёт арабский, то старославянский...».) А в амфитеатре Московского университета, рассчитанном на сотни слушателей, на ежегодной традиционной лекции Зализняка о лингвистических итогах очередного сезона новгородских раскопок каждый раз не хватает сидячих мест.

И последнее. Надо отметить чрезвычайную, иногда даже чрезмерную скромность Андрея Анатольевича. 70 лет назад Пастернак высказал такой комплимент современному ему литератору: «Вы могли бы в гораздо большей степени навязать себя эпохе». Зализняк не навязывает себя эпохе. Скорей уж эпоха навязывает ему себя.

Андрей Зализняк

ИСТИНА СУЩЕСТВУЕТ

Я благодарю Александра Исаевича Солженицына и все жюри за великую честь, которой я удостоен.

В то же время не могу не признаться, что эта награда вызывает у меня не одни только приятные чувства, но и большое смущение.

В моей жизни получилось так, что моя самая прочная и долговременная дружеская компания сложилась в школе, — и с тех пор те, кто еще жив, дружески встречаются несколько раз в год вот уже больше полувека. И вот теперь мне ясно, насколько едины мы были в своем внутреннем убеждении (настолько для нас очевидном, что мы сами его не формулировали и не обсуждали), что высокие чины и почести — это нечто несовместимое с нашими юношескими идеалами, нашим самоуважением и уважением друг к другу.

Разумеется, эпоха была виновата в том, что у нас сложилось ясное сознание: вознесенные к официальной славе — все или почти — получили ее кривыми путями и не по заслугам. Мы понимали так: если лауреат Сталинской премии, то почти наверное угодливая бездарность; если академик, то нужны какие-то совершенно исключительные свидетельства, чтобы поверить, что не дутая величина и не проходимец. В нас это сидело

крепко и в сущности сидит до сих пор. Поэтому никакие звания и почести не могут нам приносить того беспримесного счастья, о котором щебечут в таких случаях нынешние средства массовой информации. Если нам их все-таки по каким-то причинам дают, нам их носить неловко.

«Устарело! — говорят нам. — Теперь уже всё по-другому, теперь есть возможность награждать достойных». Хотелось бы верить. И есть уже, конечно, немало случаев, когда это несомненно так. Но чтобы уже отжил и исчез сам фундаментальный принцип, свидетельств как-то еще маловато...

А между тем наше восприятие российского мира не было пессимистическим. Мы ощущали так: наряду с насквозь фальшивой официальной иерархией существует подпольный гамбургский счет. Существуют гонимые художники, которые, конечно, лучше официальных. Существует — в самиздате — настоящая литература, которая, конечно, выше публикуемой. Существуют не получающие никакого официального признания замечательные ученые. И для того, чтобы что-то заслужить по гамбургскому счету, нужен только истинный талант, угодливости и пронырства не требуется.

Разумеется, материальные успехи определялись официальной иерархией, а не подпольной. Но мы же в соответствии с духом эпохи смотрели свысока на материальную сторону жизни. Западная формула: «Если ты умный, почему же ты бедный?» — была для нас очевидным свидетельством убогости такого типа мышления.

Ныне нам приходится расставаться с этим советским идеализмом. Для молодого поколения большой проблемы тут нет. Западная формула уже не кажется им

убогой. Но нашему поколению полностью уже не перестроиться.

Мне хотелось бы сказать также несколько слов о моей упоминавшейся здесь книге про «Слово о полку Игореве». Мне иногда говорят про нее, что это патриотическое сочинение. В устах одних это похвала, в устах других — насмешка. И те и другие нередко меня называют сторонником (или даже защитником) подлинности «Слова о полку Игореве».

Я это решительно отрицаю.

Полагаю, что во мне есть некоторый патриотизм, но скорее всего такого рода, который тем, кто особенно много говорит о патриотизме, не очень понравился бы.

Мой опыт привел меня к убеждению, что если книга по такому «горячему» вопросу, как происхождение «Слова о полку Игореве», пишется из патриотических побуждений, то ее выводы на настоящих весах уже по одной этой причине весят меньше, чем хотелось бы.

Ведь у нас не математика — все аргументы не абсолютные. Так что если у исследователя имеется сильный глубинный стимул «тянуть» в определенную сторону, то специфика дела, увы, легко позволяет эту тягу реализовать — а именно, позволяет находить все новые и новые аргументы в нужную пользу, незаметно для себя самого раздувать значимость аргументов своей стороны и минимизировать значимость противоположных аргументов.

В деле о «Слове о полку Игореве», к сожалению, львиная доля аргументации пронизана именно такими стремлениями — тем, у кого на знамени патриотизм, нужно, чтобы произведение было подлинным; тем, кто убежден в безусловной и всегдашней российской от-

сталости, нужно, чтобы было поддельным. И то, что получается разговор глухих, в значительной мере определяется именно этим.

Скажу то, чему мои оппоненты (равно как и часть соглашающихся) скорее всего не поверят. Но это все же не основание для того, чтобы этого вообще не говорить.

Действительным мотивом, побудившим меня ввязаться в это трудное и запутанное дело, был отнюдь не патриотизм. У меня нет чувства, что я был бы как-то особенно доволен от того, что «Слово о полку Игореве» написано в XII веке, или огорчен от того, что в XVIII. Если я и был чем-то недоволен и огорчен, то совсем другим — ощущением слабости и второсортности нашей лингвистической науки, если она за столько времени не может поставить обоснованный диагноз лежащему перед нами тексту.

У лингвистов, казалось мне, имеются гораздо большие возможности, чем у других гуманитариев, опираться на объективные факты — на строго измеренные и расклассифицированные характеристики текста. Неужели текст не имеет совсем никаких объективных свойств, которые позволили бы отличить древность от ее имитации?

Попытка раскопать истину из-под груды противоречивых суждений в вопросе о «Слове о полку Игореве» была также в значительной мере связана с более общими размышлениями о соотношении истины и предположений в гуманитарных науках — размышлениями, порожденными моим участием в критическом обсуждении так называемой «новой хронологии» Фоменко, провозглашающей поддельность едва ли не большин-

ства источников, на которые опирается наше знание всемирной истории.

Все мы понимаем, что в стране происходит великое моральное брожение.

Близ нас на Волоколамском шоссе, где годами нависали над людьми гигантские лозунги «Слава КПСС» и «Победа коммунизма неизбежна», недавно на рекламном щите можно было видеть исполненное столь же громадными буквами: «Всё можно купить!». Столь прицельного залпа по традиционным для России моральным ценностям я не встречал даже в самых циничных рекламах.

Вот Сцилла и Харибда, между которыми приходится искать себе моральную дорогу нынешнему российскому человеку.

Моральных, этических и интеллектуальных проблем здесь целый клубок.

По характеру моих занятий мне из них ближе всего тот аспект — пусть не самый драматичный, но все же весьма существенный, — который касается отношения к знанию.

Вместе с яростно внушаемой нынешней рекламой агрессивно-гедонистической идеей «Возьми от жизни всё!» у множества людей, прежде всего молодежи, произошел также и заметный сдвиг в отношении к знанию и к истине.

Не хочу, однако, обобщать поспешно и чрезмерно. Всю жизнь, начиная с 25-летнего возраста (с одним не очень большим перерывом), я в той или иной мере имел дело со студентами. И это общение всегда было окрашено большим удовлетворением. Наблюдая сейчас за работой тех довольно многочисленных лингви-

стов, которых я в разное время видел перед собой на студенческой скамье, я чувствую, что их отношение к науке и способ действия в науке мне нравятся. И студенты, с которыми я имею дело теперь, по моему ощущению, относятся к своему делу с ничуть не меньшей отдачей и энтузиазмом, чем прежние.

Но за пределами этой близкой мне сферы я, к сожалению, ощущаю распространение взглядов и реакций, которые означают снижение в общественном сознании ценности науки вообще и гуманитарных наук в особенности.

Разумеется, в отношении гуманитарных наук губительную роль играла установка советской власти на прямую постановку этих наук на службу политической пропаганде. Результат: неверие и насмешка над официальными философами, официальными историками, официальными литературоведами. Теперь убедить общество, что в этих науках бывают выводы, не продиктованные властями предержащими или не подлаженные под их интересы, действительно очень трудно.

И напротив, все время появляющиеся то тут, то там сенсационные заявления о том, что полностью ниспровергнуто то или иное считавшееся общепризнанным утверждение некоторой гуманитарной науки, чаще всего истории, подхватываются очень охотно, с большой готовностью. Психологической основой здесь служит мстительное удовлетворение в отношении всех лжецов и конъюнктурщиков, которые так долго навязывали нам свои заказные теории.

И надо ли говорить, сколь мало в этой ситуации люди склонны проверять эти сенсации логикой и здравым смыслом.

Мне хотелось бы высказаться в защиту двух простейших идей, которые прежде считались очевидными и даже просто банальными, а теперь звучат очень немодно:

1) Истина существует, и целью науки является ее поиск.

2) В любом обсуждаемом вопросе профессионал (если он действительно профессионал, а не просто носитель казенных титулов) в нормальном случае более прав, чем дилетант.

Им противостоят положения, ныне гораздо более модные:

1) Истины не существует, существует лишь множество мнений (или, говоря языком постмодернизма, множество текстов).

2) По любому вопросу ничье мнение не весит больше, чем мнение кого-то иного. Девочка-пятиклассница имеет мнение, что Дарвин неправ, и хороший тон состоит в том, чтобы подавать этот факт как серьезный вызов биологической науке.

Это поветрие — уже не чисто российское, оно ощущается и во всем западном мире. Но в России оно заметно усилено ситуацией постсоветского идеологического вакуума.

Источники этих ныне модных положений ясны:

действительно, существуют аспекты мироустройства, где истина скрыта и, быть может, недостижима;

действительно, бывают случаи, когда непрофессионал оказывается прав, а все профессионалы заблуждаются.

Капитальный сдвиг состоит в том, что эти ситуации воспринимаются не как редкие и исключительные, каковы они в действительности, а как всеобщие и обычные.

И огромной силы стимулом к их принятию и уверованию в них служит их психологическая выгодность. Если все мнения равноправны, то я могу сесть и немедленно отправить и мое мнение в Интернет, не затрудняя себя многолетним учением и трудоемким знакомством с тем, что уже знают по данному поводу те, кто посвятил этому долгие годы исследования.

Психологическая выгодность здесь не только для пишущего, но в не меньшей степени для значительной части читающих: сенсационное опровержение того, что еще вчера считалось общепринятой истиной, освобождает их от ощущения собственной недостаточной образованности, в один ход ставит их выше тех, кто корпел над изучением соответствующей традиционной премудрости, которая, как они теперь узнали, ничего не стоит.

От признания того, что не существует истины в некоем глубоком философском вопросе, совершается переход к тому, что не существует истины ни в чем, скажем, в том, что в 1914 году началась Первая мировая война. И вот мы уже читаем, например, что никогда не было Ивана Грозного или что Батый — это Иван Калита. И что много страшнее, прискорбно большое количество людей принимает подобные новости охотно.

А нынешние средства массовой информации, увы, оказываются первыми союзниками в распространении подобной дилетантской чепухи, потому что они говорят и пишут в первую очередь то, что должно производить впечатление на массового зрителя и слушателя и импонировать ему, — следовательно, самое броское и сенсационное, а отнюдь не самое серьезное и надежное.

Я не испытываю особого оптимизма относительно того, что вектор этого движения каким-то образом пе-

ременится и положение само собой исправится. По-видимому, те, кто осознаёт ценность истины и разлагающую силу дилетантства и шарлатанства и пытается этой силе сопротивляться, будут и дальше оказываться в трудном положении плывущих против течения. Но надежда на то, что всегда будут находиться и те, кто все-таки будет это делать.

ОБ АВТОРЕ

ндрей Анатольевич Зализняк родился в 1935 г. в Москве.

Уже в школьные годы у него проявился активный интерес к языкам. В 1952 г. поступил на романо-германское отделение филологического факультета Московского университета. Наибольшее значение здесь для него имели лекции М. Н. Петерсона, А. И. Смирницкого, П. С. Кузнецова и Вяч. Вс. Иванова. Основной круг интересов составляли общее языкознание, типология, индоевропеистика и германистика. В 1956—57 учебном году обучался в Высшей Нормальной школе в Париже. Наиболее плодотворными здесь были занятия общим языкознанием у А. Мартине, иранистикой у Э. Бенвениста, чтением Вед у Л. Рену и крито-микенской филологией у М. Лежёна.

В 1960 г. поступил на работу в Институт славяноведения (тогда АН СССР, ныне РАН), где работает и поныне. Действительный член РАН, профессор.

Параллельно с работой в Академии наук на протяжении всей своей деятельности (с одним перерывом) преподает на филологическом факультете МГУ.

В 1990-е годы преподавал также в университетах Экс-ан-Прованса, Парижа и Женевы. Начиная с 1988 г. выступал с лекциями в ряде университетов Италии, Франции, Швейцарии, Германии, Австрии, Швеции, Англии и Испании.

В 60-е и начале 70-х годов в центре его интересов были проблемы грамматики современного русского язы-

ка. Основными итогами этого периода стали книги «Русское именное словоизменение» (1967, переиздано в 2002) и «Грамматический словарь русского языка» (1977, переиздан в 1980, 1987, 2003).

В то же время интересы преподавания побудили А. А. Зализняка сочинить несколько дидактических упражнений нетрадиционного характера, первые из которых были опубликованы в 1963 г. в статье, названной «Лингвистические задачи». Этот вид лингвистического творчества был активно подхвачен студентами созданного в 1960 г. Отделения структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ и послужил базой для проведения олимпиад для школьников по языковедению и математике. В 60-е и 70-е годы А. А. Зализняк принимал непосредственное участие в деятельности по подготовке и организации этих олимпиад. Эта ценнейшая традиция, открывшая дорогу в лингвистическую науку нескольким поколениям школьников, активно поддерживается и поныне.

В кругу занятий типологией и индоевропеистикой А. А. Зализняк значительное внимание уделял санскриту. Им был написан «Грамматический очерк санскрита» (опубликованный в составе «Санскритско-русского словаря» В. А. Кочергиной в 1978 г.; в дальнейшем словарь неоднократно переиздавался).

Со второй половины 70-х годов А. А. Зализняк начинает активно заниматься исторической акцентологией русского языка и работает с этой целью над многочисленными средневековыми рукописями. Итогами этих занятий являются книги «От праславянской акцентуации к русской» (1985) и «“Мерило Праведное” XIV века как акцентологический источник» (1990).

В 1980 г. интерес А. А. Зализняка привлекают публикации новгородских берестяных грамот, и он приходит к выводу, что чтение ряда грамот должно быть пересмотрено. С этого времени начинаются его постоянные занятия новгородистикой. В 1982 г. он впервые принимает участие в работе Новгородской археологической экспедиции и с тех пор ездит в Новгород на раскопки каждое лето. Детальное изучение текстов берестяных грамот позволяет ему выявить определяющие языковые черты древненовгородского диалекта, до тех пор почти неизвестного. Это, в свою очередь, ведет к пересмотру ряда традиционных представлений об истории русского языка и даже славянской группы языков в целом. Результаты этих исследований опубликованы, во-первых, в томах «Новгородские грамоты на бересте», подготовленных в тесном содружестве с руководителем Новгородской археологической экспедиции Валентином Лаврентьевичем Яниным, — том VIII (1986), IX (1993), X (2000), XI (2004; участником последнего тома является также А. А. Гиппиус); во-вторых, в итоговой книге «Древненовгородский диалект» (1995, расширенное переиздание — 2004).

С 2000 г. А. А. Зализняк принимает активное участие в дискуссии по поводу так называемой «новой хронологии» А. Т. Фоменко, провозглашающей ошибочность всех традиционных взглядов на мировую историю и необходимость их радикального пересмотра. При этом рассказы А. Т. Фоменко о том, какова же якобы была история разных стран, отличная от традиционных представлений, почти целиком основаны на любительских рассуждениях о происхождении слов — географических названий и имен людей. Появился также ряд других публикаций, авторы которых претендуют на полный

пересмотр истории, тоже исходя из любительских рассуждений о словах — столь же неквалифицированных. Тем самым проблема установления истины в данном вопросе приобрела немалую общественную значимость. Именно этому кругу вопросов посвящена работа А. А. Зализняка, публикуемая в настоящем издании.

С 2003 г. А. А. Зализняк занимается вопросом о подлинности или поддельности «Слова о полку Игореве». В книге «“Слово о полку Игореве”: взгляд лингвиста» (2004, расширенное переиздание — 2007, еще одно расширенное переиздание — 2008) он подробно анализирует каждую из языковых особенностей этого произведения, беспристрастно взвешивая вероятность того, что данная особенность непосредственно отражает язык древнерусского автора, и вероятность того, что она достигнута искусной имитацией древности в новое время. Результатом этого анализа оказывается гигантский перевес аргументов в пользу подлинности данного произведения: выясняется, что предполагаемый фальсификатор XVIII века должен был бы обладать лингвистическими знаниями, которых остальное человечество достигло лишь на протяжении последующих двух веков.

В 2006 г. А. А. Зализняк продолжил начатое им еще в 1990-е годы изучение истории энклитик (т. е. безударных слов, примыкающих во фразе к предшествующему слову) в русском языке. Итогом этой работы явилась книга «Древнерусские энклитики» (2008). В ней на материале большого числа древних памятников, в первую очередь берестяных грамот и летописей, выявлены закономерности расположения энклитик в древнерусской фразе и исследована историческая эволюция системы древнерусских энклитик, приведшая к их современному состоянию, радикально отличающемуся от древнерусского.

Опубликованные работы А. А. Зализняка[1]

1958

[Рец.:] Mélanges linguistiques publiés a l'occasion du Vme Congrès International des linguistes à Oslo, du 5 au 9 août 1957. Bucarest, 1957 // Вопросы языкознания. – 1958. – № 2. – С. 150–153.

То же [рец. на лексикографический раздел книги] // Лексикографический сборник. Вып. III / Под ред. С. И. Ожегова и О. С. Ахмановой. – М.: ГИС, 1958. – С. 54–156.

1960

Опыт обучения англо-русскому переводу с помощью алгоритма // Питання прикладної лінгвістики. Тези доповідей міжвуз. наукової конференції 22–28 вересня 1960 р. – Чернівці, 1960. – С. 63–65.

[Пер. с франц.:] *А. Мартине.* Принцип экономии в фонетических изменениях (Проблемы диахронической фонологии) / Ред. и вступит. статья В. А. Звегинцева. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 261 с.

1961

Краткий русско-французский учебный словарь. Около 10 000 слов. С приложением «Очерка русского словоизменения и сведений по русской фонетике». – М.: Госуд. изд-во словарей, 1961. – 632 с. [Парал. тит. л. на франц. яз.:] Petit dictionnaire pratique russe-français.

---

[1] Книги выделены жирным шрифтом. Для работ до 1995 г. использована библиография, составленная А. А. Гиппиусом, из кн.: Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка. – М., 1996. – С. 749–766. Сведения о переизданиях морфологических таблиц в составе словарей и о перепечатках даны выборочно и по упрощенной схеме. Сведения о редактуре, перепечатках и рецензиях не претендуют на полноту.

Précis de déclinaison et de conjugaison russes précédé de quelques éléments de phonétique // Приложение к: *А. А. Зализняк.* Краткий русско-французский учебный словарь. – М., 1961. – С. 479–632.

То же, перераб. под названием: Tableaux morphologiques du russe // Краткий французско-русский учебный словарь / Сост. Н. Б. Кобрина, Ф. Е. Ройтенберг, Э. А. Халифман, В. Г. Гак. 4 000 слов. – М., 1963. (Переизд. 1978).

Работа многократно публиковалась в переводе с франц. языка на другие языки:

На испан. яз.: Nociones breves de la morfología y tablas morfológicas del ruso, в кн.: Испанско-русский учебный словарь / Сост. М. Хисберт и В. А. Низский. 6000 слов. – М., 1962. (Переизд. 1963); Русско-испанский учебный словарь / Сост. Х. Ногейра и Г. Я. Туровер. Около 9 000 слов. – М., 1962. (Переизд. 1963, 1976, 1977, 1979); [перераб.:] Tablas morfológicas del ruso // Русско-испанский словарь / Сост. Х. Ногейра и Г. Я. Туровер. 57 000 слов. – М., 1967. (Переизд. 1974, 1979, 1984, 1995).

На португ. яз.: Quadros morfológicos da gramática russa, в кн.: Португальско-русский учебный словарь / Сост. С. М. Старец и Н. Я. Воинова. Под ред. А. Торреса. 5 600 слов. – М., 1963. (Переизд. 1972, 1986, 1989); Русско-португальский учебный словарь / Сост. Н. Я. Воинова и С. М. Старец. 10 000 слов. – М., 1964. (Переизд. 1971, 1977, 1986); Русско-португальский словарь / Сост. Н. Я. Воинова и др. Около 47 000 слов. – М., 1975. (Переизд. 1989).

На вьетнамск. яз. // Русско-вьетнамский учебный словарь / Сост. И. В. Толстой, Р. А. Толстая, Дао Чонг Тхыонг. Под ред. Нгуен Ван Ханя. Около 11 200 слов. – М., 1965.

На итал. яз.: Tavole morfologiche della lingua russa, в кн.: Русско-итальянский учебный словарь / Сост. Д. Э. Розенталь. 13 500 слов. – М., 1966. (Переизд. 1977, 1990); Итальянско-русский учебный словарь / Сост. Т. З. Черданцева. 8 500 слов. – М., 1967. (Переизд. 1976); Русско-итальянский словарь / Сост. Б. Н. Майзель, Б. Н. Скворцова. 55 000 слов. – Изд. 2-е. – М., 1972. (Переизд. 1977, 1985, 1995).

На румын. яз.: Tabele morfologice ale limbii ruse // Русско-румынский словарь / Сост. Н. Г. Корлэтяну и Е. М. Руссев. Около 60 000 слов. – Изд. 2-е. – М., 1967.

На швед. яз.: Morfologiska tabeller över ryska språket // Русско-шведский словарь / Под ред. Карин Давидсон. – М.: Русский язык, 1976. (Переизд. 1985).

На норвеж. яз. // Русско-норвежский словарь. Под ред. С. Свердруп Люнден, Т. Матиассена. 51 000 слов. – М., 1987.

Алгоритм англо-русского перевода, предназначенный для человека // Тезисы докладов на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. – М.: Изд-во ВИНИТИ, 1961. – С. 42–43.

1962

Об использовании понятий «автоматической выводимости» и «зависимого признака» при описании знаковых систем // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем: Тезисы докладов. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 55.

О возможной связи между операционными понятиями синхронного описания и диахронией // Там же. – С. 56.

О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семиотических систем // Структурно-типологические исследования: Сборник статей / Ред. Т. Н. Молошная. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 134–143. [Соавт.: Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров.]

Перепечатано в: Centrifuga: Russian reprintings and printings. – München, 1971. – Т. 5. – P. 68–77; Readings in Soviet semiotics. – Ann Arbor, 1977. – P. 344–354.

Опыт анализа одной относительно простой знаковой системы // Структурно-типологические исследования: Сборник статей / Ред. Т. Н. Молошная. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 172–187.

Перепечатано в: Из работ Московского семиотического круга. – М., 1997. – С. 18–35.

Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. – Вып. 6. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 28–45.

Регулирование уличного движения как знаковая система // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем: Тезисы докладов. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 78–79.

[Пер. с франц.:] *Е. Курилович.* Вид и время в истории персидского языка // *Е. Курилович.* Очерки по лингвистике: Сборник статей / Под общ. ред. В. А. Звегинцева. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – С. 141–155.

[Пер. с франц.:] *Е. Курилович.* Заметки об имперфекте и видах в старославянском // Там же. – С. 156–166.

[Пер. с франц.:] *Е. Курилович.* Древнеиндийский аорист VII // Там же. – С. 167–174.

[Пер. с франц.:] *Е. Курилович.* Множественное число мужского рода древнеиндийск. devāsaḥ – авест. daēvåŋhō // Там же. – С. 218–224.

[Пер. с франц.:] *Е. Курилович.* Заметки о сравнительной степени (в германском, славянском, древнеиндийском, греческом) // Там же. – С. 225–236.

[Пер. с франц.:] *Е. Курилович.* К вопросу о древнеперсидской клинописи // Там же. – С. 383–391.

[Пер. с англ.:] *Р. Якобсон, Г. И. Фант и М. Халле.* Введение в анализ речи. Различительные признаки и их корреляты. Гл. II. Опыт описания различительных признаков // Новое в лингвистике. Вып. II / Сост. В. А. Звегинцев. – М: Изд-во иностранной литературы, 1962. – С. 173–230. [Соавт.: Е. В. Падучева.]

1963

Ударение в современном русском склонении // Русский язык в национальной школе. – 1963. – № 2. – С. 7–23, табл.

Беглые гласные в современном русском словоизменении // Русский язык в национальной школе. – 1963. – № 5. – С. 3–16.

Лингвистические задачи // Исследования по структурной типологии / Отв. ред. Т. Н. Молошная. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 137–159.

Материалы для изучения морфологической структуры древнегерманских существительных. I // Этимология: Исследования по русскому и другим языкам. – М.: Наука, 1963. – С. 124–160.

О характере языкового контакта между славянскими и скифо-сарматскими племенами // Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР. – Вып. 38. – М., 1963. – С. 3–22.

К вопросу об использовании операционных понятий при описании просодических элементов // Конференция по структурной лингвистике, посвященная базисным проблемам фонологии. Москва, 1963: Тезисы докладов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 99–101.

1964

«Условное ударение» в русском словоизменении // Вопросы языкознания. – 1964. – № 1. – С. 14–29.

К вопросу о грамматических категориях рода и одушевленности в современном русском языке // Вопросы языкознания. – 1964. – № 4. – С. 25–40.

К вопросу о правописании безударных гласных в глагольных окончаниях // О современной русской орфографии: Сборник статей / Отв. ред. В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1964. – С. 132–139.

Материалы для изучения морфологической структуры древнегерманских существительных. II // Этимология: Принципы реконструкции и методика исследования. – М.: Наука, 1964. – С. 160–235.

О связи языка лингвистических описаний с родным языком лингвиста // Программа и тезисы докладов в летней школе по вторичным моделирующим системам. 19–29 авг. 1964, г. Тарту. – Тарту, 1964. – С. 7–9. [Соавт.: Е. В. Падучева.]

Синхронное описание и внутренняя реконструкция // Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков: Науч. сессия. Тезисы докладов. – М.: МГУ, 1964. – С. 51–54.

Краткий русско-французский учебный словарь. – Изд. 2-е, испр. и доп. Около 12 500 слов. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – 675 с.

1965

Классификация и синтез именных парадигм современного русского языка. Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. – М., 1965. – 22 с.

1966

Опыт фонологического анализа современного французского вокализма // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии / Ред. Т. М. Николаева. – М.: Наука, 1966. – С. 214–230.

1967

Русское именное словоизменение. – М.: Наука., 1967. – 370 с.

Рец.: *Křižková H.* // Československá rusistika. – XIII (1968). – № 2. – S. 111–114.

О показателях множественного числа в русском склонении // To honor Roman Jakobson: Essays on the occasion of his 70-th birthday. – The Hague–Paris, Mouton, 1967. – P. 2328–2332.

Формальный аналог понятия падежа // Межвузовская конференция по порождающим грамматикам. Кяэрику, 15–22 сент. 1967 г.: Тезисы докладов. – Тарту, 1967. – С. 33–34.

Un modèle de la notion de cas // Deuxième conférence internationale sur le traitement automatique des langues. Grenoble, 23—25 août, 1967. – P. 2.

1969

Международная конференция по математической лингвистике. Гренобль, 1967 // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. II / Ред. В. Ю. Розенцвейг. – М., 1969. – С. 193–203. [Совм. с др.]

La morfologie nominale en russe // Langages: La linguistique en URSS. – Paris, Sept. 1969. – № 15. – P. 43–56. (Перевод на франц. язык 1-й главы книги «Русское именное словоизменение».)

Possibilità di uno studio tipologico-strutturale di alcuni sistemi semiotici modellizzanti // I sistemi di segni e lo strutturalismo sovietico. Semiotica della letteratura in URSS / Ed. R. Faccani, U. Eco. – Milano, 1969. – P. 319–332. [Соавт.: Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров.] (Перевод на итал. язык статьи 1962 г.)

Краткий русско-французский учебный словарь. – Изд. 3-е, испр. и доп. Около 13 500 слов. – М.: Госуд. изд-во словарей, 1969. – 688 с.

1970

О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных // V Всесоюзный симпозиум по семиотике: Тезисы. – Тбилиси, 1970. – С. 350–352. [Соавт.: Е. В. Падучева.]

A propos de la division des désinences nominales russes en parties significatives // Sign. Language. Culture / Editorial Board: A. I. Greimas (e. a.). – The Hague–Paris, Mouton, 1970. – P. 153–155. (Janua Linguarum. Studia memoriae Nicolai Van Wijk dedicata. Edenda cura C. H. Van Schooneveld. Indiana University. Series maior. 1).

1972

Составление части задач и редакция всех задач в книге: 200 задач по языкознанию и математике: Сборник задач I–VII традиционных олимпиад по языкознанию и математике. – М.: МГУ, 1972. – 252 с. (Публикации ОСиПЛ. Под общ. ред. В. А. Звегинцева. Вып. 8.)

Из древнеиндийской морфонологии // Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков: Предварительные материалы. – М.: Наука, 1972. – С. 50–52.

1973

О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях. I // Проблемы грамматического моделирования. – М.: Наука, 1973. – С. 53–87.

Винительный падеж в старославянском языке и общая проблема вариантности падежных форм // Кузнецовские чтения. 1973: История славянских языков и письменности. – М., 1973. – С. 12–14.

Вклад В. М. Иллич-Свитыча в сравнительно-историческую грамматику индоевропейских и ностратических языков // Советское славяноведение. – 1973. – № 5. – С. 82–91. [Совм. с др.]

[Отв. ред.:] Проблемы грамматического моделирования: Сборник статей. – М.: Наука, 1973. – 262 с.

[Отв. ред.:] Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков: Сборник статей. – М.: Наука, 1973. – 262 с.

1974

О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. Вып. 4 / Ред. Ю. А. Шрейдер. – М.: Изд-во ВИНИТИ, 1974. – С. 30–35. [Соавт.: Е. В. Падучева.]

Перепечатано в: Семиотика и информатика. Вып. 35: Opera selecta. – М.: Языки русской культуры; Русские словари, 1997. – С. 7–14.

Предисловие к кн.: Обратный словарь русского языка. Около 125 000 слов. – М.: Советская энциклопедия, 1974. – С. 4—9.

1975

К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика. Вып. 6: Грамматические и семиотические проблемы. – М.: Изд-во ВИНИТИ, 1975. – с. 51–101. [Соавт.: Е. В. Падучева.]

Перепечатано в: Семиотика и информатика. Вып. 35: Opera selecta. – М.: Языки русской культуры; Русские словари, 1997. – С. 59–107.

Морфонологическая классификация древнеиндийских глагольных корней // Очерки по фонологии восточных языков / Отв. ред. Т. Я. Елизаренкова. – М.: Наука, 1975. – С. 59–85.

Размышления по поводу «язв» А. А. Реформатского // Предварительные публикации Проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике. Вып. 71. – М., 1975. – С. 13–23.

К вопросу о том, что такое отдельный падеж // Proceedings of the Eleventh International Congress of Linguists. Bologna–Florence, Aug. 28 – Sept. 2, 1972. – T. II. – Bologna, 1975. – P. 427–431.

O możliwościach structuralno-typologicznych badań semiotycznych // Semiotyka kultury / Wybór i opracowanie E. Janus, M. R. Mayenowa. – Warszawa, 1975. – S. 67–83. [Соавт.: Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров.] (Перевод на польск. язык статьи 1962 г.)

Прилагательное // БСЭ. – Изд. 3-е. – Т. 20. – М., 1975. – С. 578, 579, стлб. 1722–1723.

Род грамматический // БСЭ. – Изд. 3-е. – Т. 22. – М., 1975. – С. 157, стлб. 458–459.

1976

Акцентологическая интерпретация данных древнерусского «Мерила Праведного» XIV века // Тезисы конференции по индоевропейскому и ностратическому языкознанию. – М., 1976. – С. 18–20.

Словоизменение // БСЭ. – Изд. 3-е. – Т. 23. – М., 1976. – С. 582.

Словоформа // Там же. – С. 582.

Согласование // БСЭ. – Изд. 3-е. – Т. 24 (I). – М., 1976. – С. 67.

Согласовательный класс // Там же. – С. 68.

1977

Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. – М.: Русский язык, 1977. – 880 с.

Рец.: *Скопина М. А.* // Русский язык в национальной школе. 1977, № 6. С. 75; *Николаева Т. М.* // Изв. АН СССР. ОЛЯ. – 1978. – Т. 37. – № 3. – С. 281–285; *Papp F.* // Studia slavica. – Budapest, 1978. – T. 24. – Fasc. 3–4. – S. 401–407; *Szegi O. V.* // Acta universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Sect. ling. Diss. slavicae. – 1978. – L. 26. – St. 1. – S. 55-62; *Horalek L.* // Rossica. – 16. – Olomouc, 1978. – S. 35–38; *Schweiger P.* // Revue Roumaine de Linguistique. – Bucarest, 1978. – T. 23, suppl. – S. 99–100; *Iráček J.* // Československá rusistika. – Praha, 1978. – Roč. 23. – Č. 4. – S. 187; *Viks Ju.* // Keel ja kirjandus. Tallinn, 1978. – № 7. – P. 441–443; *Герганов Е., Николов В.* // Съпоставително езикознание. – София, 1978. – Т. 3. – Кн. 3. – С. 93–94; *Думитреску М.* // Probleme de filologie rusa. Universitatea din Bucureşti. – Bucureşti, 1978. – P. 207–209; *Saloni Z.* // International Review of Slavic Linguistics. – Vol. 4. – № 1–2. – 1979. – P. 241–250; *Kozłowska Z.* // Przegląd rusycystyczny. – Lódź, 1979. – R. 2. – Z. 1. – S. 82–84; *L'Hermitte R.* // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. – 1979. – Vol. 74. – № 2. – P. 216–217; *Татар Б.* // Вопросы языкознания. – 1979. – № 2. – С. 135–138; *Суханова М. С.* // Русская речь. – 1979. – № 6. – С. 60–62; *Дюрович Л.* // Russian Linguistics, 1980. – № 4. – P. 405–411; *Јовановић Г., Гортан-Премк Д.* // Јужнословенски филолог. – Књ. 37. – Београд, 1981. – С. 287–291; см. также: *Ilola E., Mustajoki A.* Report on Russian morphology as it appears in Zaliznyak's grammatical dictionary. – Helsinki, 1989.

Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. – Вып. 8. – М.: МГУ, 1977. – С. 71–119.

Рец.: *Lehfeldt W.* // Russian Linguistics. – 5. – 1980. – P. 94–98.

О «Мемуаре» Ф. де Соссюра // *Ф. де Соссюр.* Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – С. 289–301.

Superposition of contradictory linguistic rules // XII Internationaler Linguistenkongress: Kurzfassungen. – Wien, 1977.

Structural typological study of semiotic modelling systems // Soviet semiotics: An anthology. – Baltimore; London, 1977. – P. 47–58. [Соавт.: Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров.] (Перевод на англ. язык статьи 1962 г.)

1978

Новые данные о русских памятниках XIV–XVII веков с различением двух фонем «типа *о*» // Советское славяноведение. – 1978. – № 3. – С. 74–96.

Противопоставление букв *о* и *ω* в древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное» // Советское славяноведение. – 1978. – № 5. – С. 41–68.

Грамматический очерк санскрита // Приложение к: *В. А. Кочергина.* Санскритско-русский словарь. – М., 1978. – С. 785–895. Словарь переиздавался вместе с приложением в 1987, 2005 гг.

Краткий русско-французский учебный словарь. – Изд. 4-е, испр. и доп. – М.: Русский язык, 1978.

1979

Акцентологическая система древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное» // Славянское и балканское языкознание: История литературных языков и письменность. – М.: Наука, 1979. – С. 47–128.

Рец.: *Lehfeldt W.* // Russian Linguistics. – 5. – 1981. P. 327–328.

О понятии графемы // Balcanica: Лингвистические исследования. – М.: Наука, 1979. – С. 134–152.

Синтаксические свойства местоимения КОТОРЫЙ // Категория определенности–неопределенности в славянских и балканских языках. – М.: Наука, 1979. – С. 289—329. [Соавт.: Е. В. Падучева.]

Словоформа // Русский язык: Энциклопедия. – М.: Русский язык, 1979. – С. 310.

Sobre a posibilidade de um estudo tipológico-estrutural de alguns sistemas semióticos modelizantes // Debates. Semiologia. Organizador B. Schnaiderman. Semiótica russa. – São Paulo, 1979. – P. 81–96. [Соавт.: Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров.] (Перевод на португ. язык статьи 1962 г.)

1980

Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1980. – 880 с.

1981

Противопоставление относительных и вопросительных местоимений в древнерусском // Балто-славянские исследования 1980. – М.: Наука, 1981. – С. 89–107.

Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи XVI в. // Славянское и балканское языкознание: Проблемы морфонологии. – М.: Наука, 1981. – С. 89–174.

Рец.: *Lehfeldt W.* // Russian Linguistics. – 6. – 1982. – P. 377–380.

Независимость эволюции редуцированных от ударения в восточнославянском // Структура текста – 81: Тезисы симпозиума. – М., 1981. – С. 28–31.

1982

Противопоставление книжных и «бытовых» графических систем в древнем Новгороде // Finitis duodecim lustris: Сборник статей к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. – Таллин: Ээсти раамат, 1982. – С. 82–85.

К исторической фонетике древненовгородского диалекта // Балтославянские исследования 1981. – М.: Наука, 1982. – С. 61–80.

1983

Редактирование и составление задач в книге: Лингвистические задачи: Книга для учащихся старших классов. – М.: Просвещение, 1983. – 222 с.

Теоретические основы праславянского акцентологического словаря // Славянское языкознание. IX Международный съезд

славистов. – М., 1983. – С. 47–60. [Соавт.: Р. В. Булатова, В. А. Дыбо.]

1984

Наблюдения над берестяными грамотами // История русского языка в древнейший период. (Вопросы исторического языкознания. Вып. 5). – М.: МГУ, 1984. – С. 36–153.

Древнерусское *рути* «подвергать конфискации имущества» // Балтославянские исследования 1983. – М.: Наука, 1984. – С. 107–114.

1985

От праславянской акцентуации к русской. – М.: Наука, 1985. – 428 с.

Рец.: *Feldstein R. F.* // Slavic and East European Journal. – Vol. 30. – № 4 (Winter 1986). – P. 594–596.

Дополнительные замечания об омеге в «Мериле Праведном» // Советское славяноведение. – 1985. – № 4. – С. 97–107.

1986

Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (Из раскопок 1951–1983 гг.). – М.: Наука, 1986. – 310 с. [Соавт.: В. Л. Янин.]

Рец.: *Franklin S.* // Slavonic and East European Review. – Vol. 65. – № 3 (July 1987). – P. 411–421; *Живов В. М.* // Вопросы языкознания. – 1988. – № 4. – С. 145–156.

1987

Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. – Изд. 3-е. – М.: Русский язык, 1987. – 880 с.

Текстовая структура древнерусских писем на бересте // Исследования по структуре текста. – М.: Наука, 1987. – С. 147–182.

О языковой ситуации в древнем Новгороде // Russian Linguistics. – V. 11. – 1987. – № 2–3. – P. 115–132.

Язык берестяных грамот: Новые проблемы истории русского Северо-Запада // Будущее науки. – Вып. 20. – М.: Знание, 1987. – С. 256–271. [Соавт.: В. Л. Янин.]

[Ред.:] Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). – М.: Русский язык, 1987. – Т. 1.

1988

Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. София, сент. 1988: Доклады советской делегации. – М.: Наука, 1988. – С. 164–177.

Древненовгородское койне // Балто-славянские исследования 1986. – М.: Наука, 1988. – С. 60–78.

Значение новгородских берестяных грамот для истории русского и других славянских языков // Вестник АН СССР. – 1988. – № 8. – С. 92–100.

О текстовой структуре берестяных грамот // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора: Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. – М.: Наука, 1988. – С. 14–16.

1989

Перенос ударения на проклитики в старовеликорусском // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. – М.: Наука, 1989. – С. 116–134.

Новгородские берестяные грамоты и проблемы древних восточнославянских диалектов // История и культура древнерусского города. – М.: МГУ, 1989. – С. 18–30.

Славянская частица *ти* // Синхронно-сопоставительное изучение грамматического строя славянских языков: Тезисы докладов и сообщений советско-польской конференции 3–5 окт. 1989. – М., 1989. – С. 15–17.

О некоторых связях между значением и ударением у русских прилагательных // Славянское и балканское языкознание: Просодия. – М.: Наука, 1989. – С. 148–164.

[Отв. ред.:] Славянское и балканское языкознание: Просодия. – М.: Наука, 1989. [Совм. с др.]

[Ред.:] Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). – М.: Русский язык, 1989. – Т. 2.

1990

«Мерило Праведное» XIV века как акцентологический источник. – München: Otto Sagner, 1990. (= Slavistische Beiträge, Bd. 266). – 183 с.

Огосподинъ // Вопросы кибернетики: Язык логики и логика языка. – М., 1990. – С. 6–25.

Об одном употреблении презенса совершенного вида («презенс напрасного ожидания») // Metody formalne w opisie języków słowiańskich / Red. Z. Saloni. – Białystok, 1990. – С. 109–114.

Словоизменение // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 467.

Словоформа // Там же. – С. 470.

[Ред.:] Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). – М.: Русский язык, 1990. – Т. 3.

1991

Берестяные грамоты перед лицом традиционных постулатов славистики и vice versa // Russian Linguistics. – 15. – 1991. – № 3. – P. 217–245.

Морфонологические модели *Луцѣ – Лучинъ* и *Лукѣ – Лукинъ* в славянских языках // Studia Slavica: К 80-летию Самуила Борисовича Бернштейна. – М, 1991. – С. 153–160.

Об одной берестяной грамоте XII века // Words are physicians for an ailing mind / Ed. M. Grochowski, D. Weiss. – München: Otto Sagner, 1991. (= Sagners Slavistische Sammlung, Bd. 17). – S. 503–508.

1992

Падение редуцированных по данным берестяных грамот // Русистика сегодня: Функционирование языка: лексика и грамматика. – М., 1992. – С. 82–105.

Правило отпадения конечных гласных в русском языке // Le mot, les mots, les bons mots. Word, words, witty words: Hommage a Igor Mel'čuk a l'occasion de son soixantiиme anniversaire. – Les presses de l'Université de Montréal, 1992. – P. 295–303.

Участие женщин в древнерусской переписке на бересте // Русская духовная культура / Под ред. Луиджи Магаротто и Даниелы Рицци. Департамент Истории Европейской цивилизации. Университет Тренто (La cultura spirituale russa. A cura di Luigi Magarotto e Daniela Rizzi. Departimento di storia della civiltà Europea. Testi e ricerche. № 11). – E. 127—146.

Вкладная грамота Варлаама Хутынского // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1990. – М.: Кругъ, 1992. – С. 7–17. [Соавт.: В. Л. Янин.]

Перепечатано в: Russian Linguistics. – 16. 1992/1993. – № 2–3. – P. 185–202.

1993

Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1984–1989 гг.). – М.: Наука, 1993. – 352 с. [Соавт.: В. Л. Янин.]

Псковские берестяные грамоты 6 и 7 // Советская археология. – 1993. – № 1. – С. 496–210. [Соавт.: И. О. Колосова и И. К. Лабутина.]

О вероятной связи группы берестяных грамот XII – начала XIII в. с посадниками Иванком Захарьиничем и Гюргием Иванковичем // Новгородский исторический сборник. – 4 [14]. – СПб.; Новгород, 1993. – С. 46–51.

Древнейший восточнославянский заговорный текст // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Заговор. – М.: Наука, 1993. – С. 104–107.

1994

Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1990–1993 гг. // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 3–22. [Соавт.: В. Л. Янин.]

1995

Древненовгородский диалект. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 720 с.

Рец.: *Vermeer W.* // Russian Linguistics. – 21. – 1997. – P. 89–94; *Birnbaum H.* // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. – 41. – 1997. – P. 207–216; *Šrámek R.* // Acta onomastica. – Praha, Ústav pro jazyk český AV ČR. 1999, vol. 39, № 1. P. 175–178.

Берестяной документ XII века о сборе югорской дани // The Language and Verse of Russia. In Honor of D. S. Worth on his 65-th birthday. Ed. by H. Birnbaum and M. Flier. – Moskva, 1995. – P. 283–290. (UCLA Slavic Studies. V. 2).

Une lettre d'amour vieux russe du XIe siècle // Université de Genève. Cahiers de la Faculté des Lettres, 1995. P. 6–10.

1996

Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1995 г. // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 13–16. [Соавт.: В. Л. Янин.]

Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1990–1995 г. // Средневековая Русь. – М., 1996. – № 1. – С. 120–153. [Соавт.: В. Л. Янин.]

1997

Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1996 г. // Вопросы языкознания. – 1997. – № 2. – С. 24–33. [Соавт.: В. Л. Янин.]

Об одном ранее неизвестном рефлексе сочетаний типа **ТъrТ* в древненовгородском диалекте // Балто-славянские исследования 1988–1996. – М., 1997. – С. 250–258.

1998

Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1997 г. // Вопросы языкознания. – 1998. – № 3. – С. 26–42. [Соавт.: В. Л. Янин.]

Из наблюдений над «Разговорником» Фенне // ΠΟΛΥΤΡΟΠΟΝ: К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. – М.: Индрик, 1998. – С. 235–275.

Послесловие лингвиста // В кн.: *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М., 1998. – С. 425–449.

Берестяные грамоты из раскопок в Заднепровье г. Смоленска // Историческая археология. – М., 1998. – С. 336–341. [Соавт.: Н. И. Асташова.]

О надписях на Суздальском змеевике // Балто-славянские исследования 1997. – М., 1998. – С. 540–562. [Соавт.: А. А. Гиппиус.]

1999

Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1998 г. // Вопросы языкознания. – 1999. – № 4. – С. 3–27. [Соавт.: В. Л. Янин.]

О древнейших кириллических абецедариях // Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. – М., 1999. – С. 543–576.

Проблема тождества и сходства почерков в берестяных грамотах // Великий Новгород в истории средневековой Европы: Сб. статей к 70-летию В. Л. Янина. – М.: Русские словари, 1999. – С. 293–328.

2000

Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. – Том X. – М., 2000. – 430 с. [Соавт.: В. Л. Янин.]

Рец.: *Faccani R.* // Russian Linguistics. – 2004. – Vol. 28. – № 1. – С. 125–130.

Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1999 г. // Вопросы языкознания. – 2000. – № 2. – С. 3–14. [Соавт.: В. Л. Янин.]

Лингвистика по А. Т. Фоменко // История и антиистория. Критика «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко. – М., 2000. – С. 18–75.

Перепечатано в: История и антиистория. Критика «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко. Анализ ответа А. Т. Фоменко. – М., 2001. – С. 18–75; Вопросы языкознания. – 2000. – № 6. – С. 33–68; Успехи математических наук. – 2000. – Т. 55, вып. 2 (232). – С. 162–188; Сборник Русского исторического общества. – М., 2000. – № 3 (151). – С. 74–105; Мифы «новой хронологии»: Материалы конф. на ист. факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, 21 дек. 1999 г. – М., 2001. – С. 127–176.

2001

Новгородская псалтырь начала XI века — древнейшая книга Руси // Вестник РАН. – М., 2001. – Т. 71. – № 3. – С. 202–209. [Соавт.: В. Л. Янин.]

Перепечатано в: Вестн. Рос. гуманит. науч. фонда. – М., 2001. – № 1. – С. 153–164; «Благой фонд, благое дело»: К 10-летию Рос. гуманит. науч. фонда. – М., 2004. – С. 335–346.

Новгородский кодекс первой четверти XI в. — древнейшая книга Руси // Вопросы языкознания. – 2001. – № 5. – С. 3–25. [Соавт.: В. Л. Янин.]

Принципы полемики по А. Т. Фоменко // История и антиистория. Критика «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко. Анализ ответа А. Т. Фоменко. – М., 2001. – С. 546–556.

2002

«Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. – М.: Языки славянской культуры. – 2002. – 749 с.

Древнерусская графика со смешением *ъ–о* и *ь–е*. В кн.: *А. А. Зализняк.* «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. – М., 2002. – С. 577–612. (Новая статья, включенная в этот сборник.)

Перепечатано в: Отцы и дети Московской лингвистической школы: Памяти В. Н. Сидорова. – М., 2004. – С. 165–192.

Берестяные грамоты из новгородских и новоторжских раскопок 2001 г. // Вопросы языкознания. – 2002. – № 6. – С. 3–11. [Соавт.: П. Д. Малыгин, В. Л. Янин.]

Литературные тексты на берестяных грамотах // Вестник РАН. – М., 2002. – № 6. – С. 510–514. [Соавт.: П. Д. Малыгин, В. Л. Янин.]

Тетралогия «От язычества к Христу» из Новгородского кодекса XI века // Русский язык в научном освещении. – 2002. – № 4. – С. 35–56.

Новгородское наречие // Родина. – М., 2002. – № 11/12. – С. 84–86.

2003

Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. – Изд. 4-е, испр. и доп. – М.: Русские словари, 2003. – 795 с.

Проблемы изучения Новгородского кодекса XI века, найденного в 2000 г. // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 г.: Доклады российской делегации. – М., 2003. – С. 190–212.

Перепечатано в: Вестн. Рос. гуманит. науч. фонда. – М., 2004. – № 3. – С. 60–178.

Древнейшая кириллическая азбука // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 3–31.

Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2002 г. // Вопросы языкознания. – 2003. – № 4. – С. 3–11. [Соавт.: В. Л. Янин.]

Значение берестяных грамот для истории русского языка // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения: Материалы

международной конференции (Великий Новгород, 24–27 сентября 2001 г.). – М., 2003. – С. 218–223.

Азъ архангѣлъ Гавриилъ пишѫ молитвѫ // Русистика. Славистика. Лингвистика: Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag. (= Die Welt der Slaven. Sammelbände, Bd. 19). – München, 2003. – S. 296–309.

2004

«Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 351 с.

Рец.: *Живов В. М.* // Отечественные записки. – № 4 (19). – 2004. – С. 345–349; *Turowskaja M.* // Neue Zürcher Zeitung. – 9 August 2005; *Saronne E.T.* // Studi slavici II. – 2005. – P. 291–295; *Вілкул Т.* // Ruthenica. – Том 4. – Київ, 2005. – С. 262–279; *Дашевский Г.* // http://www.svobodanews.ru/articlete.aspx?exactdate=20060601000218307; см. также: *M. Moser.* Sind der «Relativisator» *то* und die Syntax anderer Enklitika als klare Beweise für die Authentizität des Igorlieds zu werten? // Studia Slavica. – 50. – 2005. – № 3. – S. 267–282.

Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997–2000 гг.). – Том XI. – М.: «Русские словари», 2004. – 287 с. [Соавт.: В. Л. Янин, А. А. Гиппиус.]

Древненовгородский диалект. – Изд. 2-е, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 872 с.

Рец.: *Vermeer W.* // Вопросы языкознания. – 2005. – № 6. – С. 125–129.

Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2003 г. // Вопросы языкознания. – 2004. – № 3. – С. 15–23. [Соавт.: В. Л. Янин, Е. Н. Носов.]

Лексика «Тетралогии» из Новгородского кодекса // Russian Linguistics. – V. 28. – 2004. – № 1. – P. 1–28.

Запись дружинника Дмитра // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. – М., 2004. – С. 755–763.

Азбука на львовском колоколе // Живая старина. – М., 2004. – № 1. – С. 25–26.

Надписи-граффити в соборе Рождества Богородицы Антониева монастыря // *Л. И. Лифшиц, В. Д. Сарабьянов, Т. Ю. Царевская.*

Монументальная живопись великого Новгорода конца 11 – первой четверти 12 века. – М., 2004. – С. 774–777. [Соавт.: А. А. Гиппиус.]

2005

Берестяные грамоты из раскопок 2004 г. в Новгороде и в Старой Руссе // Вопросы языкознания. – 2005. – № 3. – С. 24–31. [Соавт.: Е. В. Торопова, В. Л. Янин.]

Подпись Анны Ярославны и вопрос о некнижном письме в древней Руси // Антропология культуры: К 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. – М., 2005. – С. 139–147.

Две древнерусские надписи нестандартного содержания // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. – XLIV–XLV, 2002–2003: Henrik Birnbaum In Memoriam. – P. 433–440.

Заклинание против беса на стене новгородской Софии // Язык. Личность. Текст: Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой. – М., 2005. – С. 711–719.

Древненовгородский диалект // Языки мира: Славянские языки. – М., 2005. – С. 438–444. [Соавт.: М. Н. Шевелева].

2006

Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г. // Вопросы языкознания. – 2006. – № 3. – С. 3–13. [Соавт.: В. Л. Янин.]

Можно ли создать «Слово о полку Игореве» путем имитации // Вопросы языкознания. – 2006. – № 5. – С. 3–21.

Еще раз о надписи № 199 из Новгородской Софии // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. – М., 2006. – С. 20–42.

К юбилею Владимира Антоновича Дыбо // Славяноведение. – 2006. – № 5. – С. 125–126. [Соавт.: С. Л. Николаев, Г. С. Старостин.]

Берестяные грамоты — бесценный источник сведений о древней Руси и ее языке // Лекции лауреатов Демидовской премии (1993–2004). — Екатеринбург: издательство Уральского университета, 2006.

[Пер. с франц.:] *А. Мартине.* Механизмы фонетических изменений: Проблемы диахронической фонологии. – Изд. 2-е [с новым названием]. – М.: URSS, 2006. – 260 с.

2007

«Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста». – Изд. 2-е, доп. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007. – 412 с.

Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2006 г. // Вопросы языкознания.– 2007. – № 3. – С. 3–10. [Соавт.: В. Л. Янин.]

Еще раз об энклитиках в «Слове о полку Игореве» // Вопросы языкознания. – 2007. – № 6. – С. 3–13.

Связь отглагольных существительных на *-ние*, *-тие* с глагольным видом // Terra Balcanica. Terra Slavica: К юбилею Татьяны Владимировны Цивьян. (Балканские чтения; 9). – М., 2007. – С. 43–51.

Слово лауреата // Похвала филологии. – М., «Русский путь», 2007. – С. 73–81.

Lingvistův doslov // *V. L. Janin.* Středověký Novgorod v nápisech na březové kůře s doslovem Andreje Anatoljeviče Zalizňaka. – [Praha]: Pavel Mervart, 2007. – S. 351–370. (Перевод на чеш. язык статьи 1998 г.)

2008

Древнерусские энклитики. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 278 с.

«Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста». – Изд. 3-е, доп. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. – 480 с.

Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. – Изд. 5-е, испр. – М.: Аст-пресс, 2008. – 795 с.

Из наблюдений над языком Афанасия Никитина // Miscellania Slavica. Сборник статей к 70-летию Б. А. Успенского.. – М.: Индрик, 2008. – С. 150–163.

Эволюция энклитик в истории русского языка // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г.: Доклады российской делегации. – М.: Индрик, 2008. – С. 183–198.

Берестяные грамоты // Новгородская энциклопедия. – Новгород, 2008.

СОДЕРЖАНИЕ

Из заметок о любительской лингвистике

Зализняк, Андрей Анатольевич.

З-23 Из заметок о любительской лингвистике / Андрей Зализняк. — М. : Русскiй Мiръ : Московские учеб., 2009. — 240 с. : портр. — (Серия «Литературная премия Александра Солженицына») . — ISBN 978-5-89577-132-7.

Агентство CIP РГБ

В современных публикациях получили заметное распространение любительские рассуждения о происхождении слов, основанные не на науке об истории языков, а на наивном представлении, что для таких рассуждений не требуется никаких специальных знаний, достаточно простых догадок. При этом на основании любительских догадок о происхождении слов в таких сочинениях часто строятся совершенно фантастические выводы об истории целых народов. В работе А. А. Зализняка «Из заметок о любительской лингвистике» показано, чем такие рассуждения отличаются от профессиональной лингвистики и почему они не имеют шансов вскрыть истинную историю слов. Особое внимание уделено самому яркому примеру использования любительской лингвистики для построения фиктивной истории многих стран — так называемой «новой хронологии» А. Т. Фоменко.

УДК 81'1(091) (092) Зализняк А. А.

ББК 80+81г (2) 6д. Зализняк А. А.

Литературная премия Александра Солженицына

Андрей Анатольевич Зализняк

ИЗ ЗАМЕТОК О ЛЮБИТЕЛЬСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Руководитель проекта *В. Е. Волков*
Редактор *А. М. Голицын*
Художник *В. В. Покатов*
Технический редактор *Т. Е. Постникова*
Корректор *О. Г. Наренкова*
Верстка *М. Н. Толстая*

Сдано в набор 15.09.2008. Подписано в печать 21.09.2009.
Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура NewtonC.
Печать офсетная. Печ. л. 15. Тираж 3000 экз. Заказ № К-2028.

ЛР № 071422 от 07.04.1997.
ООО Издательство «Русский Мир»
125252, Москва, ул. Зорге, 9А, стр. 2

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13

ISBN 978-5-89577-132-7

Литературная премия Александра Солженицына учреждена Русским Общественным Фондом и вручается ежегодно с 1998 года. Ею награждаются писатели, живущие в России и пишущие на русском языке, чье творчество обладает высокими художественными достоинствами, способствует самопознанию России, вносит значительный вклад в сохранение и бережное развитие традиций отечественной литературы. Кроме того, с 2002 года Премия присуждается за труды по русской истории, русской государственности, философской и общественной мысли, а также за значимые действующие культурные проекты.

В книгах серии «Литературная премия Александра Солженицына», выпускаемой издательством «Русскій міръ», публикуются избранные сочинения лауреатов этой Премии.